

СЕРГЕЙ
ЛУКЬЯНЕНКО

КОНКУРЕНТЫ

Э П И З О Д Ы

А А А А Р Р Р Р

Annotation

Если объявление на столбе приглашает вас стать пилотом космического истребителя — не спешите соглашаться, даже из любопытства. Всякое случается с людьми, решившими поиграть в компьютерную игру. Кто-то радуется, попав за штурвал настоящего космического корабля. А кто-то даже не успевает испугаться. Потому что теперь с ними все будет по-настоящему. Космос. Корабли. «Чужие». И смертельные схватки на орбитах далеких звезд.

- [Сергей ЛУКЬЯНЕНКО](#)
 - [ЧАСТЬ ПЕРВАЯ](#)
 - [ГЛАВА ПЕРВАЯ,](#)
 - [ГЛАВА ВТОРАЯ,](#)
 - [ГЛАВА ТРЕТЬЯ,](#)
 - [ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,](#)
 - [ГЛАВА ПЯТАЯ,](#)
 - [ГЛАВА ШЕСТАЯ,](#)
 - [ГЛАВА СЕДЬМАЯ,](#)
 - [ГЛАВА ВОСЬМАЯ,](#)
 - [ГЛАВА ДЕВЯТАЯ,](#)
 - [ГЛАВА ДЕСЯТАЯ,](#)
 - [ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ,](#)
 - [ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ,](#)
 - [ЧАСТЬ ВТОРАЯ](#)
 - [ГЛАВА ПЕРВАЯ,](#)
 - [ГЛАВА ВТОРАЯ,](#)
 - [ГЛАВА ТРЕТЬЯ,](#)
 - [ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,](#)
 - [ГЛАВА ПЯТАЯ,](#)
 - [ГЛАВА ШЕСТАЯ,](#)
 - [ГЛАВА СЕДЬМАЯ,](#)
 - [ГЛАВА ВОСЬМАЯ,](#)
 - [ГЛАВА ДЕВЯТАЯ,](#)
 - [ГЛАВА ДЕСЯТАЯ,](#)
 - [ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ,](#)
 - [ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ,](#)

- [ЭПИЛОГ — ЗЕМЛЯ](#)
 - [ЭПИЛОГ-КОСМОС](#)
-

Сергей ЛУКЪЯНЕНКО

КОНКУРЕНТЫ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
«ИМЕЮ КОМПЬЮТЕР — ГОТОВ
ПИЛОТИРОВАТЬ!»

ГЛАВА ПЕРВАЯ, в которой Валентин читает странное объявление, знакомится со странными людьми и желает странного

Объявление висело на столбе между «Сдам квартиру **только русской** семье, **только без детей**, дорого!» и «Сниму венец наивности в делах». Вначале Валентин раздраженно посмотрел на первое объявление. Интересно, понимал ли пишущий, что если жилье будет сдаваться лишь бездетным русским семьям, то скоро русских вообще не останется?

Второе объявление вызывало, скорее, одобрение. Венец наивности в делах снимать надо. Пусть даже придется заплатить очередному шарлатану, выдающему себя за магистра белой, черной и серо-буро-малиновой магии.

Валентин достал сигареты и закурил.

«Венца наивности» у него не было. Квартира была. Семей обзаводиться он пока не намеревался.

А потом его взгляд привлекло третье объявление.

Во-первых, оно было написано от руки. Очень аккуратным разборчивым почерком, но от руки. Во-вторых, по наглости, циничности и глупости оно не имело себе равных.

«Требуются пилоты орбитальных бомбардировщиков, космоистребителей, кораблей техподдержки. Возраст — от 18 до 45 лет, пол не имеет значения. Высокая оплата, медицинское обслуживание, страхование жизни. Контракт на срок от 3 лет. Обращаться по телефону: 8 916 654 0650».

Внизу объявление было разрезано на бумажную бахрому с номером телефона. Часть полосок была уже оторвана.

— Дим, глянь. — Валентин окликнул приятеля, топчущегося на обочине с поднятой рукой. Обычно в Москве такси ловится быстро, но сегодня был не их день. Точнее — не их вечер.

Дима подошел, глянул, не опуская вытянутой в сторону проспекта руки. Другой рукой он держал за веревочный хвостик коробку с тортом, что придавало его долговязой фигуре сходство с подъемным краном.

— Игра.

— Что?

— Играют, говорю. Делать людям нечего, они и играют. Одни

становятся эльфами и воюют с чудовищами. А другие в космосе воюют. Компьютеры сожрут человечество, вот увидишь. Вместо того, чтобы делом заниматься, люди дурью маются. Геймеры...

— Уверен?

Дмитрий сплюнул.

— Нет, конечно. Это на самом деле вербуют во французский космический легион... Валька, ты чего? У меня брат все вечера за такими играми просиживает, скоро из института вылетит и в армию загремит. И я тебе скажу, что это ему пойдет на пользу! Поумнеет. А то у парня всех радостей в жизни, что он — маг первого уровня и умеет файерболами кидаться. Даже девчонка его бросила...

Взвизгнув тормозами, к обочине с третьего ряда метнулась разболтанная «шестерка». Предоставив приятелю торговаться с кавказцем-водителем, который вначале зарядил цену в пятьсот рублей, а потом стал спрашивать, как проехать с шоссе Энтузиастов на проспект Андропова, Валентин изучал объявление.

Что-то его смущало. Несмотря на вполне убедительное объяснение.

Он протянул руку и оторвал полоску бумаги с телефоном.

Бумага. Вот что его смутило.

Мокрый грязный фонарный столб, который обдают брызгами машины, по которому струится дождь, на который садится пыль. Все объявления, хоть и наклеены недавно, серые и промокшие.

А этот листок — белый и сухой.

Почему сухой-то?

Валентин рывком сорвал объявление целиком и бросил под ноги в грязную лужу. Придавил носком ботинка. Убрал ногу.

Листок аккуратным белым прямоугольником всплыл из воды. На нем не было ни капельки, ни пятнышка.

— Черт... — Валентин нагнулся и подобрал бумагу. На ощупь — бумага как бумага.

Сухая и чистая.

— Валька! — Дмитрий уже забирался на переднее сиденье.

Спрятав объявление в карман, Валентин последовал за приятелем. В его руках весело позвякивал пакет с бутылкой шампанского и бутылкой коньяка.

Когда тебе нет еще и тридцати, каждый день рождения радует — как свой, так и чужой. Это позже начинаешь воспринимать неумолимо сменяющиеся цифры с раздражением: «и куда так спешить?».

Валентин курил на балконе восьмого этажа старой панельной многоэтажки. На этаж выше кто-то тоже смолил сигарету, но аккуратно, пепел вниз не стряхивая. За спиной Дима громко, в лицах, рассказывал анекдот про бедного инженера, которого взялась подвезти в Южное Бутово прелестная блондинка на дорогом кабриолете. Девчонки радостно хихикали.

На день рождения Юльки Валентин попал случайно. Похоже, Диме просто требовался спутник — холостой и в меру привлекательный, чтобы проводить домой Юлькину подружку... ну, или хотя бы вовремя увести и посадить в такси. На именинницу у Дмитрия были свои планы. Валентин же, весь вечер общаясь с подругой, понял, что у него никаких планов нет. Нет, поначалу девчонка ему понравилась. Но, господи, какая же она оказалась пустая!

Да, а вот лет десять... что там десять, лет пять, даже года два назад, это бы его ничуть не смутило! Не в институте же собрался с ней вместе учиться...

— Я старею, — сказал Валентин вполголоса. Выпитый коньяк требовал общения вслух.

— Это со всеми случается, — немедленно поддержали его с девятого этажа. — Не переживай.

Валентин поморщился и полез в карман за новой сигаретой. Черт бы побрал этих разговорчивых старичков-пенсионеров... Пальцы наткнулись на листок бумаги. С невольным раздражением Валентин вытащил листок (чистый, немятый), взял за краешек и поднес к уголку зажигалку.

Язычок пламени радостно лизнул бумагу.

Валентин ждал, пока колесико дешевой одноразовой зажигалки не раскалилось от огня. Потом осмотрел объявление, поднеся его к окну в комнату. Стер пальцами копоть.

Листок был целый.

Даже не обугленный.

Наверное, пластик. Есть же пластик, очень похожий на бумагу? Кажется, австралийские деньги на таком печатают. Или новозеландские? С виду как бумага, а не порвешь и не сожжешь...

Кому потребовалось писать дурацкое объявление на такой редкой бумаге?

Проклиная себя за глупость, Валентин достал мобильник и набрал телефонный номер. Пятница, одиннадцать часов, никто не ответит...

— Агентство по найму персонала «Звездный час» слушает! — ответил веселый молодой женский голос.

— Э... это очень хорошо, что слушаете. — Валентин ухмыльнулся. Игроки. Фанаты. Вывесили на столбе свой мобильный номер и готовы даже ночью отвечать. — Я звоню по объявлению. «Требуется пилоты...»

— Орбитальных бомбардировщиков, космоистребителей?

— Да.

— Ой, забыли снять, — сокрушенно ответили в трубке. — С пилотами уже как-то разобрались, сейчас больше требуются десантники, технические работники, повара, врачи...

— Ага. Значит, зря побеспокоил, — с сарказмом произнес Валентин.

— Нет, нет, что вы! Это наша оплошность... так что мы изыщем для вас место. Из резервов. Что вас более привлекает — бомбардировщики, истребители, линейные корабли? Я бы посоветовала начать с истребителей, если, конечно, у вас нет опыта космических сражений.

— Как-то не довелось, — вздохнул Валентин. И неожиданно для себя самого добавил: — В ПВО служил.

— Ну, с какой-то стороны — смежная область, — хихикнула девушка. Почему-то Валентин сразу представил ее — худенькая, рыженькая, с веселыми глазами под строгими круглыми очками. Нет уж, еще телефонных романов с безумными игроками ему не хватало! — Значит, летного опыта не имеете?

— Не имею.

— Сколько вам лет?

— Тридцать пять. С половиной.

— Какие-нибудь серьезные болезни?

— Хроническая наивность.

Девушка хихикнула, будто он пошутил невесть как удачно.

— А летать не боитесь? С парашютом прыгали?

— Не боюсь, — мысленно Валентин добавил «особенно, когда выпью». — Не прыгал.

— Ну ничего, это не страшно, — утешила его девушка. — Приходите, мы все обсудим.

— Когда приходить?

— Да хоть сейчас. — В трубке опять засмеялись. — Мы работаем круглосуточно.

— И куда?

— Огородный проезд, дом пять. Спросите Инну. Рассказать, как добираться?

— Разберусь. — За спиной Валентина открылась дверь, и он, неожиданно смутившись, прервал связь.

Дмитрий заговорщицки подмигнул ему и громко сказал:

— Валек, ты Верочку до дома не проводишь? У нее родители строгие, поздно возвращаться не велят...

Верочка давно уже вышла из того возраста, когда согласовывают с родителями время вечернего возвращения домой. Но Валентин покорно подхватил под руку хихикающую Верочку и двинулся в прихожую.

Предусмотрительный Дима, которому не терпелось остаться с Юлей наедине, вызвал такси к подъезду. Валентин пропустил вперед Верочку, забрался следом.

— Куда едем? — равнодушно поинтересовался таксист. Верочка выжидающе посмотрела на Валентина. Тот благодушно улыбнулся в ответ.

— Семнадцатый проезд Марьиной Рощи, — мрачно ответила Верочка. Похоже, несмотря на «строгих родителей», она не оставляла надежду заночевать у Валентина. — Там, на углу с Огородным проездом...

Валентин вздрогнул.

* * *

Несмотря на ночное время, дверь была приоткрыта. Изнутри, из ярко освещенного коридора, доносилось бормотание телевизора. Шел футбол. Валентин помялся у двери, изучая табличку «Агентство по найму персонала „Звездный час“, круглосуточно, без перерывов и выходных».

Интересные дела. Здание никак не походило на обитель игроков. Большое офисное здание... наверняка недешевая аренда...

Требуются пилоты, значит?

Валентин вошел и сразу наткнулся на взгляд охранника, сидящего за столом. Похоже, пока он медлил у дверей, охранник, оторвавшись от портативного телевизора, где транслировали футбольный матч, наблюдал за ним по настенному монитору.

— Проходите, проходите, — дружелюбно сказал охранник. — Вы, наверное, Валентин Сафонов? По коридору, третья дверь налево...

Валентин не шевельнулся.

— Да, да, вы не называли имени. — Лицо охранника было воплощенным дружелюбием, что не так уж и просто для человека ростом под два метра, с квадратным подбородком и несколько раз ломанным носом. — Но у нас работа такая. Проверили номер мобильного, посмотрели, что вы за человек...

— И как? — уточнил Валентин.

— Мы очень любим журналистов!

Валентин с сомнением покачал головой. И офис у них... дороговат для компьютерных игроков. И методы проверки — как в крупной корпорации. Но при этом демонстративное признание в том, что провели негласную проверку.

— Гол! — завопили в телевизоре. Охранник прильнул к маленькому экрану, потеряв к Валентину всякий интерес.

— А мы очень любим загадочные объявления, — сказал Валентин и прошел мимо охранника. Первая дверь, вторая...

Третья дверь была распахнута настежь. Просторная комната с четырьмя столами для приема посетителей. На каждом столе — компьютер, папки с бумагами. На подоконнике — чайник, чашки, коробки с печеньем и конфетами. В общем — обычная контора.

Занят был лишь один стол.

— Инна? — спросил Валентин.

Девушка была совсем не такая, как он представил. Пиджачок, юбка до колен — строгий офисный стиль. Высокая, но без худобы. Черные волосы уложены в простую гладкую прическу. Привлекательное лицо, но не такое, чтобы сразу врезалось в память. Очки и впрямь есть, но тоненькие, модные, не то настоящие очки, не то просто украшение... Лишь глаза насмешливые — именно таких глаз он и ждал.

— Проходите, Валентин. — Девушка привстала, указывая на стул. — Садитесь. Чай, кофе?

— Потанцуем... — буркнул Валентин, усаживаясь. — Скажите, Инна, с какой стати вы устроили это... это детективное расследование? И по какому праву?

Девушка посмотрела на него честными и наивными глазами.

— Ну так ночь на дворе, Валентин Андреевич! Мало ли кто придет... страшно. А Васильич у нас хоть и ветеран спецподразделений и вообще мужчина серьезный, но один... Я и попросила — ты хоть глянь по телефонной базе, кто звонил, кем работает...

— Такие базы данных — незаконны, — сказал Валентин.

— Да вы что? — Инна округлила глаза так картинно, что сомнений не было: «включила дурочку». — Правда? А я на Савёле купила, думала — раз продают, значит, можно... Ну мы больше не станем ею пользоваться. Мы честные люди, мы не какие-нибудь мошенники...

— Да не валяйте вы комедию, — брезгливо сказал Валентин. — Да, я журналист. Да, пришел потому, что интересный материал можно найти и на столбе. Ну так как... требуются пилоты?

— Я нашла для вас одну вакансию! — Инна даже засмеялась и легонько захлопала в ладоши. Потом посмотрела на Валентина с сомнением. — Или... или вы совсем не интересуетесь такой работой? Вам нужен только этот... репортаж?

— Интересуюсь.

— Тогда смотрите. — Инна привычным движением развернула к нему монитор. Набрала на клавиатуре адрес www.starquake.ru. Щелкнула пальцем по вводу.

— Звездотрясение, — мрачно сказал Валентин, глядя на экран, где вращалась несуразная с виду, но очень разноцветная космическая станция. Космос черный-черный, звезды яркие и разноцветные, мельтешат какие-то кораблики, исчезают в радужных всполохах. — Игра?

— Игра, — с улыбкой подтвердила Инна. Валентин кивнул:

— И вам требуются пилоты для игры. Звездотрясуны.

— Какой вы смешной. — На этот раз Инна улыбаться не стала. — Для игры? Можно сказать и так. А можно — иначе.

— Ну так расскажите и так, и эдак.

— Это игра, — сказала Инна. — Разумеется, всего лишь игра. Но представьте себе, что давным-давно в далекой-далекой галактике все это происходит на самом деле. Космическая платформа с ангарами, лабораториями, складами. Планеты — необитаемые. Корабли. Все хорошо, да вот только не хватает людей.

— Пилотов?

— И пилотов тоже. Вы можете просто играть... а можете — отправиться туда... — Девушка кивнула на экран. — И попытаться поиграть всерьез...

— Ага. — Валентин с любопытством посмотрел на Инну. — Итак, вы предлагаете поиграть... ну, или на самом деле завербоваться в пилоты?

— Допустим. — Девушка кивнула.

— А высока ли оплата? Работа-то сложная и опасная. — Валентин с удовольствием перешел на серьезный и задушевный тон.

— Но зато сколько приключений и впечатлений! Впрочем... все, что вам удастся заработать, вы вправе привезти на Землю.

— Соблазнительно. — Валентин покивал, внимательно оглядывая комнату. Нет ли скрытых камер? Любят телевизионщики развлекаться, снимать все эти бесчисленные шоу и розыгрыши... — Но дела, работа, старушка мама, детки малые...

— Мама ваша не старушка, детей у вас нет, — равнодушно ответила Инна. — Впрочем, никто не пострадает от вашего отсутствия. Дело в том,

что вы останетесь на Земле.

— Почему-то не удивлен...

— И одновременно отправитесь в далекий космос. Ваше тело воссоздадут на станции, — она кивнула на экран, — и перепишут в него ваше сознание. Очень удобно.

— А... — протянул Валентин, включаясь в игру. — Удобно! Только можно не мое тело? Я хочу быть повыше, помускулистее... Еще я хочу быть негром...

— Не получится. Вы прожили почти двадцать девять лет в этом теле. Конечно, оно не в лучшей форме. — Инна мягко улыбнулась, смягчая резкость своих слов. — Но к чужому телу вам придется привыкать годами. Вначале — привыкать дышать, есть, пить, контролировать сфинктеры. Потом — ходить, бегать, говорить. Нет, овчинка выделки не стоит. Если вы примете наше предложение, то окажетесь именно в своем теле. Ну... разве что цвет кожи... — Инна задумалась. — Если вы очень настаиваете...

Валентин оторопело смотрел на нее.

Как-то все пошло не так.

Они ведь оба прекрасно понимают, что это лишь игра! Шутка! Ему должны были пообещать хоть мускулатуру Валиева, хоть гибкость Джеки Чана! Всерьез обосновывать невозможность смены тела — это перебор.

— Боюсь, что и с цветом кожи могут возникнуть проблемы, — сообщила Инна. — Белый человек с черной кожей — это всего лишь крашенный белый. Чтобы стать негром, вам придется несколько изменить всю физиологию. Но вы не переживайте, белым быть совсем неплохо.

Они молча смотрели друг на друга.

— А если я погибну... там? — Валентин кивнул на дисплей. — Меня вновь оживят?

— Нет, конечно же. Во-первых, если вы погибнете, то этим покажете свою недостаточную квалификацию. А во-вторых, человек не может воскреснуть после смертного шока. Одно дело скопировать живого и здорового человека. Другое — воскрешать мертвого. Увы, мы не волшебники.

Обычный офис. Недорогие крутящиеся кресла. Корейские мониторы. Чайник на подоконнике. Печенье и конфеты.

— А кто вы? — тихо спросил Валентин.

Инна выдержала несколько секунд паузы. А потом вновь улыбнулась:

— Мы? Конечно же, мы — агентство по найму персонала «Звездный час». Привлекаем людей для участия в компьютерной игре. Нет, вы же не допускаете всерьез, что... Или допускаете?

Валентин встряхнулся.

— Поскольку я собираюсь написать статью про современные игры, то будем считать, что допускаю... Так, скажите, а каков мой интерес, если я остаюсь на Земле, а туда, — он кивнул на дисплей, — отправится мой двойник? Будете присылать мне отчеты о его приключениях?

— Зачем же? Подключайтесь к игре, наблюдайте... А через три года, если все будет в порядке...

— Мой двойник придет ко мне и придется выправлять ему документы?

Инна засмеялась.

— Нет, конечно же. Просто его сознание перепишут обратно вам. И вы будете помнить не только свою московскую жизнь, беготню по редакциям, интервью с капризными звездами, посиделки с друзьями — а еще и приключения среди звезд, сражения, тайны, открытия...

— Звучит заманчиво. — Валентин кивнул. — Итак... допустим, я согласен.

— Допустим — или согласны?

— Согласен. Требуется что-то подписать?

— Да нет, зачем. Мы не формалисты. Согласие выражено в явной форме, все в порядке. Идемте, Валентин.

Вслед за девушкой Валентин вышел в коридор. Они прошли мимо закрытых дверей, мимо кулера с холодной и горячей водой, мимо кофейного автомата, каких-то унылых бюрократических циркуляров на стене и неизбежного «плана эвакуации при пожаре». В торце коридора, напротив входа, была еще одна дверь — массивная, обшитая деревом, но такой толщины, что походила на вход в банковское хранилище. Инна достала из кармана связку ключей. Один, второй, третий... Потом быстрый набор цифр на панельке кодового замка — панель засветилась зеленым, послышался писк зуммера.

— Ого, — сказал Валентин.

Инна повернулась к стене. Только сейчас Валентин заметил прикрученную рядом с дверью коробку из зеленовато-серого пластика. Из коробочки торчал окуляр с резиновой манжетой — Инна сняла очки и прижалась к окуляру, будто высматривая что-то. Коробочка пискнула. В двери раздались щелчки, послышался легкий гул.

— Открывайте, — сказала Инна, снова пряча глаза под стеклами. — Дверь тугая...

Валентин потянул за ручку, ожидая увидеть за дверью что-то из декораций фантастических фильмов: лабораторию безумного ученого, с

мигающими лампочками на огромных нелепых машинах, или ангар, посреди которого стоят «звездные врата» инопланетного дизайна...

За дверью была улица. Капало с крыши. Рябили от мороси лужи. Бездомный пес рылся в груде мусора возле переполненного бака. От бака ощутимо пованивало.

— Ресторан здесь, вечно мусор не вовремя вывозят, — извинилась Инна. — Проходите.

Валентин шагнул в дверь.

На миг он ощутил тоскливую холодную пустоту в груди — будто сердце засбило, пропустило удар, замерло, раздумывая, не потребовать ли от хозяина отпуск... В глазах защипало. Нога ухнула в пустоту.

— Ступенька, милорд, осторожно, милорд! — весело напела за спиной Инна. — Не упадите!

Валентин протер ладонью глаза. Спустился по трем обшарпанным каменным ступеням. Посмотрел на Инну — темный силуэт в прямоугольнике открытой двери.

— Ну? И куда идти?

— Направо, потом снова направо. Выйдете обратно на Огородный проезд.

— А... — Валентин замялся. — А как же вы меня отправите в этот... дальний космос?

— А вы уже там. — Инна развела руками. — У нас все быстро и без бюрократии. Удачи, Валентин. Если через три года с вами *там* все будет хорошо, то с вами здесь свяжутся.

Дверь мягко захлопнулась. В ней что-то пощелкивало, будто задвигались невидимые ригели многочисленных замков. С улицы дверь оказалась металлическая, грубая, краска на стали облупилась.

Валентин выругался. Постучал в дверь кулаком.

Никакого эффекта.

От пары фонарей, освещавших двор, толку было мало. Валентин достал зажигалку, подсветил.

Ну да, с этой стороны ни ручки, ни замка. Глухое железо.

И кое-где на нем выцарапаны и написаны слова:

СВОЛОЧИ!

ВЕРНИТЕ МЕНЯ!

ПОПЛАТИТЕСЬ!

Но в основном надписи были нецензурными.

— Любители дешевых эффектов, — пробормотал Валентин. Пнул дверь, но осторожно, чтобы не отбить ногу, и пошел направо. Пес

подозрительно покосился на него,

Валентин сделал вид, что подбирает с земли камень. Обиженно гавкнув, собака скрылась за баком.

Выйдя на Огородный, Валентин заколебался. Но все же подошел обратно к двери агентства.

Закрыто.

— Ну да. — Валентин постучал. Выждал, постучал еще.

Клацнули замки, дверь открылась. Заспанный пожилой человек с выпирающим над ремнем пузом недружелюбно спросил:

— Ну, чё тебе?

— А... — Валентин заглянул через его плечо. Телевизор на столе выключен, в коридоре свет погашен. — А мне в агентство!

— Пить надо меньше, — сказал охранник. — Ночь на дворе.

— Так вы же без перерывов и круглосуточно...

— Круглоуюточно! Какой дурак ночью пойдет в агентство?

Дверь захлопнулась.

Валентин посмотрел на табличку.

Агентство по найму персонала

«Звездный час»

Открыто с 10.00 до 19.30, перерыв с 13.00 до 14.15.

Почему-то его добила «четверть третьего».

— Не перерабатывают, — сказал Валентин сам себе с невольным восхищением. — Нет, вот ведь паршивцы!

Розыгрыш.

Дурацкий и умеренно сложный.

Но зачем?

— Очень смешно! — громко сказал Валентин. — Я постараюсь написать про вас такую же смешную статью!

На его беспомощную угрозу никто не отреагировал.

В довершение всего машину Валентин поймал только через полчаса, когда дошлёпал по лужам до Алтуфьевки.

ГЛАВА ВТОРАЯ,

в которой я понимаю, что получил все сполна и даже больше того

На миг я ощутил тоскливую холодную пустоту в груди — будто сердце засбоило, пропустило удар, замерло, раздумывая, не потребовать ли от хозяина отпуск... В глазах защипало. Нога ухнула в пустоту.

— Ступенька, милорд, осторожно, милорд! — весело напела за спиной Инна. — Не упадите!

Я протер ладонью глаза.

Отнял руку от лица.

И замер.

Мусорного бака, бродячей собаки, луж — больше не было. Не было дождя.

Не было и двора, собственно говоря.

Маленькое квадратное помещение. Под потолком — несколько круглых плафонов, светящихся неярким белым светом. Один плафон раздражающе мигал. Стены, потолок, пол — все черное, металлическое, грубое, грязноватое. Особенно пол...

Я обернулся — за спиной оказалась невысокая прямоугольная арка. Тоже металлическая, но почище и матово-серая. От арки шел легкий запах озона.

Почему-то я не запаниковал.

Только сердце забухало в груди.

Собственно говоря, объяснение могло быть только одно. Для розыгрыша все было умопомрачительно сложно, в галлюцинации или гипноз я не верю. Выходит...

Выходит, я не на Земле?

Я в этом самом далеком-далеком космосе, куда так опрометчиво попросился. Требуются пилоты. Три года. Потом — возвращение... если выживешь.

Я вдруг представил, как там, на Земле, я вышел из здания и пошел, ругаясь и пребывая в полной уверенности, что над ним подшутили, ловить машину. Пальцы сжались в кулаки. Злиться на себя — глупо, но сейчас я злился. Даже больше, чем на прикидывающуюся простушкой Инну. Увидеть бы ее сейчас... так ведь осталась на Земле.

Выйдя на центр зала, я огляделся. Если я вошел... перенесся через эту арку, то должен быть и другой выход. Более обычный.

Словно в ответ на мои мысли, в стене заскрежетало. Гладко пригнанная, почти неразличимая дверь открылась вовнутрь.

И я увидел Инну.

Вот только облегчения мне это не принесло. Да, это была та самая девушка, которая только что открывала передо мной дверь. Вот только выглядела она совсем другой.

Комбинезон из серебристо-серой ткани, множество карманов, какие-то сумочки, притороченные к поясу, высокие ботинки, нашивки на рукавах... Что-то среднее между туристическим снаряжением и военной формой, обычно такое носят мужики, старающиеся выглядеть мужественнее. Кожаная планшетка в руке тоже добавляла милитаристских аллюзий.

Ну ладно, это, в конце концов, ерунда.

Очки в другой оправе — тоже мелочь.

И на светлые волосы можно не обращать внимания, для женщины перекраситься — все равно что для мужчины рубашку сменить.

А вот то, что на лице у Инны не было ни грамма косметики — вот это серьезно. Я таких девушек хорошо знаю. Они могут и ватник надеть, если на даче предстоит поработать. Но вот не подкрасить губы, глаза, хоть чуть-чуть за собой не поухаживать, перед тем как выйти на люди — никогда!

Я один такой случай знал. Из редакции, где мы вместе работали, девчонка-фотокорреспондент поехала на Кавказ, три месяца провела в «горячей точке». Когда вернулась обратно — вроде все было нормально. В глазах, правда, что-то неуютное появилось, но это если всматриваться. А вот про косметику она словно забыла. Нет, за собой следила, все было нормально, но вот помаду или тушь у нее ни в руках, ни на лице несколько месяцев обнаружить было нельзя. Будто она не понимала, зачем это вообще нужно.

— К чему весь этот цирк? — спросил я.

Инна поморщилась. Потом понимающе кивнула.

— Вас, очевидно, отправляла... я?

— Вы.

— Все не так, как вы подумали. Два года назад я сама завербовалась на Станцию. Так что извините... но за ту дуру, что сидит в офисе на Чистопрудном, я не отвечаю!

— Не на Чистопрудном. На Огородном проезде.

— О Господи, опять переехали... — Инна махнула рукой. — Вы как, в порядке? Пойдете со мной?

— А у меня есть выбор? Можно вернуться?

— Нет. Но вы можете упереться и сидеть здесь, пока не оголодаете. Силой вас никто никуда не потащит. Как вас зовут?

— Валентин.

— Меня Инна... впрочем, вы же знаете. Я здесь отвечаю за прием рекрутов. Идем?

Я пожал плечами.

Если это все правда, то никакого смысла буянить нет. Если я и впрямь стал жертвой невероятно сложного розыгрыша, то тем более. Напротив. Надо вести себя спокойно и невозмутимо, но одновременно иронично. Так, чтобы со стороны невозможно было понять — верю я в происходящее или изящно поддерживаю розыгрыш...

— Идем, конечно, — сказал я. — Раньше сядем, раньше выйдем.

Инна испытующе смотрела на меня. Потом переложила планшетку из правой руки в левую. Оказалось, что в руке, пряча под планшеткой, она держала пистолет — маленький, блестящий.

— Ого, — сказал я.

— Некоторые слетают с катушек, — пояснила Инна. Поколебавшись, спрятала пистолет в кобуру на поясе.

— И вы в них стреляете?

— Да это же парализатор! — Она улыбнулась. — Десять минут покоя и чуть-чуть позора.

— А позор откуда?

— Из мокрых штанов. Идите вперед, Валентин.

Она посторонилась, пропуская меня, — и я вышел в полутемный коридор метров десять длиной.

Неприятное ощущение, когда не до конца понимаешь, что происходит. Уж лучше неприятная правда, чем томительное ожидание.

— Вы все еще не можете понять, где находитесь? — спросила Инна.

— Да.

— Подойдите к окну.

Только тут я понял, что правая стена коридора не металлическая, а стеклянная, только серая, матовая, непрозрачная. Закрытая снаружи какими-то ставнями?

— Смотрите...

Инна что-то делала с наручными часами. Хотя — часы ли это были? Широкий браслет, большой экран...

Мне вдруг стало нестерпимо страшно. Захотелось, как это ни нелепо, выкрикнуть: «Не надо!».

Но было уже поздно — стекло стало прозрачным. Никаких ставней не было, наверное, само стекло было поляризованным.

За стеклом была бездна.

А в бездне — звезды.

Яркие — такие яркие, что казались огромными, хоть глаз и не чувствовал размера. Немигающие — не было воздуха, который заставляет их мерцать. Разноцветные — желтые, красные, белые, синеватые...

А где-то на самом краю окна переливалось и кружилось радужное свечение — будто северное сияние скомкали, подвесили в пустоте и закрутили вокруг оси. У меня перехватило дыхание — это было и красиво, и одновременно жутко.

Я оперся обеими руками о стекло, то ли стараясь убедиться, что между мной и космосом есть преграда, то ли чтобы удержаться на ногах.

— Теперь верите? — В голосе Инны послышалось сочувствие.

— Это же... не экран? — спросил я. — Это настоящее?

— Более чем.

Стекло снова помутнело.

Я повернулся к Инне — девушка смотрела на меня с любопытством и, кажется, с уважением.

— Некоторые начинают вопить, — сказала она. — Некоторые лезут в драку. А некоторые рыдают как дети.

— Почему вы покрасились? — спросил я.

— Чего? — Первый раз она растерялась.

— Почему вы выкрасили волосы?

— Я их не красила. Я блондинка. — Она вдруг покраснела, сильно и стремительно.

— Но... на Земле...

— Я крашу волосы в темный цвет, понятно? Потому что каждый идиот, который носит брюки, уверен, что блондинки — дуры и не думают ни о чем, кроме как о постели!

— А здесь?

— А здесь просто нет краски для волос! — Инна замолчала. Спросила: — Слушайте, Валентин, к чему был этот вопрос?

— В себя пытаюсь прийти, — честно сказал я. — А это лучше всего делать, задавая странные вопросы.

Инна фыркнула.

— Оригинальничаете? Идемте, у меня дел по горло. Вас никто не ждал, набор пилотов завершен неделю назад...

— Спасибо, мне уже сообщили.

— Слушайте! — Инна вдруг оживилась. — Вы всерьез хотите туда? — Она кивнула на стену. — Вам что, приключений хочется? Так приключения, знаете ли, часто бывают с печальным исходом.

— Что, есть варианты?

— Есть. — Инна кивнула. — Повар нужен позарез. Готовить умеете? Вы вообще-то кто по специальности?

— Журналист.

— Боже, ну и подвалило счастье. — В голосе Инны прозвучало разочарование. — Акула пера...

— Не любите журналистов?

— При чем тут любишь — не любишь? Нет у нас тут потребности в журналистах... Врачи, повара, техники... Машина есть?

— Есть, — признался я и зачем-то добавил: — «Рено».

— Да хоть бы и «роллс-ройс». Любите в железках возиться, чинить там чего-нибудь?

— Я карбюратор от аккумулятора не отличу.

— Ну и мужики пошли. — Вот теперь Инна выглядела удовлетворенной. — Похоже, руками что-то делать только китайцы могут. А вам... или летать и стрелять, или всякой дурью заниматься. Неделю назад скрипача прислали, представляете?

— Скрипач не нужен?

— Не нужен, но пристроили... куда ему в космос-то. Теперь в баре пиликает. Хорошо хоть скрипка с ним была... Нет, ну вы представьте, домашний мальчик восемнадцати лет из хорошей семьи, по имени Леонид Левинсон поссорился с мамой и завербовался к нам. В иллюминатор посмотрел — и грох в обморок! Скрипку, однако, перед тем как упасть, бережно прижал к животу.

— Инна, я очень люблю тех, кто много говорит, — сказал я. — Но если бы вы вначале ответили на мои вопросы, нам обоим было бы проще.

Девушка замолчала. Испытующе посмотрела на меня, кивнула:

— Хорошо. Заслужили крепкими нервами. Профессиональное, наверное? Идемте, сядем спокойно, я вас угощу кофе и отвечу на все вопросы. Поверьте, скрытничать никто не собирается... так же как и возиться с вами...

* * *

Если бы не иллюминатор, я бы решил, что нахожусь в обычной

однокомнатной квартире. Стены оклеены обоями — желтенькими в полосочку, потолок вроде как пластиковый, натяжной, но самый обычный, матово-белый, в центре свисает лампа на три рожка из мутного стекла. На полу темно-серый линолеум, расцветка «мечта лентяя». Мебель простенькая, как из ИКЕИ, но вполне обычная — в углу диван-кровать, рядом гардероб, посередине стол и три стула, у стены шкаф с полупустыми полками: немного книг, маленький музыкальный центр, немного дисков, немного всякой мелочевки, что всегда накапливается на полках. Одна дверь, наверное, в ванную комнату. Другая, открытая, на крошечную кухню.

Если бы не иллюминатор...

Пока он был задернут шторами, я ничего и не замечал. Но Инна усадила меня за стол и отдернула занавеску.

А за ней было круглое окно диаметром в метр, за окном — черный космос и разноцветные звезды.

— Настоящий иллюминатор, между прочим, не экран, — бросила Инна мимолетно. — Большая редкость в жилых помещениях.

— Удобно, всегда можно проветрить, — мрачно сказал я. Девушка засмеялась.

— Нет, вы мне положительно нравитесь... Такая невозмутимость... Валентин, давайте для начала покончим с маленькой формальностью?

— Какой?

— Мне нужен ваш анализ крови.

Инна полезла в ящик стола, извлекла оттуда пузырек с прозрачной жидкостью, комок ваты, заткнутую пробкой пробирку, иглку в прозрачном пакетице (память вдруг выдала слово «скарификатор»).

— Зачем? — настороженно спросил я.

— Ее выпьют инопланетные монстры. Нет, не так. Безумные ученые будут проводить над ней генетические эксперименты. Нет, лучше мы используем ее для заговоров и ворожбы... Да что вы напрягаетесь, Валентин? Нам нужно знать вашу группу крови — мало ли что может случиться?

— Я и так ее знаю. Вторая положительная.

— Простите, но мы доверяем только своей лаборатории. Вы боитесь уколов?

Вздохнув, я протянул руку. Инна мазнула по пальцу смоченной в спирте ваткой, быстро кольнула иглой. Было почти не больно.

— Держите палец над пробиркой... мне нужно всего пару капель.

Зажав укол ваткой, я смотрел, как Инна закрывает пробирку, уносит на

кухню, там прячет в какой-то белый шкафчик. Холодильник? Очень похож.

Я смотрел на нее через открытую дверь. Инна наполнила из пластиковой бутылки чайник — тоже вполне обычный с виду, включила. На кухне была крошечная мойка, маленькая электрическая плита и совсем уж крохотный столик, под которым пряталась табуретка. Одному можно и на кухне позавтракать, вдвоем уже не уместись.

— Нет, вы точно решили заpastись компонентами для «Кровавой Мэри».

— Все шутите?

— Это с перепугу...

— Знаете, с перепугу себя ведут иначе. Я тут, как-никак, два года... Вам покрепче?

— Если можно.

Инна хмыкнула, открыла маленькую баночку и аккуратно отмерила в большую чашку две ложки растворимого кофе.

— Можно... в честь прилета. Молока не предлагаю, кончилось... Сахар?

— Нет, спасибо. — Я поймал себя на том, что упорно кошусь в иллюминатор, и перевел взгляд. А фигурка у нее хорошая... даже идиотский мешковатый комбинезон не портит...

— Не смущайтесь, с сахаром проблем нет.

— Я не смущаюсь.

Инна вернулась, поставила на стол чашки, вазочку с печеньем. Подперла голову руками, задумчиво посмотрела на меня.

— Итак? — спросил я, пробуя кофе. Вполне нормальный кофе, ничего необычного.

— Три года назад я устроилась на работу в агентство «Звездный час», — сказала Инна. — Там как раз сменился владелец, и набирали новый персонал. Выглядело все немного странно: объяснили, что агентство теперь занимается набором персонала для компьютерных игр. Но люди же и впрямь любят играть, я подумала, что это интересное направление бизнеса... а зарплату пообещали очень хорошую, никаких выплат «в конвертах», никаких испытательных сроков... В общем, я согласилась. Мы въехали в новый офис, ничего необычного там не было, кроме запасного выхода. Там была смонтирована какая-то специальная дверь, с кучей замков, даже со сканером сетчатки. Хозяин объяснил, что это для создания атмосферы игры — всех, кто подписал контракт на «работу» пилотом, надо выпускать через эту дверь. Мы должны были всем объяснять, что, пройдя через дверь, человек как бы раздвоится. Один отправится к себе домой, а

другой — перенесется в глубины космоса на космическую платформу, которая служит базой для космических кораблей.

— А кто у вас хозяин?

— Его звали Аркадий Самойлов. — Инна пожала плечами. — Да вы пейте кофе, остынет... Обычный человек. Такой... бизнесмен средней руки. Ездил на новеньком «БМВ», одевался со вкусом, ходил иногда с охранником, а иногда и без. Очень вежливый, с девчонками вроде как немного флиртовал, но руки не распускал, с мужиками мог постоять, покурить, потрепаться о футболе, анекдот рассказать. Хороший начальник, на самом деле... И вот когда он демонстрировал нам эту дверь, я его и спросила: а кто там, на этой «платформе», встречает наших клиентов? Он засмеялся, говорит: «Уместный вопрос! А давайте вы будете их встречать?» И я, как полная дура, хихикнула и пошла в дверь, крутя попой...

В голосе Инны прорезалась горечь.

— Дальше понятно, — сказал я.

— Ну да. Там, очевидно, я вернулась в офис и стала работать. А здесь... а здесь я стояла в том зале, откуда вас привела, и орала в голос. Минут пять, наверное. Потом вышла, дверь была открыта. Стала тут ходить. Вскоре поняла, что все всерьез... вышла прямо в главный ангар... ну, там я еще минут десять вопила. Стало совсем уж ясно, что не розыгрыш. Но это так скучно, если честно, устраивать истерику, когда нет зрителей!

Я усмехнулся. С иронией у нее все было в порядке. Может, зря на блондинок наговаривают?

— Вечером появились еще трое ребят из конторы. Затем еще двое. За несколько дней мы тут более или менее разобрались, что к чему... А потом пошел вал. Десять, двадцать, тридцать человек в день. Они, конечно, все были растеряны и перепуганы. К счастью, мы к тому моменту уже нашли арсенал, синтезатор пищи, склады. Настроили замки на себя... в общем, анархии не допустили. — Она помолчала. — Хотя пришлось и стрелять. Первый месяц дня не проходило без труп.

— Без чего?

— Без трупа. Люди разные бывают. Некоторые, попав сюда, с перепугу начинают на всех бросаться. Но это еще ничего, их достаточно успокоить. А бывают такие, которые сразу все понимают, но решают, что законы остались на Земле, а тут будет право сильного. Приходилось объяснять, что сильный — это тот, у кого ключи управления платформой и оружие.

— Не боитесь, что я такой?

Инна мгновение размышляла.

— Нет. Я многих повидала, привыкла своему впечатлению доверять.

— Так чья это станция? Кто здесь главный?

— Обычно говорят не станция, а платформа. Еще чаще — Плюшка.

— Почему?

— Так ведь по форме похожа. — Инна улыбнулась. — А главные — мы. Те, кто здесь живет и работает.

— Но ее же кто-то создал?

— Ну да. Только нам не озаботились сообщить.

Я подумал немного.

— Инна, но здесь все очень человеческое...

— Мы обжились понемногу. Думаете, эти обои на стенах из магазина? Это не обои вовсе, это один из видов ткани, которая на платформе производится. Люстра — колбы из химической лаборатории. А если заберетесь на стул и заглянете в плафоны, то увидите, что таких лампочек на Земле не производят. Очень многое можно сделать привычным, если очень этого захотеть.

— Но если здесь есть приборы, техника... на каком языке надписи?

— Ни на каком. Все индикаторы аналоговые. Растет скорость — светящийся столбик на экране увеличивается. Что-то переключилось — загорелась пиктограмма. Как правило, понятная. — Инна усмехнулась. — Хотя только через полгода пилоты разобрались, что в кораблях есть туалет. А еще через месяц научились выбрасывать отходы в космос, не разгерметизируя весь корабль.

— Значит, все мы оказываемся на непонятно кем построенной станции... ну, на платформе, с которой можно улететь на космическом корабле?

— Ну да. Кораблей здесь хватает. И больших, и маленьких.

— А если...

— Нам забыли сообщить, в какой стороне Земля. — Она угадала мой вопрос.

— И сколько здесь народа?

— Сейчас, думаю, тысяч пятнадцать.

— Ничего себе платформа. Не тесно?

— Ну что вы, Валентин. На платформе никогда не собираются все сразу. Большая часть людей — пилоты, они в космосе проводят в десять раз больше времени, чем здесь.

— Зачем? — глупо спросил я.

— Во-первых, многим это нравится. — Она усмехнулась. — Во-вторых, жить-то надо. Или вы думаете, что у нас коммунизм?

Я пожал плечами.

— Платформа может производить все, необходимое для жизни. Кое-какие предметы роскоши нам забрасывают с Земли. Полагаю, благодарить за это надо господина Самойлова.

— Какие еще предметы роскоши?

Инна кивнула на полку.

— Диски с музыкой и кино. Проигрыватели для них, экраны... Книжки. Даже кое-что лишнее на мой взгляд — настоящий алкоголь, табак... А иногда какую-нибудь ерунду, которая вроде и не нужна, но ее здесь просто нет. К примеру, в первый же месяц нам переслали клетки с кошками.

— Чего? — Я рассмеялся. — Тут что, мыши водятся?

— Нет, Валя, не водятся. Но если бы вы знали, сколько у нас сейчас стоит самый обыкновенный котенок породы московский подвальный! Я не последний человек в администрации платформы, а позволить себе завести кошку не могу. Год назад щенков передали, ну так собака — это вообще немыслимая роскошь. А однажды прислали целый ящик плюшевых игрушек. Китайские, из синтетики, зайца от крокодила не сразу отличишь. Так вначале за них все бабы передрались, якобы «для будущих детей», а потом и мужики присоединились. А на самом деле они с этими разноцветными уродцами летают, они у них вместо талисманов. Разговаривают с ними... может, даже кормят и поят...

— У вас тут и дети рождаются?

— Нет. Еще ни разу ни у кого. Потому и смешно... «для будущих детей»... — Инна усмехнулась. — Сексу, впрочем, ничего не мешает. Кстати, запомните, что приставать к чужой женщине — одно из самых серьезных преступлений. Даже просто флиртовать. У нас тут не матриархат... к сожалению. Но право выбора всегда остается за женщиной, с этим строго. Иначе все друг друга перестреляют... Да, я отвлеклась. Вы спрашивали, почему люди идут в пилоты. Так вот, во-первых, многим это нравится, потому что на платформе элементарно скучно. А во-вторых, это работа. Чтобы платформа могла производить пищу, одежду, космические корабли, энергию, воздух — ей нужны ресурсы. Металлы, замерзшие газы, кремний, органика... очень много всего. Поэтому люди летают к соседним звездам, добывают все это на астероидах, на планетах земного типа... понятно, что газовые гиганты нам по большому счету бесполезны. Привозят, сдают в распределительный центр и получают на свой счет то или иное количество кредитов.

— А те, кто не летает?

— Это уже зависит от того, что вы можете делать. Сразу говорю — нужны инженеры, техники и программисты. Мы пытаемся разобраться в механизмах платформы. Понять, как и кем она построена, как работает, улучшить наши космические корабли. Кое-что получается. Нужны рабочие, очень сильно нужны. Самые банальные профессии — слесари, столяры, токари... лишь бы умели работать руками. Нужны врачи, их мало. Опытный повар не помешает. Опять же гениальный певец или музыкант, наверное, пригодится. Людям не хватает развлечений, понимаете? Человек несколько недель или месяцев проводит в космосе, тяжело трудится, рискует жизнью. Потом возвращается на платформу, получает деньги и хочет отдохнуть.

— Культурно отдохнуть... — Я попытался скрыть растерянность за иронией.

— Конечно. Какой-нибудь фокусник или жонглер будет зарабатывать не меньше удачливого пилота. Эх, ну почему циркачи не любят компьютерные игры!

Я развел руками. Спросил:

— А если я начну выпускать газету?

— Печатный станок с собой захватили? Или сумеете построить?

— Ну у вас же есть инженеры...

— Есть. Их труд очень дорог. Они ковыряются в железах непонятного происхождения, пытаются понять, для чего предназначены те или иные микросхемы и агрегаты. Иногда в процессе этого изучения они гибнут или калечатся. У вас есть тысяч десять кредитов, чтобы оплатить месячный труд хотя бы одного инженера? А ведь он за это время может сложить из кучи непонятных деталей новую пушку, которую ждут пятнадцать тысяч пилотов! И каждый заплатит хотя бы по десятке...

— Вы что, тут еще и воюете?

— Валентин, я же вам объясняю — здесь самые обычные люди. Добрые и злые, простые и хитрые, щедрые и жадные. Вот представьте, вы месяц работали, ковыряли диггером астероид... диггер — это специальный модуль корабля, который перерабатывает горные породы. И вы нарыли чего-то ценного. Несколько тонн урана, чистый вольфрам... да не важно. Летите обратно к платформе. А навстречу вам ленивый, жадный и злой пилот, которому хочется заработать быстро и без труда. Он разносит ваш корабль на кусочки, забирает груз и возвращается. Ясно? А вы болтаетесь в жилом модуле, посылаете сигналы SOS и надеетесь на то, что вас услышит кто-нибудь добрый и великодушный. Конечно, у нас существует Патруль — группа добровольцев, которая следит за порядком и приводит в чувство

самых агрессивных. Но за всем они уследить не могут... как и милиция на Земле.

— Так какой у меня выбор?

— А никакой. — Инна улыбнулась, вполне по-доброму, но голос ее остался серьезным. — Вот твое удостоверение личности, кошелек и мобильный в одном флаконе... Ну и часы, конечно же...

Она достала из одного из многочисленных карманов запакованные в пластик часы, такие же как у нее самой. Разорвала пакет, что-то нажала на экранчике, удовлетворенно кивнула.

— Вот. Левая кнопка — управление твоими деньгами. Нажимая ее, ты подтверждаешь снятие денег или принимаешь их на свой счет. Надень!

Я молча надел «часы» на правую руку, снимать с левой свой дешевый «Swatch» не хотелось. Металлический браслет был неразъемным, но упругим, я просунул в него руку — и «часы» плотно легли на запястье.

— Мы называем эту штуку «комм», от слова «коммуникатор». Кстати, он настроится на тебя. Управлять им сможешь только ты сам... Итак, я перевожу тебе стартовые деньги — полторы тысячи кредитов... Появились зеленые цифры?

— Появились, — сказал я, глядя на экран. — Кстати, а цифры...

— Раньше была полоска индикатора. Но это очень неудобно. Полгода назад наши программисты сумели перенастроить коммы... Чего ждешь, нажми левую кнопку.

Я нажал. Цифры мигнули и погасли.

— Если цвет красный — значит, с тебя запрашивают деньги за что-то. Платить не торопись, разберись, кто просит и за что. Новичков обижать не принято, но отморозки всегда найдутся. Идем дальше. Центральная кнопка — это пятипозиционный джойстик, им можно управлять всем коммом. Но в первую очередь — телефоном. Связь действует только в пределах платформы, разумеется. На других планетах, если там нормальное поселение и установлен ретранслятор, будет местная связь.

Браслет завибрировал и тонко загудел. На экране высветилась цифра 1 и мигающий значок в виде динамика.

— Полифонии нет, извини, игрушек и фотоаппаратов тоже. — Инна усмехнулась. — Прими звонок. Да просто нажми джойстик!

Я нажал.

— Приветствую на Плюшке, новичок, — отчетливо послышалось из часов. Мне показалось, что экран слегка вибрирует, ретранслируя мужской голос. — Мы тебе рады, ляля-ля и тому подобное. Инна далеко?

— Нет, рядом.

— Все тебе объяснила?

— Как сказать...

Невидимый собеседник хихикнул.

— Разберешься. Значит, так — мой номер первый. Это ничего не значит, просто диспетчерская, экстренная помощь, ну и советы тебе будем давать на первых порах. Кто тебе будет отвечать — не важно, кто-то из более или менее опытных. Захочешь связаться — вызовешь номер один. По пустякам лучше не дергай, а то обидимся. Все, бывай. Инночка, целую нежно!

Экран погас, на нем проступили неяркие цифры — время.

— А говорили — даже флиртовать нельзя, — заметил я.

— Нам можно, мы тут старожилы, — ответила Инна. — Ну и третья кнопка — идентификатор. Нажимаешь ее, чтобы открыть двери, подтвердить свою личность и все такое прочее. Учти, что твой статус на платформе низкий, далеко не везде ты можешь пройти без сопровождения. В некоторые места для тебя вход платный, сам решай, идти или нет... Нажми.

Я нажал. И сказал:

— Теперь тут появились цифры... четыре два три один шесть.

— Это твой номер, — сообщила Инна. — Сорок две тысячи триста шестнадцатый.

— Ты же говорила — пятнадцать тысяч человек... — сказал я.

— На станции около тысячи, в космосе еще пятнадцать. Это те, кто жив. А вообще-то ты в сорок третьей тысяче попавших сюда людей.

— Оптимистично, — глядя ей в глаза, произнес я.

Инна усмехнулась.

— Ты не горюй. Больше всего потерь было в первый год, по неопытности. Сейчас... ну, я бы оценила твои шансы выжить в течение года как пятьдесят на пятьдесят. Видишь — тебя встретили, все объяснили, дали денег на первое время... Сейчас я еще посмотрю, кто из пилотов на Плюшке, и подберу тебе инструктора.

— Если можно, хорошего.

— Это уж как звезды лягут.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ, в которой я получаю корабль, прозвище и по морде

Кофе меня чуть взбодрил. Я посмотрел на свои часы — если верить им, то было шесть утра. Впрочем, и коммуникатор показывал пять минут седьмого. Ну, логично. Первые люди сюда попали из Москвы, вот и времени придерживались своего.

Я с тоской понял, что уже не пытаюсь убедить себя в розыгрыше, галлюцинации или внезапном умопомрачении.

— Ты ногами-то быстрее перебирать можешь? — спросила Лена.

Инструктор мне достался женского пола. Если верить словам Инны про дефицит женского населения на платформе, то мне повезло.

Но Лена будто задалась целью доказать мне, что везение — понятие весьма относительное. На первый взгляд симпатичная женщина, да и второй взгляд ничего не меняет. Моя ровесница, может, чуть постарше. Не гений чистой красоты, но и вовсе не уродина, определенный шарм в ней был. Может, только фигура излишне спортивная: не стройная, а именно накачанная, как у девушек, профессионально занимающихся плаванием — плечи широкие, руки очень крепкие. Очень короткая стрижка и такой же мешковатый комбинезон, как у Инны... ну вот и все недостатки.

Зато вела она себя так, будто я был нелюбимым провинциальным родственником, внезапно нагрянувшим в ее крошечную столичную квартирку и сообщившим, что намерен провести тут весь отпуск.

— Я всю ночь не спал, — сказал я. — Знаешь, после такого шока...

— Какого еще шока? — спросила Лена, не оборачиваясь.

Мы шли длинным, плавно изгибающимся коридором. Видимо, по окружности платформы — с одной стороны временами попадались иллюминаторы. Я имел возможность вдоволь налюбоваться звездной темнотой.

— Как это — какого? Попасть сюда с Земли!

— Ха. — Лена разве что не сплюнула. — Тоже мне, шок. Вот вернись я обратно, у меня был бы шок.

— Тебе что, тут нравится?

Она даже соизволила обернуться. И покрутила пальцем у виска.

— Ты чего, серьезно? Конечно! Как это может не нравиться?

Некоторое время я плелся следом, изучая стены — металл, пол — решетчатый металл, потолок — металл с белыми плафонами, редкие двери — металлические, закрытые, редкие иллюминаторы — темнота и цветные огоньки. Потом спросил:

— А кем ты была на Земле?

— Таксистом.

— Ага, — сказал я глубокомысленно. — Ага... это многое объясняет. Охота за клиентами — из третьего ряда к обочине, дорогой бензин, да еще и некачественный, хреновая машина, дверцу козлы-пассажиры сломали, кресло раздавили, платить не хотят, жадобы...

Лена помолчала. Потом спросила:

— А ты кем был?

— Я журналист.

— Теперь уже бывший, — с удовольствием поддела Лена. — Ага. Это многое объясняет. Беготня за капризными знаменитостями, статьи об отдельных недостатках нашей жизни, только ни в коем случае не обобщать, немножко «джинсы» — если главный не заметит, перед молоденькими девчонками перышки растопырить: «да меня и „комса“, и „коммер“, и „независька“ к себе зовут, только я по натуре фрилансер!», а на самом-то деле — в штат хорошей газеты не берут, а в плохую идти самолюбие не позволяет... Раза два-три в неделю — надраться с друзьями до пороссячьего визга, потом спьяну махать корочкой прессы перед ментами...

— Ну ты и стерва... — пробормотал я, останавливаясь.

Лена сделала еще несколько шагов и тоже остановилась. Повернулась ко мне, с любопытством спросила:

— Чего, все точно?

У меня вдруг резко сменилось настроение. До этого я был обалдевший, слегка похмельный — оттого и взирал на происходящее с удивительным спокойствием, так восхитившим Инну. А теперь, от злой иронии Лены, меня словно наизнанку вывернуло.

— Да ты просто провидица, — сказал я. — Может, еще уточнишь, в каком возрасте я девственность потерял?

— Да лет в двадцать, не меньше, — сказала Лена, заставив меня осечься. А потом вдруг достала пачку «Мальборо» и протянула мне. — Будешь?

Я заколебался.

— Как я понимаю, на вашей железяке с сигаретами дефицит?

— Еще какой. Бери, пока угощаю.

Я взял. И, повинувшись порыву, протянул в ответ свою пачку.

— Ну ты и жук, — сказала Лена с чувством. Сигарету взяла, но спросила: — Что, в курсе наших обычаев?

— Откуда бы?

Мы закурили.

— Ну... у нас вроде традиции такой сложилось... если чем-то редким угостить — это просто жест. Ничего особенного не значит. А если в ответ угостят и ты примешь — то вроде как теперь дружеские отношения.

— Ох и повезло же мне, — сказал я.

— Это мы посмотрим, повезло или нет. Если мы с тобой задружимся, то я тебя дручить стану в три раза сильнее. Оно тебе, в итоге, на пользу пойдет... — Лена глубоко затянулась, выдохнула дым вниз. Я заметил, как облачко втянулось в решетку пола — вот где здесь вентиляция... — Ты не сердись, если задела. У меня... приятель был, журналист. Я про него в общем-то говорила. Вовсе не хочу сказать, что вы все такие.

— Все, может, и не такие, — сказал я. — А вот я такой. Угадала. Только удостоверением перед ментами не машу, плевать они хотели на это удостоверение.

— А раньше предпочитали не связываться, — сказала Лена. — Мне моего как-то добрые менты на дом привезли. Хохочут, говорят, «забирай, а то уж больно страшен — в газете обещал пропесочить».

— Как ты сюда-то попала? — спросил я. — Мне казалось, тут молодежь должна скапливаться. Игроманы.

— Ну а ты сам игроман, что ли?

— Разве что пасьянс разложить.

— Нет, я поигрывала, — сказала Лена. — Я таксерила не всерьез. Так, если деньги нужны — поработаю денек-другой. Водить я любила, почему бы и не поработать. Женщинам и платят всегда лучше. Всю дорогу рассказывают, что вовсе не против женщин за рулем, вот только молодые дуры на дареных джипах и лимузинах достали, а потом платят не торгуясь. Особенно если с девушкой едут. — Она усмехнулась. — Но в эту контору случайно зашла. Везла оттуда одного перца, тот обалдевший какой-то был. И все рассказал, что там вербуют в звездные пилоты, и вроде как все понарошку, но ощущение какое-то странное... будто и впрямь. А я потом рядом оказалась, настроение было... так себе. Ну и зашла. Интересно, что другая я об этом всем думает... — Она затянулась в последний раз, бросила бычок на пол, затушила подошвой и спихнула в щель. — Мусор прямо на пол кидай. Там сразу и вентиляция, и система уборки. Иногда мощность повышается, пол аж вибрирует. Все куда-то засасывает. Иначе мы бы уже грязью по уши заросли. Никому же не хочется уборкой заниматься, все

летать рвутся.

— И ты?

— И я. А чем я хуже? Я хорошо летаю. Пошли, журналюга...

Я не обиделся.

— Пошли, водила...

— Знаешь мое прозвище?

— Какое?

— Водила. Обычно пилот берет себе прозвище. Так удобнее — Лен, Саш, Сереж много... Меня зовут Ленка-Водила. Или просто Водила. Тебе, кстати, тоже придется обзавестись.

— Журналист? — предложил я.

— Долго слишком... — Некоторое время Лена шла молча, хмурилась, покачивала головой, будто отвергая тот или иной вариант. — Акула пера. Акула... Да нет, громко слишком. Смеяться станут. А фамилия твоя? Будем от фамилии плясать, это самый простой выход.

— Сафонов.

— Сафо? — спросила сама себя Лена и прыснула. — Нет, ерунда выходит. Смешно, конечно... Был бы ты грузином, можно было бы звать тебя Сафо. Был бы в этом и здоровый юмор, и созвучие грузинским именам... Фон? Фон-барон... барон фон дер Пшик... — Она вдруг мелодично и негромко напела: — Бай мир бисту шейн...

— Это ты чего?

— Песня про барона фон дер Пшика в оригинале... Значит, вот уже два имени на выбор — либо Барон, либо Бай. Хотя — тоже слишком напыщенно.

— Меня в школе звали Валиком, — вспомнил я.

— Почему?

— А я такой был... упитанный.

Лена пожала плечами.

— Да как хочешь. Будешь Валиком.

— Зачем? Я же не к тому! Еще я иногда статьи подписывал «Я. Седой».

— Хотел, чтобы считали пожилым и умудренным опытом? — насмешливо спросила Лена. — Нет уж. Седой у нас есть. И Рыжая есть. И даже Лысое Колено. Ладно, прозвище само прилипнет. Кстати, а мы пришли.

Она остановилась перед очередной дверью, торжественно посмотрела на меня.

— Ну, нервы у тебя вроде крепкие... Гляди.

Дверь уползла в стену — я невольно отметил, что она куда толще тех дверей, что открывались перед нами раньше.

— Впечатляет? — подталкивая меня вперед, с гордостью спросила Лена. — А? Как тебе, журналист?

Я молчал, озираясь.

Это походило на какой-нибудь исполинский завод. Или атомную станцию. Или, скорее, на машинные залы электростанции.

— Главный ангар, — сказала Лена. — Хотя вообще-то он тут единственный, другого нет...

Длинный — метров триста, зал. В ширину раз в десять меньше, но все равно впечатляет. Потолок высоко над головой — и это при том, что мы вышли не на уровне пола, а на узенький балкончик, тянущийся вдоль стены на высоте трех человеческих ростов. Из стены на балкон выходили двери, вниз спускались лестницы. Все из решетчатого металла, максимально просто и функционально.

Я подошел к невысоким, чуть выше пояса, перилам, посмотрел вниз. И спросил:

— Что это, Лена?

— Корабли, — торжественно ответила она. — Звездные корабли.

Их тут было десятка три, но в пространствах ангара они терялись. Самый маленький был размером с междугородний автобус. Самый большой раза в два превосходил «Боинг-747». В формах, похоже, конструкторы ограничений не знали — зализанные аэродинамические очертания были скорее исключением, чем правилом. Подковы, диски, цилиндры, конусы — все шло в дело, будто ребенку вручили конструктор и попросили фантазировать от души. Вот что-то более или менее напоминающее самолет, разве что с крошечными крылышками, но зато с чудовищными турбинами, равномерно облепившими корпус. Рядом округлая конструкция из трех огромных серебристо-синих подков, вложенных друг в друга и скрепленных по центру дужек каплевидным наростом — кабиной. У этого корабля прохаживался мужчина, оглядывал его, будто придирчивый шофер проехавшуюся по бездорожью машину. Одет он был в джинсы и свитер, что меня искренне порадовало — оказывается, не все тут таскали униформу.

Ко многим кораблям из открытых в полу люков тянулись кабели и гофрированные трубопроводы. В ангаре было прохладно, пахло озоном и чем-то горьковато-терпким, химическим.

Мне хотелось сказать что-нибудь ироническое. Про овеществленную мечту Лукаса или волшебный сон фаната «Вавилона-5». Но рядом с этими

махинами — реальными, грубыми, зримыми, кое-где потертыми, кое-где помятыми, мой сарказм скис.

— Это... это впечатляет, — сказал я. — А где мой корабль?

— Сейчас мы тебе его купим, — весело сообщила Лена. — Корабль у тебя будет маленький, хиленький — корпус «Сильвана», минимальное вооружение, снаряжения тоже не густо, но летать будет. Вон стоит похожий. — Она показала на самый, пожалуй, традиционно выглядящий корабль: сигару с короткими крылышками, с двумя узкими консолями, увенчанными тупорылыми двигателями.

— Мне вот тот больше нравится, — сказал я. — Три подковы. Возле которого мужик ходит.

— «Саламандра», — фыркнула Лена. — Простой, но юркий. Дорастешь — будет тебе и «Саламандра»... Кто там с ней возится-то? Эгей!

Она помахала рукой, бесстрашно перегибаясь через перила.

Мужчина резко повернулся. Вскинул руку, будто приветствуя Лену.

Над головой у меня прошел тугой порыв ветра, я покачулся, в ушах загудело.

— Твою мать! — вдруг завопила Лена. Отскочила от перил, дернула меня за плечо. Я не удержался, упал — и над головой снова ударило ветром. Перила, за которыми я только что стоял, завибрировали и загудели, будто по ним ударили металлическим ломом. — Беги! — крикнула мне Лена. — Нет, не назад! Беги по балкону! Не вставай, сквозь пол тебя не заденут!

Упрашивать меня не пришлось. Сквозь решетчатый пол я видел мужчину, который явно целился в нас из какого-то ручного оружия. Если бы проводились мировые соревнования по бегу на четвереньках, то сегодня я показал бы достойный результат.

Несмотря на уверения Лены, мужчина продолжал стрелять — теперь уже только в меня, видимо, бегущие мишени привлекали его больше. По балкончику колотила невидимая кувалда, ударяя то впереди, то за спиной. Как ни странно, но в голове болталась лишь одна мысль — как нелепо я выгляжу, мчась на четвереньках по решетчатому балкону в исполинском ангаре, среди немыслимых звездных кораблей...

Сзади, где стояла Лена, вдруг тоже забухало. Мужчина, которого я пытался удерживать в поле зрения, вдруг раскинул руки, отлетел метров на пять и распластался по полу. Я остановился. Встал — руки болели и были содраны в кровь. Решетчатый пол явно не предназначался для беготни на четвереньках.

Лена стояла, все еще нацеливая на неподвижно лежащего стрелка пистолет. Или как тут у них полагается говорить? Бластер?

— Молодец! — крикнула Лена. — Ты его хорошо отвлек!

До меня начало доходить.

— Ты уверена, что сквозь пол он не мог меня подстрелить? — крикнул я.

Лена спрятала пистолет в кобуре на поясе и неторопливо пошла ко мне.

— Если серьезно, то все-таки мог. При удачном попадании. Но стальная решетка неплохо экранирует вибробластер. — Она виновато улыбнулась. — Пятьдесят на пятьдесят. Все зависит от точки попадания и фазы, в которой пришла волна... Короче — от твоей удачи.

Я еще раз посмотрел на стрелка. Вокруг него растекалась лужа крови, хотя никаких повреждений я с балкончика не видел.

— Ну, спасибо, — сказал я.

— Не сердись, — ответила Лена таким тоном, будто случайно наступила мне на ногу. — Все же хорошо кончилось.

Я хотел ответить, что думаю по ее поводу. Но не успел.

— А ты уверена, что кончилось? — окликнули Лену.

В дверях, откуда мы только что вышли, стояли двое. Рядышком, поскольку держали между собой здоровенный черный контейнер. Но по одной свободной руке у них оставалось, и они не преминули этим воспользоваться. Один, невысокий, очкастый, нацеливал на нас пистолет, вроде того, что был у Лены. Другой — здоровенную бандуру, по-хорошему явно не предназначенную для стрельбы с одной руки. Однако мужик и сам был такой здоровый, что видимых неудобств ему это не доставляло.

Эти тоже не любили комбинезонов и были одеты по-человечески: джинсы, рубашки. Но, пожалуй, это было единственное, что вызывало мою симпатию.

— Не знаю, кто вы, — не делая попыток достать оружие, сказала Лена, — но стрелять в ангаре из плазмомета — самоубийство.

— Это если мой друг промахнет, — пояснил очкастый. — Но он редко промахивается. Руки за голову и медленно, неспешно, к нам. Ну?

Лена помедлила секунду. Потом сказала:

— Пошли, Валентин.

— Они убили Костю, — сказал верзила, когда мы приблизились. — Ты видишь? Они его размазали.

— Ваш товарищ первый открыл огонь, — сказала Лена. — Мы оборонялись. Честная дуэль.

— Вас было двое, он один, — заметил очкарик. Он спрятал свой пистолет, но зато вытащил оружие у Лены из кобуры. У него был очень интеллигентный вид, он напоминал не то шахматиста, не то молодого амбициозного политика. И говорил рассудительно, спокойно, без тени эмоций.

— Оружие только у меня... было, — сказала Лена. — Этот... — кивок в мою сторону, — новичок. Акула пера, виртуоз пишущей машинки. Одна беда — всего пару часов, как на Плюшке. Ни корабля, ни бластера.

— Значит, это ты убила нашего друга? — спросил очкарик.

— Да, — твердо сказала Лена, и мое отношение к ней резко улучшилось.

— Костя был очень нервный. И, как мы убедились, плохой стрелок. — Очкарик кивнул, будто принимая все объяснения. Похоже, к смерти здесь относились очень философски. — Честная дуэль, принимается. Но у нас возникла проблема. Дело в том, что нам надо покинуть платформу.

— И хорошо бы быстренько, — вставил здоровяк.

— Да, и хорошо бы быстренько, — снисходительно согласился очкарик. — А Костя был пилотом. Нас его корабль не примет. Незадача!

— Сочувствую, — кивнула Лена.

— Ты ведь пилот? Не хочешь подработать?

Тон очкарика был деловым и спокойным.

— А в качестве платы жизнь? — Лена ухмыльнулась.

— Зачем же так. Мы готовы и заплатить. Ну?

Лена пожала плечами.

— Все зависит от сроков, ребята. У меня «Мурена». Стоит пятой отсюда.

— Нас вполне устроит, — оживился очкарик.

— Она в цикле заправки.

— Как давно?

— Шесть часов. Подождете три часа? — Лена была само дружелюбие.

Очкарик улыбнулся и не ответил. Посмотрел на меня и спросил:

— А ты, акула? Хочешь подзаработать?

Это походило на театр абсурда. Я посмотрел на лежащего в луже крови Костю. И сказал:

— Нет, чего-то не хочется.

— Неверный ответ, — сказал очкарик.

Верзила прижал свою пушку к поясу, широкому, увешанному сумочками и какими-то устройствами — и пушка с клацаньем прилипла. Верзила неспешно помахал рукой в воздухе, будто разминаясь.

Я как дурак наблюдал за ним.

Ровно до того момента, как кулак верзилы стукнул мне в челюсть. Во рту будто петарда взорвалась и стало солоно. В глазах на миг потемнело.

— Зубы ему не выбил? — спросил очкарик.

— Да не, я аккуратненько, слегонца, — добродушно сказал верзила.

— Хочешь подзаработать, акула? — повторил свой вопрос очкарик.

Я потрогал зубы. Вроде бы не шатаются...

— Почему бы и нет?

— Умница. — Очкарик улыбнулся. — Ты и впрямь акула. Только мелкая. Катран называется. Спускайтесь!

Мы с Леной пошли по балкону к ближайшей лестнице. Сзади волокли свой контейнер очкарик с верзилой.

— Вот и прозвище заработал, — сказала Лена негромко.

Очкарик за спиной весело засмеялся и сказал:

— А у меня язык удачливый. Как скажу, так сразу прилипает. Направо, к терминалу!

Мы прошли мимо корабля, похожего на пассажирский самолет, мимо «Саламандры» — только теперь я окончательно понял, насколько они были огромны. Ближе к углу ангара стоял столбик, увенчанный маленьким экраном — видимо, тот самый терминал.

— Ну давай покупай корабль, — любезно сказал очкарик. Контейнер они опустили — очень бережно. Похоже было, что там что-то нетяжелое, но хрупкое.

— Как?

— Поднеси комм к терминалу.

Я поднес руку к терминалу. Браслет пискнул и экран комм засветился. Дисплей на столбике тоже — его покрыли столбцы пиктограмм, говорящих мне не более, чем китайские иероглифы.

— Машина тебя опознала, — пояснил очкарик. — Если у тебя и впрямь нет корабля... — Он бесцеремонно отпихнул меня и посмотрел на экран. — Увы, и впрямь нет... Нажми левую кнопку.

Я нажал. Пиктограммы сменились.

— Тебе предложили купить корабль. К сожалению, выбора нет, кредитов у тебя только на один-единственный вариант. Нажимай кнопку снова.

— Выбора у меня нет, — согласился я. Но прежде чем нажать, глянул на Лену — та улыбнулась и спросила:

— А далеко собрались лететь?

— Увидишь. — Очкарик подозрительно посмотрел на нее. — Ты о

чем?

— Давно не летали на «Сильване», я вижу?

Судя по лицу очкарика, до него стало что-то доходить. Что-то очень малоприятное.

— Это же корабль ближнего радиуса, — сказал здоровяк. — Туда гипердвижок просто не влезает.

— Ну да, — любезно подтвердила Лена, — вокруг станции покружитесь, конечно... А купить корабль уровнем выше Валентин не имеет права.

Очкарик нахмурился:

— Хочешь сказать, не повезло?

Лена пожала плечами.

Очкарик некоторое время изучал экран терминала. Потом коснулся пальцем одного символа — тот погас. Другого... третьего... Пояснил:

— Я снял оружие и щиты. Если оставить один лишь корпус и кабину, то гипердвижок влезает. Вот только деньги...

С видимой неохотой он посмотрел на свой комм. Коснулся кнопок.

— Считай это своей платой, Катран. Нажми кнопку, прими деньги.

Я подчинился.

— С ума сошли, — пробормотала Лена. — Лететь в другую систему без оружия и защиты, с неопытным пилотом?

— Другого выхода нет. — Очкарик оставался спокойным. — Надеюсь, на складе найдется «Сильвана» нужной конфигурации.

— А вдруг не найдется? — спросила Лена. — Конфигурация-то... для самоубийцы.

— Тогда мы влипли, — весело сказал очкарик. — Вряд ли у нас есть три часа, дожидаться, пока твой корабль заправится... Рома, будь человеком, сходи к Косте, принеси его сюда. Нехорошо будет бросить здесь парня.

Здоровяк молча пошел к «Саламандре». Мы ждали.

— Надеюсь, после этого вы нас отпустите? — спросила Лена.

— С чего бы это? Корабль будет слушаться только Катрана. Он нам нужен.

— Хорошо. — Лена не сделала и попытки заступиться за меня. — А я вам зачем? Свяжите и оставьте здесь.

— Мысль хорошая, — кивнул очкарик. — Вот только я не слишком опытный пилот. И совсем плохой учитель — нервный и нетерпеливый. Мой крупный друг — тоже. Ты будешь объяснять своему подопечному, что делать — чтобы он нас не угробил. Тебя ведь назначили его инструктором?

Вот и займешься своими делами.

— Парни, я не одиночка. Я из клана Сайлент Стар. За меня вступятся.

— Кто?

— Да кто угодно. Грестер вступится. Кош, Антибиотик. Весь второй альянс вступится.

— Ты сама кто?

— Водила.

— Да, слышал. — Очкарик кивнул. — Говорят, ты хорошо натаскиваешь новичков. Так что я рискну поспорить со вторым альянсом точно так же, как поссорился с хозяевами Плюшки.

— Ты идиот, — брезгливо сказала Лена. — Вы что, ограбили платформу? Утащили что-то из лабораторий?

— Угадала. И это лишний повод взять тебя с собой.

Вернулся Роман, неся на плече тело убитого Леной пилота. Мрачно сказал:

— Скорей бы, Мастер...

— Надо уметь ждать, — наставительно сказал очкарик. — Заказ сделан, от нас теперь... А вот и корабль! Нашелся.

Недалеко от нас на полу ангара вдруг засветился овал красных огоньков. Послышался тревожный звук вроде громкого зуммера. Пол в центре овала стал раздвигаться, как диафрагма в пленочном фотоаппарате.

— Вот и твой первый корабль, Катран, — весело сказал очкарик. — Будешь себя хорошо вести — так и не последний...

В полу уже открылся люк десятиметрового диаметра. И из него медленно поднималась платформа, на которой стояла «Сильвана» — угловатый вытянутый корпус с двумя двигателями на консолях по бокам. От корабля шел белый пар.

— С консервации подняли, — задумчиво сказала Лена. — Полчаса будет разогреваться.

Очкарик посмотрел на свой коммуникатор. И великодушно кивнул:

— Ничего. Полчаса у нас есть. Даже сорок минут есть. А потом придет новая смена, обнаружит тела — и начнется...

— Вы балбесы, — презрительно сказала Лена. — Только полные кретины нападают на Плюшку. Без захода на платформу вам долго не продержаться... никому не продержаться.

— Может, нам долго и не надо? — хихикнул очкарик. — Эй, Катран, чего таращишься на железяку?

Я действительно неотрывно смотрел на корабль, даже их перепалку слушая краем уха.

— Ты чего, Валентин? — спросила Лена.

— А он красивый, — сказал я, глядя на корабль. — Ведь правда?

— Мало того, что он журналист, он еще и романтик. — Очкарик покачал головой.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, **в которой Валентин берется за журналистское** **расследование**

Витя Матросов, бывший однокурсник Валентина, к тридцати годам имел должность заведующего отделом в крупной газете, свой собственный, пусть и маленький, кабинет, солидный животик и вполне благодушный вид. От студенческих лет у него сохранилось только общее благодушие, которое сам Виктор называл «позитивным мировосприятием», и нетривиальное прозвище Малибу, происхождение которого уже все прочно забыли.

— Растешь, — сказал Валентин, усаживаясь напротив Виктора. — Так скоро в главреды выбьешься.

Витя улыбнулся так благожелательно, что стало ясно: где-нибудь в органайзере у него уже стоит пометка «стать главным редактором». Спросил:

— Ну а ты как? Сколько мы не виделись-то... два года? Три? Все с места на место прыгаешь?

— Ты же знаешь. — Валентин закурил, поискал глазами пепельницу. — Я по натуре фрилансер... Слушай, Малибу, где у тебя пепельница?

Виктор поморщился, но полез в ящик стола и выдал пепельницу оранжевого стекла с логотипом «Комсомольской правды».

— А я-то думаю, что ты так расплылся? Курить бросил, что ли? — спросил Валентин. — Так это ненадолго, поверь... О, пользуешься рекламной продукцией конкурентов!

Виктор слегка смутился.

— Да это так... от прежнего осталось. Он раньше в «комсе» работал. Ну так как ты? Не женился?

— Бог миловал, — с чувством сказал Валентин.

— А я — да. — Виктор сделал паузу, явно ожидая расспросов.

— На ком? — лениво спросил Валентин.

— На Ольге.

— На Паненковой, что ли? — оживился Валентин. — Ну да, помню... а она же... Ну да. Поздравляю.

— У всех бывают ошибки. — Виктор пожал плечами. — И у меня второй брак, пробный не удался. Гляди!

К Валентину были повернуты две фоторамочки, стоящие на столе. На одной наблюдался сам Виктор в черном костюме и при галстукe, рядом с сияющей невестой в бледно-розовом платье. На фотографии Виктор был заметно стройнее.

— А, так это она тебя раскормила, — хмыкнул Валентин. — В фитнес тебе надо ходить. Или в бассейн...

На второй фотографии обнаружился лысый голопузый младенец, лежа на спине задирающий вверх ножки, с невинно-бездумной улыбкой на сморщенном личике. Улыбка явно вышла случайно — просто младенец готовился долго и пронзительно заорать и при этом удачно раскрыл рот.

— О, уже и сыном обзавелся?

— Дочкой, — обиделся Виктор. — Разве не видишь?

— Оно же в подгузнике.

— Да ну тебя, — фыркнул Виктор. — По лицу же сразу видно — девочка! Красавица будет.

— И впрямь, — милосердно согласился Валентин. — Ну, поздравляю. Это большое дело. Говорит уже?

— Слушай, Валя, у тебя что, младших братьев-сестер не было?

— Не было, я сам младшенький.

— Понятно... Какой «говорит»? Ей полгода... через три недели будет.

— Ходит?

Виктор вздохнул и повернул фотографии к себе. Пробормотал:

— Бегае

— Ну не злись, Малибу, — примирительно сказал Валентин. — Как назвали?

— Настенька.

— Красивое имя. Да не дуйся, я за тебя очень рад.

Виктор для порядка еще несколько секунд поджимал нижнюю губу, потом спросил:

— Может... по пятьдесят?

Валентин отследил движение руки сокурсника к нижнему ящику стола, вздохнул:

— Я за рулем. А овес у гайцов нынче дорог... Слушай, Малибу, вопрос у меня к тебе...

Виктор чуть поскуchnел. Но ответил твердо:

— Валька, ты парень талантливый, я это всегда говорил. Только злой немножко. Все в черном свете видишь. А у нас газета для семейного чтения, позитивная, радостная. Если не будешь чернушничать — с удовольствием тебя в штат возьмем.

— Малибу, да ты не понял! — возмутился Валентин. — Я к тебе в газету не прошусь. Совсем другой вопрос. Ты вроде как всякой культурой-мультиурой занимаешься?

— Культура, наука и техника...

— То, что мне надо. Компьютерные игры?

— Ну да... — Виктор поморщился. — И это тоже. Но тут в основном Олежка пишет, системщик наш. Он парень молодой, журналистского образования нет, зато тему знает. Кстати, не только нам пишет. Еще для пары журналов, для сайтов каких-то...

— Мне бы с ним поговорить.

Виктор с любопытством смотрел на Валентина. Потом снял трубку телефона.

— Алло... Олежка? Это Виктор. Будь добр, загляни ко мне? Нет, нет. Все работает. Вопрос по игрушкам... Ага.

Опустив трубку на рычаг, он мрачно добавил:

— Вот когда «винды» падают или интернет пропадает — его не дозовешься. А стоило сказать, что разговор про игры — «щас буду!».

— Молодежь, — согласился Валентин. — Нам, Малибу, их не понять.

— Слушай, — Виктор поморщился, — ты меня при нем не зови Малибу. Ладно?

— Ноблес оближе? — Валентин усмехнулся. — Лады. А мы тебе не помешаем, Витя, если у тебя побеседуем?

— Беседуйте, мне самому интересно, — честно признался Виктор.

Олег и впрямь появился быстро, не прошло и пяти минут. Для компьютерщика это было близко к рекорду. Внешне парень ничуть не походил на человека, работающего с компьютерами и увлекающегося играми — спортивный, высокий, мускулистый, с физиономией типа «бабам нравится». Валентин, считающий, что и сам обладает этими качествами, ощутил легкое раздражение, которое попытался задавить в зародыше.

— Валентин! — Он поднялся и протянул системщику руку.

— Олег, — тот стрельнул глазами на Виктора.

— Олежка, — ничуть не комплексуя по поводу внешности программиста, сказал Виктор, — помощь твоя нужна. Это Валя, мой старинный друг и прекрасный журналист. У него вопросы по играм.

— По игре, — уточнил Валентин.

— Понятно. — Виктор сделал такой жест, будто хотел поправить несуществующие очки. — Где застряли?

— Чего?

— В какой игре застряли? — дружелюбно спросил Олег. — Сейчас три

четверти вопросов — это...

— Да нигде я не застрял. — Валентин досадливо махнул рукой. — Вопрос дурацкий, если честно. Есть такая игрушка — «Старквэйк»...

— Ага, — сказал Олег. В глазах у него появилось любопытство.

— Слыхали?

— Слыхал. — Олег подтянул свободный стул, уселся. — Ну так?

Валентин с сомнением посмотрел на Виктора. Вообще-то упускать интересную тему на сторону не хотелось. Но вряд ли Виктор подложит ему такую свинью...

— Со мной вчера случилась странная история. Точнее, вчера вечером и сегодня ночью...

Он достал из кармана листок объявления и принялся рассказывать. Все: от удивительной негорючести и непачкучести бумажки (Виктор тут же завладел листком и принялся жечь его зажигалкой, потом — пачкать сигаретным пеплом и маркером... точнее, пытался жечь и пытался пачкать) и кончая безумным ночным разговором с девушкой по имени Инна и своим выдворением из агентства «Звездный час» через задний ход.

— Я вот и хочу понять, — закончил Валентин, — что это за глупости такие? Рекламная кампания игры?

— Похоже, — без особой уверенности сказал Олег. — Ну а что ж это еще может быть?

— Ты не крути, не елозь, — изучая чистенький листок, сказал Виктор. — Я же тебя знаю. Ты что-то такое слышал уже. Верно?

— Ну... слухи какие-то дурацкие ходят...

— Выкладывай, — велел Виктор.

— Игр онлайнowych — вагон и тележка. — Олег задумчиво уставился на пепельницу, Валентин пододвинул ее в его сторону, компьютерщик благодарно кивнул и закурил. Виктор вздохнул, встал и приоткрыл окно. — Хочешь — сражайся с силами тьмы, хочешь — с силами света. Средневековье, магия, космос, бластеры...

— Да я в курсе, — сказал Валентин.

— Ну и «Старквэйк» — одна из таких игр. Висит где-то в пустоте орбитальная база. Ты получаешь корабль, начинаешь летать, сражаться, торговать, руду всякую собирать. Временами прилетают какие-нибудь инопланетные бяки и ты сражаешься с ними. Иногда объявляют спецзадания — чего-нибудь найти или кого-нибудь победить. На заработанные деньги покупаешь себе лазер помощнее, двигатель побыстрее...

— Слухи-то какие? — нетерпеливо спросил Валентин.

— У игры сменился владелец. Дело обычное, между нами говоря. Девяносто процентов игр своих владельцев меняют регулярно. Ну, началась рекламная кампания. И в ее рамках были такие объявления, и в Сети, и в игровых журналах, и даже просто на столбах... только я раньше не слышал, что их пытались проверять на огнеустойчивость. Якобы нужны пилоты... Нужны инженеры и программисты для работы в космосе... Почему бы и нет? Хороший рекламный ход, я считаю. Ведь каждая игра подразумевает, что игрок согласен обманываться. Притворяться, что он Актимель, эльф ушастый или какой-нибудь там Джон Кровавое Сопло, гроза Сириуса и Ориона...

Судя по тону программиста, сам он в такие игры не играл и обманываться не собирался.

— Я, помнится, даже заметку на «Абсолют гэймс» писал, — мечтательно продолжил Олег. — Что, мол, новый ход в привлечении игроков...

— А чего они так стараются их привлекать? — удивился Виктор. — Такой серьезный бизнес?

— Вполне серьезный, — кивнул Олег. — Сравнимо с киноиндустрией.

— Во дают, — фыркнул Виктор. — Слушайте, ребята, да не травите вы... душу. Дайте сигарету!

Валентин, злорадно улыбаясь, протянул ему пачку.

— Я только изредка, когда в компании... — неловко сказал Виктор.

— Или когда выпьешь, или когда нервничаешь... — без всякого снисхождения сказал Валентин. — Рассказывай, Олег.

— А дальше странности, — сказал Олег. — Некоторые игроки стали уходить из игры. И ругать ее за то... внимание!.. что она жестокая. Что их персонажа убили и им это не нравится.

— Что тут странного? — удивился Валентин.

— Да кто из игроков переживает по поводу смерти своего персонажа? Ну, переживают маленько, но только потому, что теряют на этом заработанные деньги, хиты, перки... это характеристики персонажа. А тут один мой приятель начинает мне рассказывать, как его подло убили в бою. Аж трясется весь! Я ему говорю — так восстановись в игре и отомсти обидчикам. Это же обычное дело, кто ухитрился пройти игру, не погибнув десяток-другой раз! А он вдруг мне выдает: «Не хочу, пусто все стало, скучно. Раньше все по правде было, я играл как безумный, все забросил, а теперь игра и игра...» Потом я еще несколько таких отзывов встречал. И самое главное — это всегда были те, кто лично приходил к ним в офис наниматься пилотом. Те, кто не ходил — играли и играют себе, и вовсе их

не тревожит, что их убивали... И я сделал такой вот вывод... — Олег замолчал.

— Давай говори, — не выдержал Виктор.

— Визит в офис — это не просто рекламный ход. Их зомбируют!

— Чего? — тут уже удивился Валентин.

— Для игрока что важно? Правдоподобие. Уверенность в том, что все — взаправду. Никто, конечно, вслух такого не скажет, но все хотят обманываться. Убежать от скучной жизни. Знаменитой становится та игра, которая сильнее всех создает атмосферу правдоподобия. Но ведь есть же всякие там установки у спецслужб... психотронные генераторы...

Валентин хмыкнул.

— Есть, есть! — уверенно сказал Олег. — Ну наверняка! Видимо, кто-то из владельцев игры такой обзавелся. Или им дали ее... на испытание. И вот когда игрок приходит в офис наняться пилотом, вместо того, чтобы просто зайти в игру через интернет, его там облучают. У человека сразу крыша едет. Он начинает относиться к игре всерьез. Играет, играет... Но если его убивают, то тут зомбирование слетает. И он сразу утрачивает к игре интерес.

Наступило молчание. Потом Виктор откашлялся, затушил наполовину скуренную сигарету и спросил:

— А про это ты тоже статью писал?

— Нет, конечно! — возмутился программист. — Если тут и впрямь замешаны спецслужбы... или такие люди, что у спецслужб психотронные генераторы могут позаимствовать — то я в такие игры не играю.

— Спасибо, Олег, — вежливо сказал Валентин. — Интересная гипотеза. Надо будет обдумать.

— Да не за что. — Парень встал. — Я вам больше не нужен, Виктор Романович?

— Нет, нет. — Виктор замотал головой.

— Визитку возьмите. — Олег протянул Валентину карточку, явно собственноручно распечатанную на принтере. — Понадобится консультация — обращайтесь!

— Спасибо. — Валентин вежливо спрятал визитку в бумажник, в то отделение, где вечно накапливались и раз в неделю выкидывались в мусорку визитные карточки. — Обязательно свяжусь.

— Тогда я пошел. — В дверях Олег задержался и наставительно произнес: — Вот увидите, Валентин, уже сегодня вас потянет играть. Сядете и будете днями и ночами гонять по космосу. Мой совет — возьмите, да и убейтесь сразу же.

— Зачем?

— Чтобы раззомбираться, конечно! Снять с себя психокод.

Дверь за программистом закрылась.

— Он вообще... как? — спросил Валентин. — Не того?

— Ну, маленько... — неуверенно ответил Виктор. — Сам знаешь, люди обожают теорию заговора. Марсианская станция накрылась — это пришельцы. Альпинисты на Гималаях пропали — в Шамбалу забрели. Газовый баллон взорвался — нет, это бомба. А во всех трех случаях, быть может, виноват один и тот же слесарь дядя Петя, большой специалист по газовым редукторам, но человек ленивый и пьющий. Вначале на космодроме редуктор недокрутил, станция и... того. Выгнали — ушел альпинистское снаряжение делать, опять болт недотянул, вот альпинисты и... Ну а окончил он свою карьеру, заполняя бабулькам газовые баллоны. И опять же — недотянул редуктор.

Валентин хмыкнул:

— Но это же скучно.

— Вот именно! Поэтому проще верить в марсиан, махатм и террористов. Вот и наш Олег — предпочитает сложные объяснения простым.

— А давай я покопаюсь с этой игрушкой и ее нестандартной рекламой? — спросил Валентин. — Сделаю тебе статейку...

— Давай, — легко согласился Виктор. — Если не в мои рубрики, так в бизнес пристроим. Только, ради Бога, без чернухи! Вот не надо нам: «бессердечные бизнесмены», «ограниченная молодежь», «когда-то мы были культурной страной, а теперь только в игры играем...»

— Ну так ведь были же? — вздохнул Валентин. — Ладно, буду позитивен. Напишу «Раньше мы только книжки читали, а теперь стали развитой страной и в игры играем».

Виктор махнул рукой.

— Иди пиши. А то, хочешь... — он полез в стол, — на презентацию вечером надо сходить. Новая молодежная поп-группа «Дети кармин».

— Кармен? — не понял Валентин.

— Нет, кармин. Это знаешь, есть такие дети индиго. Очень умные, развитые, все такие своеобразные, нестандартные... — Виктор поморщился.

— Про индиго слышал.

— Ну так это уже немодно. Все эти индиго, вечно себе на уме, не поймешь, чего хотят. Сейчас модно, когда ребенок — кармин. Они трудолюбивые, послушные, спортивные, аккуратные, упорные. Может,

звезд с неба и не хватают, но зато для родителей радость.

— Ага, — сказал Валентин. — Оригинально. Кармин — потому что краска такая?

— Какая краска?

— Ну, индиго — это же синяя краска. А есть еще красная, кармин.

— Нет. — Виктор зашуршал бумажками, извлек красочный буклет. — Тут вот чего написано... это их продюсер пишет, он из Израиля: «В иврите у многих слов — двойные смыслы, в современном разговорном понимании и в высоком Библейском, так как большинство слов родом именно из ТАНАХА. Так вот, есть слова קר — Кар (холодный) разговорное, а в Библии — расчётливый, трезвый, взвешенный (ум, поведение), и ירמ — секс, половой, а в Библии — вид, род (человеческий). Правильное написание группы — „Кар-Мин“, или „ירמ-קר“, и происходит от Библейского — трезвомыслящий вид человеческий».

— Или, по-разговорному, «Холодный секс», — кивнул Валентин. — Думаешь, будет популярна?

— Раскрутят! — уверенно сказал Виктор. — Девочка черненькая, девочка беленькая, мальчик мужественный, мальчик женственный. На все вкусы! Да и спонсоры у них сильные. На презентации, кстати, обещали хороший фуршет и пресс-пакет журналистам: футболка с бейсболкой, одеколон «Кармин», бутылъ израильского джина. И будет конкурс на лучший слоган группы, приз — поездка в Иерусалим, на святую землю.

— Слоган? Да запросто. Могу сразу выдать.

— А ну? — заинтересовался Виктор.

— Про индиго говорят:

Умная головка!

А зато кармины в ряд.

Ходят очень ловко! — с чувством произнес Валентин.

— Да ну тебя! — Виктор махнул рукой. — Не хочешь, как хочешь. Стажеру отдам, он просил. Или сам схожу. Иди... пиши про своих рекламщиков...

Загадочно улыбаясь, Валентин вышел из кабинета. Но через минуту приоткрыл дверь и засунул обратно голову:

— Слушай, Малибу, я еще один слоган придумал. Прямо для тебя! Пошли стажера в пень, иди сам, поездка в Израиль твоя!

— Ну? — подозрительно спросил заведомо культурой.

— Пусть у нашего соседа

Сын-индиго — непоседа.

Моя доченька — кармин,
Мы, кармины, победим!

— Вот если бы ты у меня работал, я бы тебя сейчас уволил! — пригрозил Виктор.

С победной ухмылкой Валентин выскочил в коридор. Сбежал вниз по лестнице, поздоровавшись на ходу с парой знакомых ребят. Выбежал на улицу, радостно убедился, что припаркованную в неположенном месте машину не увез эвакуатор, двинулся к «рено», на ходу доставая из кармана ключи.

У него звякнул телефон.

— Валентин Сафонов, — деловым тоном представился он, не глядя на экран.

— Валька, это я, Ма... тьфу, Виктор.

— Ага. Я чего-то забыл?

— Слушай, а повтори-ка второй стишок, — попросил Виктор. — Чем черт не шутит, оно вроде как забавно звучит и к имиджу группы подходит... «Пусть у моего соседа...» Что там дальше?

Домой Валентин пришел только к вечеру. Собирался двигаться сразу от Виктора, но по пути заглянул в один полуживой глянец, где наконец-то пообещали расплатиться за давнюю статью об остроумном певце. За прошедшие полгода певец перестал быть модным и, кажется, вообще исчез со сцены. Но с Валентином действительно расплатились, причем выдали ровно столько, сколько обещали.

Причины такой обязательности стали понятны, когда замглавного попросил срочно — вот прямо сейчас, на месте, написать статью на тему какой-то политической свары между двумя политиками, бывшими очень долго в коалиции и выдвигавшими друг друга на первые роли, а потом разругавшимися вдрызг. Причем хотелось заму странного — чтобы статья была критической, при этом позитивной, в меру патриотичной, но при этом либерально-демократического толка. И еще — смешной.

— Ну ты даешь, старик, — протянул Валентин. — Это не ко мне. Это Диму Быкова, к примеру, попытай.

Зам закатил глаза:

— Ты сказал — Быкова! Он на своих изданиях пашет, стихи пишет, книжки сочиняет и между радио с телевидением носится. Его на разовую работу не вытянешь.

— Ну, всех можно соблазнить, были бы деньги... — намекнул Валентин.

— Быкова не соблазню, а тебя попытаюсь, — раскрыл карты зам. — Ты у нас злой, пишешь с юмором, в политике разбираешься...

Валентин мялся.

— Там смешное дело. Говорят, они разругались по поводу рыбы.

— Чего?

— Оба сидели на контроле рыбных потоков с Камчатки, потом один другого подсел...

— Эта рыба дурно пахнет, — твердо ответил Валентин.

— Прямо сейчас заплачу.

Это решило дело. Два часа Валентин сидел за чужим компьютером и, ругаясь на непривычно узкий левый «Shift», колотил по клавишам — периодически заглядывая в интернет «за фактами». Топтаться по политикам средней руки было легко и приятно, тем более что любой из них поводов давал предостаточно. Через два часа Валентин, скомкав пустую пачку сигарет, дописал последние строчки: «Как известно, великий и добрый волшебник Гэндальф отказался от кольца Всевластия, понимая, какую страшную силу оно возымеет в его руках — и над ним самим. Если верить преданиям, то царь Поликрат выкинул в море кольцо, опасаясь своей удачливости — но кольцо вернулось к нему в животе пойманной рыбы. К сожалению, герои наших дней отказываются от колец Власти лишь ради того, чтобы позже поискать их во вспоротом брюхе недавних соратников. Увы, вряд ли там найдется хоть что-то, кроме плохо переваренной и уже тухлой красной рыбы...»

Расплатились с Валентином и впрямь на месте. Видимо, ехидная статья в глянце должна была появиться по чьему-то заказу — когда два политика дерутся, вокруг стоят две сотни других, жаждущих поживы.

Но это Валентина особо не смущало. Все они жадные демагоги, все они одним миром мазаны. А вот в кармане теперь болталась приличная сумма — можно неделю смело работать над тем, что интересно.

А интересно ему было «Звездотрясение».

По пути Валентин загрузился в супермаркете парой пакетов — чай-кофе, сигареты, полуфабрикаты, закатанная в пленку курица, бутылка недорогого коньяка. Теперь несколько суток можно было существовать абсолютно автономно.

Поколебавшись, Валентин даже отключил телефоны — и городской, и мобильный, что делал только в самых крайних случаях, когда начинался большой аврал. Запустил ноутбук, вытряс пепельницу, налил большую

кружку кофе. Не поддавшись искушению, даже не стал просматривать почту или проглядывать ленту друзей в «Живом Журнале». Нет уж, дело — значит, дело.

Он набрал www.starquake.ru и подозрительно уставился на стартовую страницу.

Так...

Форум, справочник, регистрация...

Валентин выбрал «регистрацию». Глотнул кофе и сообщил экрану:

— Имею компьютер. Готов пилотировать.

Требовалось ввести имя — то, под которым его будут знать в игре.

Некоторое время Валентин курил, глядя в экран.

Как вы яхту назовете, так она и поплывет. В общем-то он был уверен, что имя каким-то образом влияет на судьбу. Как обычных людей, так и виртуальных персонажей.

Кем ему назваться?

Журналист?

Как-то претенциозно.

Сафонов? Сафон? Сафо?

Тьфу, лезет в голову всякая глупость...

Валик — как в школе?

Валентин даже поморщился — он не любил это прозвище, намекающее на некую пухлость и мягкотелость, от которых давно уже не осталось и следа.

Акула пера?

Да уж, какая из него акула... Разве что самая мелкая.

Валентин усмехнулся и аккуратно ввел в графе «имя»:

KATRAN

Почему-то он сразу почувствовал, что это правильно. Правильно и хорошо.

Так, как должно быть.

ГЛАВА ПЯТАЯ,

в которой меня убеждают не верить глазам своим, а я предпочитаю не верить своим ушам

Кабина «Сильваны» по размеру оказалась не больше внутренностей джипа — какого-нибудь «гранд-чероки» или «лэнд круизера». Впереди было два кресла перед приборной панелью, над панелью — овальный иллюминатор, который так и хотелось назвать лобовым стеклом. Не экран, а именно иллюминатор — видимо, из такого же «прозрачного металла», как и окна на станции. Сзади — полукруглый диванчик, вряд ли очень удобный, но делящийся откидными подлокотниками на три посадочных места. Даже загоревшийся матовый плафон располагался на привычном месте — на потолке в центре.

Хотя, конечно, странно было бы подсвечивать кабину на уровне пола...

Мне отвели место «водителя», рядом сел очкарик с гордым прозвищем Мастер. Лену посадили сзади, рядом с ней сел Рома — заняв своей необъятной фигурой сразу два места. Тело Кости они положили под ноги, рядом водрузили свой драгоценный контейнер.

— Что, багажника нет? — спросил я. Мне никто не ответил. — Очень неудобно, без багажника-то...

— Не муту воду, Катран. — Мастер глянул на меня из-под очков. — Нервы — они разговор любят, понимаю. Но сейчас ты будешь слушать меня. У нас есть полчаса на то, чтобы ты научился управлять космическим кораблем.

— Китайский за ночь? Фигня вопрос, — разглядывая пульт, ответил я.

Честно говоря, пульт меня смущал. Очень смущал. Я полагал, что он должен был выглядеть посложнее.

— У тебя под ногами две педали, — сказал Мастер.

— Как в машине.

— Да, если едешь на автомате. Правая педаль — ускорение.

— Дай я догадаюсь, — сказал я. — Левая — тормоз?

Рома завозился сзади и попросил:

— Мастер, давай я его стукну? Для вразумления! Слегонца.

— Рома, я ценю твое предложение, но ему еще пилотировать, — ответил Мастер. — Погоди... пока погоди. Катран, ты совершенно прав.

Левая педаль включает торможение. Поскольку мы не на шоссе, а в космосе, то на торможение тратится драгоценный запас рабочего тела. Постарайся как можно реже тормозить. Хорошо?

— Хорошо, — согласился я. — Мы не тормозим ни перед чем.

— Кстати, — благодушно добавил Мастер, — эта же самая педаль дает и задний ход, если он требуется. Разумеется, можно поступать более естественным для космоса образом — развернуть корабль двигателями вперед и включить главный двигатель — мы тоже затормозим. Но при маневрах на малых скоростях это не всегда удобно. Далее. Хрень, которая торчит перед тобой из пульта, некоторые называют «штурвал». Гораздо чаще — «вантуз». Но по сути это просто джойстик.

Мне этот штурвал, или джойстик, напоминал скорее ручку детской игрушки «кузнечик» или «пого». Ну или рукоять гламурного отбойного молотка, созданного специально для манекенщиц. Из приборной панели торчал стержень, на стержне — две рукояти для рук. На рукоятях имелись еще какие-то кнопки и тумблеры.

— Это чтобы рулить влево-вправо, — сказал я.

— А еще вверх-вниз и закручиваться по центральной оси, — любезно подтвердил Мастер. — Вантуз ходит во все стороны и вращается по и против часовой стрелки. Все интуитивно схватывается, верно? На правой ручке спуск лазерной пушки, на левой — управление ракетной установкой. Но у нас вооружения нет, можешь про них забыть. Зато у нас есть гипердрайв... включи навигационный пульт.

Навигационным пультом оказался небольшой экранчик, расположенный посередине панели, там, где у автомобиля либо магнитола, либо бортовой компьютер. Мастер властно взял меня за руку — и коснулся экрана моим пальцем. Тот включился, продемонстрировав три десятка разноцветных точек на черном фоне. В центре экрана светилась туманная сфера, захватывающая часть точек.

— Ближайшие звезды, — пояснил Мастер. — Те, что внутри сферы, доступны для прыжка. Экран сенсорный. Касаешься звезды пальцем, включается наведение...

— Ага, — сказал я. — Ну, все в принципе понятно. Вот только... — Я замолчал.

— Ну?

— Не могу найти, где здесь ручной тормоз.

Несколько секунд Мастер смотрел мне в глаза — и я подумал, что переборщил. Но он неожиданно рассмеялся.

— А ты ничего, Катран. Цепкий. Нелепо все, да?

— Нелепо, — кивнул я. — Это же бред какой-то. Космический корабль, который пилотируют джойстиком? Ткни пальцем, выбирая точку гиперпрыжка?

— А как оно все должно быть?

— Не знаю. — Я пожал плечами. — Либо все должно... сверкать. Множество экранов, приборов, компьютеров, на голове пилота шлем, подключенный прямо к мозгам... Все летает само, люди отдают команды.

Сзади хихикнула Лена.

— Либо — ржавые винты, штурвалы, рычаги, в атомный реактор урановые поленья лопатой подбрасывают, — сказал я. — Но не так же... как в игре!

— Как в игре! — удовлетворенно сказал Мастер. — Молодчина. Но это мы потом обговорим. А сейчас у нас простая задача — я запускаю программу старта. Корабль стартует в пространство. Я тычу пальцем, показываю, куда лететь. Ты начинаешь что есть силы гнать в этом направлении. Мы подойдем к зоне перехода, запустим привод и нырнем туда. Если все пройдет как надо, то мы окажемся... — он помолчал, — окажемся там, где надо.

— А если я врежусь в эту хреновину... платформу?

— Тогда мы все умрем.

На сей раз он выглядел совершенно серьезным.

Я закрыл глаза, глубоко вздохнул.

Итак. Сорвав дурацкое объявление я спьяну заглянул ночью в офис, где веселая молодая девица телепортировала меня куда-то в глубины космоса. На непонятно кем сделанной космической станции живет шестнадцать тысяч сумасшедших людей, которые летают на непонятно кем сделанных кораблях, управляющихся джойстиком...

— Заснул?

— Пытаюсь проснуться, — ответил я, не открывая глаз.

— Знакомая реакция, — сказал Мастер с сочувствием. — Знаешь что, Катран? У меня есть предложение. Сейчас просто делай то, о чем я тебя прошу.

— Просишь? — усомнился я.

— Ну а что мне, утюгом тебя пытаться, что ли? Прошу. Помоги нам отсюда убратся. Мы не злодеи, честное слово. Представь, что это сон — но ведь и во сне можно поступать разумно. Я тебе обещаю — как только мы доберемся до цели, я тебе все объясню. Ну, все, что знаю сам. А я знаю немало. Только... — в его голосе послышалась явная озабоченность, — не впадай в ступор, очень тебя прошу. Видел я таких — вначале бодрые,

шутят... Потом глаза закрывают и два-три дня ни на что не реагируют.

— Хорошо. — Я открыл глаза. — Где здесь ключ зажигания?

— Приложи палец к этой пластине. Да любой, хоть мизинец...

Я коснулся прохладного металлического кружка.

До этого корабль казался мертвым. Да, зажигались огоньки на пульте, светился экран, но все это отдавало какой-то декорацией, бутафорией.

И внезапно он ожил.

На лице я почувствовал слабое дуновение воздуха — включилась вентиляция. И воздух был... необычным. Настолько чистым, лишенным всякого запаха и вкуса, что он обретал какой-то свой новый, собственный запах — он пах *ничем*. Это был механический, сделанный воздух.

К свету плафона на потолке прибавился мягкий свет из-под пульта — зачем он был нужен, я так и не понял — освещены оказались ноги и педали. Впрочем, через мгновение плафон погас, осталась только эта странная нижняя подсветка. Чтобы не слепить глаза?

А еще — корабль зазвучал. Где-то в корме что-то тихо и ровно журчало, будто лилась по трубам жидкость. Двигатели давали низкий басовитый гул — тоже едва заметный, но различимый. И монотонно, будто метроном, что-то отщелкивало, отстукивало в глубине пульта.

— Щелчки — звуковой контроль расхода энергии, — сообщил Мастер. — Пока они не сливаются в сплошной треск — у тебя есть запас мощности. Если звук ровный — все, большего из корабля не выжать.

Мне стало не по себе.

— Теперь нажми этот сенсор... — Мастер мягко взял мою руку. — Просто коснись...

Я послушно коснулся и этой пластинки. Почему-то я ожидал, что впереди в стене раздвинутся шлюзовые ворота — как в каких-нибудь «Звездных войнах». Быть может, даже и шлюза не будет, а будет голубенькое светящееся силовое поле, через которое мы и вырвемся в космос...

Но все оказалось прозаичнее. Корабль стал опускаться вниз — его убирали из ангара тем же путем, каким и подали. За иллюминатором скользнул обрез люка, потянулся длинный темный туннель.

— Подождите... а где ремни? — неожиданно всполошился я.

— Не бойся, ты не в машине, — фыркнул Мастер.

А Лена сзади пояснила:

— Во всех кораблях есть локальный гравитатор. Пол всегда будет полом, а потолок потолком. Ускорение, повороты — ты их едва почувствуешь. Наверное, небольшие перегрузки оставили просто для

удобства маневрирования.

— Надо же, какая забота о комфорте...

— Дело не в комфорте. Мы не тренированные летчики, чтобы нормально работать при перегрузках в несколько g. Ну а если ты умеешь управлять гравитацией, то привязные ремни будут не более чем данью традиции.

— Некоторые делают ремни сами, — неожиданно вступил в разговор Рома. Оказывается, этот громила умел высказываться и на абстрактные темы! — Говорят, что так им спокойнее.

Честно говоря, мне бы тоже было спокойнее. Но мое мнение тут явно никого не интересовало.

— Подходим к шлюзу, готовься, — сказал Мастер. — Хватай вантуз!

Чувствуя себя идиотом, я взялся за рукоятки. Секунда... другая... серое за стеклом сменилось непроглядной темнотой.

А в темноте горели звезды — ровным, спокойным, немигающим светом.

Я ждал этого — и все равно застыл, зачарованный открывшимся мирозданием, — будто восточная красавица стянула с головы чадру, и против всех ожиданий — лицо не обмануло, оказалось еще краше, чем угадывалось сквозь кисею...

Кажется, Мастер ждал такой реакции. Во всяком случае, он дал мне несколько секунд полюбоваться картиной, прежде чем сказал, очень спокойно и мягко:

— А теперь вантуз плавно вправо и чуть-чуть касаемся педали газа...

Все-таки автомобильные ассоциации здесь были неизбежны!

Как во сне, я потянул джойстик, слегка нажал педаль — и мир закрутился вокруг. Искусственная гравитация мешала воспринимать происходящее как наше движение — это мир крутился вокруг нас, послушно вынося навстречу станцию, с которой мы только что стартовали. Я повел джойстик назад — мир остановился.

Теперь я понимал, почему станцию называли Плюшкой. Словно неопытный, но старательный кондитер замесил огромный чан теста — и попытался вылепить плюшку километровых размеров. Где-то тесто слиплось огромными комками, где-то вытянулось ровненькими полосами, где-то растеклось блином. И все это безобразие было разноцветным, во многих местах светилось, щетинилось какими-то антеннами и трубочками (на деле, наверное, каждая антенна превосходила приличный радиотелескоп, а «трубочка» была с заводскую трубу). Из-за наростов Плюшки бил ослепительно яркий свет — там сияло местное солнце,

размерами не уступающее земному, но явственно чужое — то ли немного иной спектр, то ли еще что, но глаза отказывались признать его нашим Солнцем.

— Почему я вижу свет, тут же вакуум? — внезапно спохватился я.

— Плюшка «парит», — ответила сзади Лена. — Испарения заводских установок, выбросы отработанных газов, перемолотый мусор...

— Гравитационные установки дают небольшие погрешности, Плюшка не сразу отпускает мусор в открытый космос, — уточнил Мастер. — Видишь точку гиперперехода?

Он ткнул пальцем в стекло.

— Какая же это точка? — глядя на кружащиеся разноцветные всполохи, сказал я. — Облако какое-то...

— Это засветка. — Мастер махнул рукой. — Давай... прямо туда жми. Несложно, не промажешь.

Действительно — несложно. Я нажал педаль сильнее — Плюшка заскользила мимо, цветное облако стало приближаться. Корабль стало уводить в сторону, но одного движения джойстиком оказалось достаточно, чтобы курс выровнялся. Осталось только легкое вращение вокруг оси — я чуть повернул рычаг и корабль мгновенно стабилизировался.

— Словно мне кто-то помогает... — сказал я. — Очень аккуратно все получается.

Сзади гулко захохотал Рома, засмеялась Лена. Мастер улыбнулся:

— Конечно. Ты что, всерьез думал, будто сам рулишь?

— Но... — Я даже глянул назад — нет, ни у кого не было дополнительных пультов.

— Ты задаешь только общий вектор, — сказала Лена. — В какую сторону, с какой примерно скоростью. А дальше навигационный компьютер решает, что именно ты хочешь, куда двигаешься и с какой скоростью.

— Ты, по сути, даже не пилот, — добавил Мастер. — Ты всадник. Или ямщик. Командуешь, дергая за рычаг и топча две педали. Машина делает все остальное. Всадник тоже правит лошадью лишь в общих чертах, куда ставить ноги, как лавировать между деревьями, на какой ход перейти — она решает сама. Ну, давай... включай гиперпривод.

Я коснулся панели, экран засветился.

— Вот сюда. — Палец Мастера указал на тусклую точку на самом краю доступной для прыжка зоны. — Коснись этой звезды.

Я коснулся.

На экране появилось несколько строчек пиктограмм, среди которых особо нелепо выглядели привычные арабские цифры и изображение

желтой звезды. Очень схематическое — так дети рисуют солнышко.

— Все, наведение произведено. — В голосе Мастера послышалось облегчение. — Теперь жми вперед! Точка перехода втянет в себя корабль.

— И мы перенесемся туда?

— Именно. Давай газуй, в любую минуту на Плюшке могут очухаться!

— Это здорово, — сказал я. И вдавил педаль тормоза.

Корабль остановился так резко, что нас даже качнуло вперед, а размеренное тиканье метронома бешено зачастило.

— Ты что? — воскликнул Мастер.

— Поговорить надо. — Я снял руки с джойстика. — Есть у нас пять минут?

Мастер смотрел на меня. Я улыбался. Он не выдержал первым:

— Рома, у нас есть пять минут?

— Пять — есть. Десять — вряд ли, — отозвался Рома. Стукнуть меня он почему-то не предложил.

— Хорошо, говорим, — кивнул Мастер. — Спрашивай.

— Тебя как зовут?

Лена хихикнула.

Мастер почему-то смутился. Но ответил:

— Зиновий. Фамилия — Пилюченко. Проживал в Питере. Тридцать восемь лет.

— Валя, — я протянул ему руку, — тридцать пять, если это важно.

Зиновий неохотно, но руку все-таки в ответ пожал. И даже произнес с улыбкой:

— Зяма... если угодно. Сокращать мое имя как «Зина» не стоит.

— Зяма, мне чертовски не нравится, что происходит, — сказал я. — Мало того, что я спьяну влип в идиотскую историю и оказался невесть где. Меня к тому же похитили и заставляют пилотировать космический корабль, похожий на фантазию первоклассника. Объясни мне, что происходит, иначе я не притронусь к управлению.

— Тогда нас уничтожат.

— Да и хрен с ним!

Зяма выдохнул. Снял и протер очки. Снова нацепил их и сказал:

— А ты упрямый... значит, за пять минут тебе все объяснить?

— За четыре. Не будем рисковать без нужды.

— Хорошо. Ты прав, все окружающее нелепо выглядит, несуразно устроено и непонятно для чего существует. Но тут болтается пятнадцать тысяч человек, которые вынуждены жить по законам этого мира. Если ты уронишь себе на ногу молоток, тебе будет больно. Если слопаешь

испорченные продукты — будешь сидеть на толчке. Если по нашему кораблю жажнут со станции лазером — он развалится на две половинки, а мы вывалимся в космос и наша кровь вскипит в вакууме.

— Ты хочешь сказать, что это все правда?

— Нет, я этого не могу сказать. Я говорю, что мы воспринимаем этот мир как настоящий. Но мир, живущий по законам компьютерной игрушки, настоящим быть не может. Поэтому я и мои друзья придерживаемся теории Матрицы.

— Как в кино?

— Да, как в кино. Мы находимся в моделированной Вселенной, которую воспринимаем как настоящий мир. Может быть, мы лежим где-нибудь в подвалах Лубянки на кушетках и подключены к компьютерам. Может быть, наши мозги плавают в банках на полках какого-то НИИ. А может быть, мы лишь набор электронных импульсов в недрах суперкомпьютера... фантомы настоящих людей, которые и не подозревают, что с ними сделали.

— Тогда точно нет необходимости куда-то лететь, — сказал я.

— Есть, потому что наша смерть в этом мире для нас и будет смертью.

— Лена, что скажешь? — спросил я, не отрывая взгляда от Зиновия.

— Я знаю, кто они... — Голос Лены стал насмешливым. — Это Ищущие. Секта... своего рода. Они верят в то, что говорят.

— А ты им веришь?

— По мне, так если все вокруг кажется настоящим — оно и есть настоящее.

Я поднял палец:

— Вот! Зяма, ты слышишь глас разума. Я с твоей точкой зрения не спорю, но если ты прав, то...

— То нам все равно надо действовать так, будто мы находимся в настоящем мире.

Это сказал Роман. Он подался к нам сзади. У него было очень спокойное лицо, с которого будто смыли маску агрессивной простоты.

— Ты его слушай, — наставительно сказал Зиновий. — Роман — доктор наук, специалист в области искусственного интеллекта.

— У тебя есть минута меня убедить, — сказал я с некоторой опаской. Преображение туповатого бойца в интеллектуала пугало больше, чем его кулаки.

— Минута сорок секунд. Этого хватит. Валя, мы не шутим, через несколько минут нами заинтересуются, поймут что происходит — и уничтожат. Это правда. Это сомнению не подвергается.

Я посмотрел ему в глаза и кивнул.

— Что касается всего остального — насколько окружающий мир реален, чего мы добиваемся, зачем проникли на Плюшку и куда сейчас убегаем, я дам все ответы в более спокойной обстановке. Клянусь, что вас никто не будет лишать свободы, вам не причинят зла и не будут ни к чему принуждать. Но для этого мы должны выжить. А чтобы выжить — нам надо убраться отсюда. Все, я закончил.

— В то, что все это обман, виртуальная реальность — я не верю, — сказал я. Зяма тяжело вздохнул. Роман нахмурился. — Но разобраться хотелось бы. Так что... решим, что ты умеешь уговаривать. — Я опустил руки на джойстик. Мерцающие разноцветные облака кружили перед нами. В ста метрах? В километре? Не знаю, расстояния тут казались обманчивыми.

Я вдавил правую педаль и облако стало надвигаться. Пожалуй, там действительно была какая-то точка... невидимая. Бесформенные сгустки света лишь на первый взгляд вращались беспорядочно, на самом деле у всей этой иллюминации был центр...

Именно в этот центр я и вогнал «Сильвану».

Цветные всполохи света обтекли корабль, стук метронома на несколько мгновений превратился в ровный гул.

И свечение осталось позади.

— Не сработало? — спросил я. — Поворачивать?

Мастер рассмеялся.

— Почему же не сработало? Все, мы прыгнули. Мы в другой системе.

Я дернул джойстик, заставляя корабль развернуться.

Вот светящиеся облака, стремительно удаляющиеся от нас, уменьшающиеся, уже почти неотличимые от звезд.

Вот звезда — желтая, неяркая. Иллюминатор слегка потемнел, приглушая ее свет.

Станции не было.

Мы действительно перенеслись в пространстве.

— Фантасты — уроды, — сказал я. — Я думал, это будет красочно...

ГЛАВА ШЕСТАЯ, в которой я вспоминаю пилотов Первой мировой войны — и это оказывается к месту

Странные вещи творит с головой нехватка сна.

Те, кому довелось летать на большие расстояния, это хорошо знают. Я, к примеру, два года назад отдыхал с подругой в Таиланде. В самолете я спать категорически не умею, даже приняв, по русской традиции, коньяка за равенство количество взлетов и количества посадок. А прилетев утром из сырой промозглой Москвы в теплый тропический раёк (ну не вяжется все-таки слово рай с Таиландом), ложиться спать было совсем уж глупо. И весь день мы возбужденно веселились, наплевав на накопившуюся усталость, смену часовых поясов, погоды, обстановки. К вечеру итог был закономерен — спать хотелось безумно, но уснуть мы не могли, взбудораженный организм уже ничего не понимал в происходящем.

Помогла еще порция коньяка и четверть часа секса — причем и я, и подруга воспринимали секс как лекарство.

Сейчас, к сожалению, не было возможности прибегнуть ни к тому, ни к другому средству. А ведь без сна я уже был часов сорок. Организм честно выжал из себя весь адреналин и теперь молил о сне. Ну — или о некотором времени с закрытыми глазами...

— Здесь две планеты, — тыча пальцем в навигационный экран, объяснял Зяма. — Мы их не видим, конечно...

— Почему ж не видим, Альбедо видно. — Роман подался вперед со своего диванчика. — Вон... на три пальца правее солнца...

На мой взгляд, яркая белая точка была звездой, но я не спорил. Меньше говори — сойдешь за умного...

— Ну, на Альбедо нам все равно не надо, — бодро сказал Зяма. — Нам нужен ее близнец.

— Нигредо? — мрачно предположил я.

— Верно. Альбедо для жизни непригодна, атмосфера почти лишена кислорода.

— А почему она так сверкает? Снег?

— Облака... Вот Нигредо, задавай курс.

На экране навигационного компьютера теперь была схема звездной системы. Солнышко в центре, два кружочка — черный и белый, рядом. Еще

один кружок висел у самого края экрана.

— А это что за планета?

— Газовый гигант размером с Юпитер. Интерес не представляет.

— На спутниках у него есть полезные ископаемые, — заметил Роман.

— Есть. Ну и что? Они много где есть... Давай наводись на Нигредо.

Я ткнул пальцем в черный кружок. Нос корабля слегка сместился. Изображение качнулось, теперь планета была по центру экрана.

— Разгоняйся.

Нажав педаль я некоторое время ждал. Гул двигателей на пилонах корабля усилился, стук метронома участился.

— Так и сиди, — велел Зяма. — Разгоняться будем примерно полчаса.

— И сколько нам лететь?

— Восемь часов. Потом торможение, выход на орбиту... еще часа три уйдет.

— У нас тут труп в кабине, — напомнил я.

— Ничего, полежит. Температуру в кабине убавь... вот эта шкала... сдвинь ползунок до восемнадцати.

Ползунок был нарисован на сенсорном экране. Я сдвинул его пальцем до цифры 18 и сказал:

— Все?

— Пока все. Пить хочешь?

— Хочу, но не пить.

— А... понятно.

Зяма нагнулся и открыл дверку под пультом. Достал оттуда толстый пластиковый шланг с раструбом на конце.

— Санитарный отсек. По-большому, конечно, ходить неудобно. Хотя если прижмет... А так все просто. Вот... э... мочеприемник. Вот кнопка отсоса фекалий.

Я покосился назад.

Ленка усмехнулась:

— Не комплексуй. Что естественно, то не безобразно.

— Нет уж, я потерплю.

— Десять часов? — поинтересовался Роман. — Да не глупи. Не выдержишь, это раз. Будешь не в форме в самый нужный момент — два. К тому же обоссанные штаны будут вонять. Культура и мораль — это производные от реальности, Катран.

— Подай ему пример, — сказал Зяма.

— И верно. — Роман огляделся. — Где тут... Ага.

Второй «санитарный отсек» был встроен в низ их диванчика. Роман

извлек шланг и стал расстегивать штаны. Ленка отвернулась. Я тоже, твердо решив держаться до последнего.

Моей решимости хватило ровно до того момента, как сзади послышалось жизнерадостное журчание.

— Да ну вас, провокаторы... — расстегивая штаны, сказал я. — Пусть лучше лопнет моя совесть...

— Кнопку, кнопку не забудь нажать! — напомнил Зяма. — И ногу с педали сними, не корячься...

Ощущения были своеобразные. Ну, если кто-то хочет их испытать — возьмите пылесос, включите на самую слабую мощность... в общем, вы поняли, что дальше делать. Если пылесос сломается, то я вам советов не давал.

Но честно говоря, мир сразу стал выглядеть гораздо дружелюбнее.

— Будешь? — Зяма полез в задний карман джинсов. Извлек плоскую фляжку. — По чуть-чуть!

Оказывается, совместное пользование удобствами способно сближать людей не хуже, чем съеденный вместе пуд соли. Я открутил крышку и сделал глоток — горло обожгло, огненный комок покатился по пищеводу.

— Что это? — прохрипел я, откашливаясь.

— Спирт, — тоже отхлебывая из фляжки и передавая ее назад, сообщил Зяма. — Понимаешь ли, Катран, объем надо экономить. Водка... или коньяк, если бы он у нас был, это сплошной перевод пространства. Зачем лишняя вода, если хочешь выпить алкоголя?

— От воды бы я не отказался...

— Держи. — Ленка подала мне фляжку — куда более объемистую, видимо, извлеченную из одного из карманов комбинезона. — Это холодный чай.

Я готов был выпить и холодного чая, и горячего, и даже горячего молока с медом. Чего угодно. Неразбавленный спирт я пил лишь однажды, в студенчестве, и с тех пор остался в твердом убеждении, что отвратительнее ничего нельзя и придумать. Рот был будто кипятком ошпарен, страшно подумать, что делалось с желудком, которому за последние дни и так досталось...

— Запил? — спросил Зяма. — Теперь снова ножку на педаль — и нежно жмем. Еще, — он глянул на коммуникатор, — семнадцать минут.

И я терпеливо ждал, погружаясь в сонливое беспмятство, пока Зяма не пихнул меня в плечо.

— Катран, ты оглох? Все, снимай ногу с газа. И можешь дрыхнуть в свое удовольствие.

— А рулить? — спросил я, закрывая глаза.

— Рулить будет компьютер, он железный. Ты свою пилотскую работу выполнил.

Я хотел ответить чем-нибудь остроумным и бодрым.

Но не смог.

Заснул.

Солнце припекало вовсю. Я расстелил на траве скатерть — белую, с кружевными оборочками, а Инна принялась выставлять на нее припасы: маленькие стеклянные бутылки минералки, пивные бутылки коричневого стекла, большие пластиковые бутылки с «Тархуном» и «Байкалом», банки колы и тоника, пакеты с соками. Мы сидели посреди какого-то бескрайнего поля, поросшего травой — ровненькой и аккуратной, как на теннисном корте.

— Пить хочу ужасно, — сказал я, глядя на Инну. Потянулся за минералкой, но девушка шлепнула меня по руке.

— Подожди. Сейчас достану бокалы.

Она долго рылась в коробке — совсем маленькой, и как там все умещалось?

— Надо было взять коробку побольше, — сказал я.

— Объем надо экономить, — строго сказала Инна. Помолчала. Грустно добавила: — Ты знаешь, а я забыла взять бокалы...

— Я так, из бутылки... — Я взялся за холодное стеклянное горлышко, но Инна внезапно вскинулась и схватила меня за плечи.

— Нельзя! Культура и мораль — это единственная наша реальность! Ты не можешь пить прямо из горлышка!

— Инна, но я же...

— Вставай! Просыпайся! Катран!

— Откуда ты знаешь это прозвище? — воскликнул я, открывая глаза.

Зяма, он же Мастер, снова потряс меня за плечи:

— Просыпайся! Черт тебя возьми, ты живой?

— Живой... — просипел я. В горле пересохло, будто я час просидел с открытым ртом. По лбу стекал пот.

Было жарко, очень жарко.

Чем-то неприятно пахло.

— Что случилось? — спросил я.

— Климат-контроль накрылся медным тазом, — зло сказал Зяма. — Гляди!

Я посмотрел на пульт климат-контроля — температура в кабине

подползала к тридцати пяти градусам. Разумеется, я уткнул палец в нарисованный ползунок и попробовал сдвинуть его вниз. Экран замигал красным, ползунок не сдвинулся.

— Нестандартная компоновка корабля, — раздраженно сказала Зяма. — И четыре жлоба вместо одного пилота. Похоже, теплонасос не справился с нагрузкой.

— Еще и ваш приятель... остывает, — заметила Лена. — Плохая это примета, ребята, покойник на корабле.

— Лена, у тебя еще есть вода? — спросил я.

— Чай. Держи. — Она протянула мне фляжку. И добавила: — Пусть все остается Катрану, он пилот и ему еще сажать корабль.

Я сделал глоток, пытаясь не дышать носом — причина неприятного запаха была уже очевидной. Закрыв фляжку и положил рядом с собой на кресло, делая вид, что не вижу жадный взгляд Зиновия.

Тот не стал претендовать на остатки жидкости. С наигранным оптимизмом сказал:

— На самом деле есть и хорошие новости. Последние десять минут температура не менялась — видимо, на каком-то минимуме климат-контроль работает. Это раз. Через час нам начинать торможение, так что терпеть осталось недолго... это два.

— А корабль, который следует за нами, это три? — неожиданно подал голос Роман.

Зиновий всполошился. Некоторое время изучал навигационный экран, потом попросил меня:

— Нарисуй в центре экрана круг.

Я послушался — и изображение укрупнилось.

— Еще... Еще... И вот тут...

Звезду и планеты теперь не было видно. Зато по экрану ползла зеленая точка — видимо, наш корабль. А за ней красная загогулина.

— Глазастый ты, Ромка... — с завистью сказал Зяма. — Давно ты его засек?

— Только что.

— Через четверть часа нагонит... «Берсерк»?

— Похож, — согласился Роман.

— Однозначно «Берсерк», — согласилась Ленка. — Ракетная батарея «Шторм», плазмомет «Вспышка»... может, еще и лазерник «Скат». Если это пиратская посуда или корабль Патруля. Если там горнодобывающий модуль, то лазерник не влезет.

— Нам без разницы, — фыркнул Зиновий. — Нам отбиваться нечем, и

щитов у нас нет. Он нас размелет в труху.

— Мог бы уже и пальнуть, — заметил Роман.

— А зачем? — Зиновий снял очки и принялся ожесточенно протирать стекла. — Если он гонится именно за нами, то знает, что мы голые и босые.

— Если он видел, как «Сильвана» прошла через гипер, то тоже понимает, что мы не вооружены, — добавил Роман.

— Ну и зачем мы ему сдались? — спросила Ленка. Я заметил, что с того момента, как мы стартовали, она перестала отделять себя от похитителей. Наверное, это правильно — оказавшись в одной посудине посреди бескрайнего космоса, стоит держаться вместе.

— Ну как зачем... — Зиновий надел очки. Тон его изменился, теперь он вновь стал прежним Мастером — ироничным и самоуверенным. — Я полагаю, администрация Плюшки вскоре после нашего отбытия объявила немаленькую награду за нашу поимку... особенно за возврат вот этого контейнера.

— Сколько? — спросила Лена.

— Тысяч сто.

— Что???

— Тысяч сто. Ну — двести, двести пятьдесят...

— Что вы украли? — почти весело спросила Лена. — Нет, честно, ребята? Не дайте помереть в неведении.

— Помирать будем — скажу, — отрезал Мастер. — Лучше думай, как спастись.

— Да никак. Удрать мы от него не удерем, у нас ниже скорость, хуже маневренность... все у нас хуже! Защиты нет, оружия нет. Эта штука — она хрупкая?

— В контейнере? — Мастер помедлил. — Да, хрупкая.

— Тогда он не станет палить ракетами. Подойдет вплотную и аккуратно почикает нас лазером. Если нет лазера — будет стараться зацепить плазмой, но только аккуратненько.

— Как близко подойдет? — спросил я.

— Да какая разница? Я бы подошла вплотную, — сказала Лена с такой уверенностью, что у меня возникли некоторые подозрения о ее рабочей биографии. — Метрах в десяти легла бы на параллельный курс, компьютеру задала сопровождение, а сама села к пушкам. Как в тире.

Чужой корабль на экране уже преодолел половину расстояния до нас.

У меня вдруг возникла мысль. Нелепая... но чем черт не шутит.

— Вот в Первую мировую войну, сто лет назад, на самолетах часто и оружия не было, — сказал я. — И если они сходились в воздухе, то пилоты

принимались палить друг в друга из револьверов.

— Забавники, — фыркнула Ленка. — И что, попадали?

— Помолчи, — остановил ее Роман. — Так... и что ты предлагаешь, Катран?

— Да ты уже и сам понял, — сказал я. — Шарахнуть в этого «Берсерка» из твоей пушки, как он подлетит. Можно и из пистолетов добавить. У нас есть скафандры?

Никто даже спорить не стал — из чего я понял, что положение и впрямь критическое.

— Мой комбинезон в аварийном режиме выдержит минут десять, — сказала Лена. — Там никакой терморегуляции, да и воздух утекает будет, но...

Она запустила руку за голову и вытянула из кармашка на спине капюшон — прозрачный, будто из полиэтилена.

— Открой бардачок, — попросил Мастер.

Я открыл ящик, на который он указал, и вытащил оттуда два свертка. Это были балахонистые костюмы из прозрачного пластика.

— Аварийные гермокостюмы, — пояснил Мастер. — Гарантированный срок службы — пятнадцать минут. Воздушная таблетка работает минут двадцать.

— Их два, — сказал я.

— Конечно. Для пилота и запасной. Или для пилота и напарника, если вдруг кому-то взбредет лететь на «Сильване» вдвоем. — Зиновий помолчал. — Один, конечно, твой. Без пилота нам всем кранты.

— Значит, кто-то из нас отлетался, Мастер, — сказал Роман. — Нефиг было выпендриваться, джинсы таскать!

— Нефиг, — согласился Мастер.

— Я в гермокостюм вряд ли влезу, — продолжил Роман. — Так что одевай ты... и бери плазмострел. Я попытаюсь задержать дыхание, если вы справитесь за минуту, то у меня есть шанс...

— Ты мне в благородство не играй! — неожиданно завелся Мастер. — Тоже мне, герой... только ты сможешь разобраться в этой хрени! — Он ткнул рукой в контейнер.

— Я вот тебя сейчас приложу по кумполу, а потом запихну в гермик! — пригрозил Роман.

— Ребята, вас одно удовольствие слушать, — неожиданно сказала Ленка. — Но если я предложу, как спастись обоим — сколько вы мне заплатите?

— Ты сдурела, — убежденно сказал Роман. — Ты можешь сейчас

думать о деньгах?

— Хрупкая девушка в нашем жестоком мире просто обязана о них думать. Всегда.

Роман и Зиновий переглянулись.

— У меня на счету семь тысяч, — сказал Роман.

— У меня тринадцать с мелочью, — признался Зиновий.

— А то у Ищущих нет тайных счетов на Плюшке!

— Это общественные деньги, — быстро нашелся Зиновий.

— Ну и жадобы... — Лена похлопала себя по карманам. И достала из одного еще один плотно сложенный пластиковый пакет. — Это мешок для упаковки грузов, чувствительных к перепадам давления. Он должен выдержать в вакууме некоторое время.

— Ты что, все время с собой его таскаешь?

— Грузить свой «Феникс» я собиралась. У меня барахлит герметизация грузового отсека, а отскабливать от стенок содержимое лопнувших банок мне надоело.

Роман молча взял у нее из рук пакет. Сказал:

— Боюсь, это мое обиталище... мне гермик нужен нестандартный. А здесь я уж съезжусь как-нибудь.

— Одеваемся, быстро! — Мастер вручил мне один пакет с гермокостюмом, второй взял себе. — Смотри на меня, делай как я!

Я смотрел и делал.

Ботинки пришлось снять — причем в душной и затхлой атмосфере корабля сразу запахло несвежими носками. Пластиковый комбинезон был просторным и влез я в него довольно легко — через здоровенный разрез на груди. Разрез закрывался банальным «репейником», а для герметизации надо было раздавить впаянную в шов ампулу. Жидкость должна была спаять отверстие... как сказал Мастер, «как правило, это получается». Голову закрывал такой же прозрачный чехол, под подбородком крепилась крупная, сантиметров пять диаметром «таблетка». На нее требовалось плюнуть — или просто лизнуть, после чего она двадцать минут выделяла кислород. Опять-таки в теории. Как я понял, на практике мало кому доводилось пользоваться аварийным гермокостюмом.

Оптимизма это не внушало.

— Тетенька, — тоненьким голоском сказала Лена, глядя на нас, — продайте мне тысячу презервативов. Я хочу маскарадный костюм сделать.

— Очень смешно. — Зиновий с отвращением разглядывал свои руки в подобии хирургических перчаток. — Раздует, блин... Лена, плазму возьмешь ты. Твой комбез покрепче.

— Да без проблем. — Лена достала из кармана перчатки, надела, пристегнула к рукавам — там тоже был какой-то хитрый механизм герметизации. Меня радовало лишь то, что шлем в ее комбинезоне был такой же пластиковый, как и наши гермокостюмы. Может быть, это все-таки работает?

— Катран, твоя задача — развернуть корабль дверью к вражескому, — сказал Зиновий. — Так... и погаси свет. Вот эта кнопка. Как развернешь: нажимая эту кнопку, мы стравим воздух из кабины. Потом эту — дверь откроется. А потом молись, если умеешь.

Он еще раз проверил разрез на груди — и сдвинул ампулу. Раздалось шипение, шов мгновенно помутнел на всем протяжении. Высунув язык, Зиновий энергично принялся лизать кислородную таблетку.

— Герметизируйте меня, блин! — рявкнул Роман, уже забравшийся в мешок.

Лена молча раздавила ампулу на мешке, спаяв шов точно таким же образом, как и на гермокостюме.

Вот только никакого источника кислорода у Романа не было. Только тот воздух, что был в мешке.

Я посмотрел на навигационный экран — вражеский корабль был уже совсем рядом. Тянуть дальше не стоило — я провел рукой по шву своего комбинезона... вроде как держит. Раздавил ампулу. Раздалось шипение, пахло чем-то едким, химическим. Вроде как шов «зарос»...

Я плюнул на таблетку и она тихо зашипела.

Ну все, теперь можно и пилотировать...

Аккуратно двинув джойстик, я развернул корабль. И увидел приближающийся «Берсерк». Он был ощутимо больше — и, как ни странно было об этом сейчас думать, красивее нашей «Сильваны».

Наш корабль, что ни говори, слегка напоминал современные «челноки» — ну или военные самолеты. У него были куцые крылышки и закрепленные на них двигатели.

«Берсерк» походил на подкову, летящую «рожками» вперед. Слева у него было что-то наподобие крыла обратной стреловидности, справа — непонятный пилон, то ли с оружейной консолью, то ли с каким-то иным устройством. Когда корабль приблизился, я понял, что «крыло» на самом деле является жилым отсеком — оно было толщиной метра три и в нем тускло светились огоньки иллюминаторов. Он весь был какой-то неправильный, нелогичный — и при этом гармоничный. Как восточная музыка — европейское ухо она режет, но на самом деле в ней есть гармония, просто она другая...

Мастер стукнул меня по плечу, скорчил страшное лицо.

Я торопливо нажал на кнопку разгерметизации.

Дверь вроде бы не открылась, но воздух из кабины стал выходить. Обвисший на мне гермокостюм начал раздуваться. Перчатки стали толстыми, будто сосиски, пластиковый пакет на голове раздулся, изображая из себя шлем.

Да, в детском неприличном анекдоте, который вспомнила Лена, определенно было что-то верное.

Вражеский корабль тем временем приблизился окончательно — и остановился, зависнув от нас метрах в десяти. Лена лежала на полу, прямо на окоченевшем теле убитого ею налетчика, и держала в руках принадлежавшую Роману пушку. Роман, скорчившись, сидел в раздувшемся как воздушный шар прозрачном мешке — меня почему-то поразило, что изнутри мешок уже весь запотел...

Роман снова меня пихнул — и я нажал на кнопку открытия двери. Уж не знаю, как здесь все работало, обычный сенсор вряд ли отозвался бы на прикосновение закатанного в пластик пальца. Но этот сенсор сработал — дверь уползла вбок. Остатки воздуха вынеслись из кабины роем сверкающих белых снежинок.

Пушка в руках Лены вздрогнула, по кабине прокатился тугой удар. Дуло плазмомета окутало стремительно рассеивающееся огненное облачко.

А на «крыле» вражеского корабля вырос огненный фонтан. Лена всадила заряд прямо в иллюминатор — и внутри кабины теперь бушевал огонь. Как зачарованный я смотрел на иллюминаторы — один за другим они взрывались, выплескивая наружу короткое, гаснущее пламя.

Зиновий повернулся ко мне. Очки у него сползли, шлем запотел изнутри. Глаза округлились будто блюдца. Он что-то орал, не сдерживая восторга.

Это что, все?

Мы что, взорвали вражеский корабль из ручного оружия?

Я, кстати, совершенно не помнил — удалось ли хоть одному пилоту Первой мировой сбить врага из нагана — или все это было не больше, чем способом отвести душу.

Лена, казалось, пребывала в нерешительности — ствол плазмомета ходил из стороны в сторону, но она пока не стреляла. Да и была ли в этом необходимость? Кабина уже не горела, иллюминаторы смотрели слепыми черными провалами. Похоже, никого живого внутри не осталось...

И в ту же секунду, когда я это подумал, от корабля отделилась маленькая фигурка. Пилот был в таком же комбинезоне, как и Лена.

Несколько секунд он висел, цепляясь за обрез открывшегося люка. Потом согнулся, упираясь ногами в почерневший борт, — и с силой оттолкнулся в нашем направлении.

Мы (за исключением разве что Романа, которому мало что было видно) зачарованно следили, как пилот приближается к нам. То ли ему повезло, то ли у него был прекрасный глазомер — его вынесло прямо к нашей кабине. Ну — почти к кабине. Медленно крутясь, тело пролетело над пилоном правого двигателя. Вражеский пилот извернулся, пытаясь уцепиться за притолоку двери, — но было видно, что он не дотягивается.

Совсем чуть-чуть.

Ленка встала, застыла в полусогнутой позе — одной рукой и затылком упираясь в потолок кабины, а другую, с плазмометом, высунув наружу. Пилот дернулся, вытянулся в струнку — и намертво вцепился в ствол.

Ленка потянула его внутрь.

Как бы ни действовала искусственная гравитация корабля, но она была абсолютно локальная — в пределах кабины. Физик бы отказался верить своим глазам... хорошо, что я не физик. Я видел, как болтающийся над кабиной пилот засунул руку внутрь. Как рука сразу обрела вес, потянула его вниз. Как появилась светловолосая голова в прозрачном шлеме. Как все тело втянуло внутрь — и пилот рухнул под ноги Ленке, торопливо подбирая ноги из дверей, из холодной пустоты и невесомости.

Я дождался, пока спасенный нами враг целиком окажется внутри, — и закрыл дверь. Воздух начал наполнять кабину автоматически, прошло секунд десять — пленка на мне сдулась, а я уже слышал орущего в своем гермокостюме Мастера.

— ...мать! Зачем нам этот пират? Пусть прогуляется по космосу пешком!

Лена надорвала какой-то клапан под подбородком, стянула шлем. Лицо ее было красным и потным.

— А ну, замолкни! — без всякого пиетета прикрикнула она на Зиновия. — Пират, бандит — ты-то сам чем лучше? Нельзя бросать человека в пустоте! Нельзя! Это правило!

К моему удивлению, Зиновий свой обмякший прозрачный шлем просто разорвал пальцами — и рявкнул в ответ:

— Сама не ори! Уже и поорать нельзя!

Несмотря на явную непоследовательность этой фразы, она свое действие возымела. Ленка замолчала, похлопала глазами и начала хохотать. Рядом с ней зашевелился в своем мешке Роман. Сильным ударом изнутри прорвал свой кокон, приподнялся, сдирая с себя пластик.

Да уж, очень надежная у нас была защита от вакуума!

— Молодец, — отдуваясь, сказал Роман. Судя по учащенному дыханию, ему в мешке пришлось несладко. — Молодец, Лена. Один шанс из ста... ты просто чудо. Молодец.

— Что его спасла — тоже будешь ругать? — уже спокойнее спросила Лена, бесцеремонно пиная скорчившегося на полу пилота. У них там сзади теперь было тесно, как в маршрутном такси в час пик: трое живых, мертвое тело, громоздкий контейнер...

— Нет, не буду. Во-первых, полезно его допросить. — Роман скорчил зверскую улыбку. — А во-вторых... лучше мы его сами прикончим, чем бросать человека в пустоте. Так будет гуманнее.

— Ты просто Махатма Ганди и мать Тереза в одном лице, — кисло сказал Зиновий. — Но допросить будет полезно... ты прав. Дальше — поглядим...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ, в которой Валентин играет в игрушки и впадает в паранойю

Взрослый человек, впервые в жизни решившийся поиграть в компьютерную игрушку, испытывает такое же смущение, как великовозрастный папаша, застигнутый сыном-детсадовцем за раскрашиванием раскрасок.

Валентин игрушками никогда не интересовался, считал их в лучшем случае времяпрепровождением бездельников, а в худшем — идеологической диверсией каких-нибудь масонов (или кто сейчас в моде на роль тайных мировых правителей?), направленной на оглушение обывателя.

Единственное, что его успокаивало — он играл не ради интереса. Он вел журналистское расследование. Ради раскрытия истины его коллеги переодевались бомжами и ночевали на улице, изображали проституток и зоофилов, зимовали в глухих деревнях и ловили рыбу с браконьерами, отказывались давать взятки гаишникам и прикидывались экстрасенсами. Журналист меняет профессию — как красиво звучали эти слова, когда он учился на журфаке! Было в них что-то гордое, правильное... вытесненное потом словами про «вторую древнейшую профессию» и равнодушной готовностью писать любые статьи на любую тему. Сегодня — о пользе демократии, завтра — об исторической обусловленности тоталитаризма...

А сейчас он вроде как все делал правильно. Честно. Наткнулся на какую-то замысловатую махинацию, нестандартную аферу — и решил раскрутить клубок, поведать о происходящем миру.

Может, знак «За заслуги перед профессиональным сообществом» он и не получит, но удовлетворения будет больше, чем от очередной заказухи.

Некоторое время Валентин изучал станцию, которая должна была стать его виртуальным домом. Огромное, бесформенное сооружение витало в космосе, как расплывшийся кусок теста.

— Плюшка какая-то, — фыркнул Валентин и отправился на кухню, сделать себе бутерброд. Заодно уже налил и кофе, на коньяк покосился, но пока решил не злоупотреблять. Постоял у окна, жуя хлеб с колбасой — есть на рабочем месте он считал свинством и деградацией. Уже стемнело. В доме напротив, построенном талантливыми архитекторами на расстоянии

двадцати метров, начиналось ежевечернее оконное шоу — люди смотрели телевизор, ужинали, укладывались детей, ссорились, мирились. Шторами большинство пренебрегало — в лучших традициях Голландии. Вот мелькнула в окне девушка в одних трусиках и купальнике, следом прошел голый мужик — потом свет все-таки погас.

— Успехов в преодолении демографического кризиса, — сказал Валентин, дожевывая бутерброд. — Кому развлечение, а кому и работать надо...

Впрочем, в нескольких окнах были видны и герои трудового фронта. Вон молодой парень, морщится, глядя в книгу. Учится в институте, наверное. А вон мужик фигачит на компьютере. Вряд ли играет, что-то пишет. Хорошо, если диссертацию или научную статью, но ведь скорее всего — какой-нибудь писатель... развелось их нынче. «Дуло плазмомета окутало огненное облако...» Или: «Тугая эльфийская стрела вонзилась в горло грязного орка...»

— Работать не хочешь, — сказал сам себе Валентин. — Ага. Вижу, вижу, работать не хочешь. А придется.

Подхватив кружку с остывающим кофе, он вернулся к ноутбуку. Неприязненно посмотрел на экран. Из головы почему-то не шли подсмотренные картинки чужой жизни. Вспомнилось вдруг, что в английском праве есть замечательный термин «Право на свет» — запрещающий строить дома так, чтобы они перекрывали тебе вид из окна.

— Надо жениться, — решил Валентин. — Пойду куда-нибудь в штат, буду семью содержать. Детей заведу. По вечерам буду сидеть перед телевизором...

На экране по-прежнему вертелась станция. Валентин вздохнул и начал работать — называть свое занятие словом «играть» он упорно отказывался.

При регистрации в игре ему было выдано полторы тысячи «кредитов» — местной игровой валюты. Как он вскоре убедился, на эти деньги он мог купить только самый простенький и дешевый корабль — «Сильвану». Вначале покупался корпус, потом на этот корпус, как в конструкторе, можно было навешивать отдельные модули: кабину, лазерную пушку, устройство для добычи полезных ископаемых с незатейливым названием «диггер». В общем, походило на то, что ему придется невесть сколько времени болтаться в окрестностях станции, ковыряясь в астероидах, продавая добытую руду и отстреливаясь от таких же новичков — опытные игроки вряд ли обратят на него внимание.

Скучно.

А что делать?

Он даже из этой звездной системы никуда не может деться. Двигатель для гиперпереходов стоит дорого, да и в его крошечный корабль не влезет...

Стоп.

А если убрать эту несчастную лазерную пушку, выкинуть «силовые щиты», которые все равно не защитят его от мало-мальски серьезной опасности. Влезет гипердвигатель?

Влезет.

Кабина, двигатели для полетов внутри системы и гипердвигатель для прыжков к другим звездам.

Вот только денег...

Что?

Валентин недоуменно уставился на циферки своего счета. Только что там было «1500 кредитов». А теперь — «2370».

Ровно столько, сколько нужно для постройки корабля с гипердвигателем.

В платежной системе игры было нечто вроде выписки по счетам. Валентин проверил ее — и убедился, что его счет только что был пополнен на восемьсот семьдесят единиц. Игровые деньги пришли со счета другого игрока — будто тот наблюдал за его конструкторскими экспериментами и внезапно испытал приступ щедрости.

Такого, конечно, быть не могло.

А что могло?

Ну, к примеру, создатели игры могли придумать секретный приз для тех отчаянных игроков, что рискнут сойти с проторенного пути. Хочешь рисковать и летать далеко без всякого оружия? Вот тебе деньги на этот смелый эксперимент.

Что ж, отказываться от такого подарка будет грешно.

Через десять минут Валентин стал счастливым обладателем стандартного корабля «Сильвана» с нестандартным оборудованием. Закурил сигарету, скептически посмотрел на доставшееся ему транспортное средство. Сказал:

— Ну... поехали.

Для того чтобы отправиться к другой звезде, следовало ввести корабль в зону гиперперехода. Неумело давя на кнопки (эх, был бы джойстик — было бы проще!), Валентин ввел корабль в разноцветное облачко и стал изучать навигационный экран.

Звезд вокруг было много. К какой из них отправиться?

Строчку, бегущую по низу экрана, он заметил не сразу — несмотря на

то, что буквы были красными и тревожно мигали.

А вот когда увидел — остоленел.

«Всем альянсам и кланам! Всем кораблям! Чрезвычайное происшествие! Только что, в результате налета на Платформу, было похищено секретное устройство, представляющее огромную ценность. Имеются жертвы. Похитители покинули Платформу на корабле „Сильвана“, предположительно — нестандартной комплектации. Корабль снабжен гипердвигателем, но не имеет вооружения и щитов. При обнаружении — уничтожить корабль с минимальным разрушением конструкции, подобрать контейнер с похищенным устройством. Пилоту, вернувшему устройство на Платформу, будет немедленно выплачен 1 000 000 (один миллион) кредитов, он будет повышен в рейтинге на пять уровней и ему будет бесплатно предоставлена любая новейшая технологическая разработка от пятнадцатого уровня и выше. Если пилот находится в розыске, ему гарантируется полная амнистия».

Текст кончился и пошел по кругу.

— Какое устройство? — завопил Валентин, глядя в экран. — Вы с ума посходили?

Ироничный внутренний голос заметил, что с ума сошел, скорее, сам Валентин — если ругается со своим ноутбуком.

Елозя пальцем по тачпаду, Валентин навел корабль на первую попавшуюся звезду — на самом краю доступной для прыжка зоны, подальше от станции с ее психованными обитателями. И вдавил «энтер».

Изображение на экране мгновенно сменилось. Халтурщики... могли бы хоть какие-нибудь несущиеся мимо звездочки нарисовать, какие-нибудь спиральки цветные на экране, всполохи...

Из гиперпространства его корабль вынырнул неожиданно далеко — и от звезды, и от трех имеющихся на экране планет. Валентин подумал и направил кораблик к одной из двух маленьких планет, обозначенной черной точкой.

К его удивлению, путь до планеты должен был занять почти полчаса. Интересные дела! И что, игроки послушно терпят, пока точка ползет по экрану?

Ладно. Полчаса можно провести с толком. Включать телевизор неохота, пусть дальше порастает пылью. Забраться куда-нибудь на новостные сайты или в блоги? Ха, так не заметишь, как два часа пройдет.

Валентин решил заняться хозяйством — сварить курицу. Что на это повлияло больше — чужие окна, где шла своим чередом чужая семейная жизнь, или неудовлетворенность желудка парой бутербродов, — сказать

трудно.

Плох тот мужчина, который не умеет готовить. Особенно если он холостяк. Валентин не претендовал на лавры великого кулинара, ненавидел чистить картошку и мыть зелень, но уж с охлажденной курицей справлялся легко.

Разгулу чревоугодия едва не помешало то, что в единственной большой кастрюле томились остатки борща, сваренного три дня назад заходившей проводить сына мамой. Можно было, конечно, перелить остатки в тарелку или маленькую кастрюлю (вылить мамин борщ Валентин даже не помышлял), но тогда вставала проблема мытья кастрюли. На такой подвиг Валентин не был готов.

Но выход нашелся быстро. Курица (если быть точным — бройлерный цыпленок) была разрезана на две половинки, одна отправилась в морозилку, другая с грехом пополам влезла в маленькую кастрюлю — где и была промыта, залита чистой водой из пятилитровой бутылки, послана и отправлена на огонь.

Делов-то!

Довольный успехом, Валентин накинул куртку, прихватил сигареты и отправился на балкон — курить и дышать свежим воздухом.

В большей части окон соседнего дома свет уже погас. Кое-где призрачно мерцали экраны телевизоров. На темном балконе той самой квартиры, где Валентин невольно подглядел эротическую сцену, стояла девушка, завернувшись в одеяло, и курила. Валентин хмыкнул. Под одеялом наверняка ничего нет — отморозится, дуреха... Молодость...

Он курил, беззастенчиво изучая девушку напротив — седьмой этаж ее нового дома был как раз на уровне девятого старой панельки, где жил Валентин. Девушка, кажется, поглядывала на него.

Потом красный огонек сигареты по дуге направился к замусоренной земле, девушка открыла дверь и ушла с балкона — на прощание легонько качнув одеялом и продемонстрировав Валентину аккуратную голую попу.

Валентин захохотал. Почему-то эта шалость молоденькой девчонки привела его не в обычное мрачное настроение духа (Никакой нравственности у нового поколения! Куда катится общество!), а развеселила.

Он вдруг вспомнил себя в двадцать. Что за вещи иногда отчебучивал. Как смотрел вокруг, как крутился в безумной карусели мир, какими красивыми были все — ну, почти все девчонки, как здорово было оттягиваться в компании друзей (и как мало требовалось для хорошего настроения). Куда все делось?

А может, не делось? Не насовсем ушло? Надо только перестать смотреть на сегодняшний мир вчерашними глазами?

Не требовать, чтобы и мир, и люди — все сразу стало идеальным? Так ведь никогда не бывает...

Вместо девушки на балкон вышел мужчина. Постарше ее, хотя все равно — тридцати нет. Он тоже кутался в одеяло — в то же самое, что ли? Вспыхнул огонек зажигалки.

Валентин докурил, отправил окурочек в банку, стоящую на балконе для этих целей. И не удержался — показал мужчине на соседнем балконе большой палец: «Во!»

Секунду тот колебался, а потом кивнул. Валентину даже показалось, что он гордо улыбнулся.

— Ну, мы тоже не монахи, — снимая куртку и запирая балконную дверь, пробормотал Валентин. — И нас молодые девочки любят... только вот сейчас нам не до девочек, нам работать надо...

В неожиданно приподнятом настроении духа он заглянул на кухню, убавил под курицей огонь и вернулся к ноутбуку.

Происходящее заставило его выругаться и прильнуть к экрану.

Его несчастный кораблик догонял преследователь... так... как здесь можно определить тип врага...

Преследователь оказался не то чтобы слишком уж сильным. В игре этот корабль называли «Берсерком», был он всего лишь четвертого уровня — в общем, говоря военным языком, это был даже не танк, а хлипкий броневик.

Вот только корабль Валентина даже грузовиком назвать было бы стыдно. Так... телега. Можно расстрелять, можно просто наехать.

Бежать Валентин даже не пытался. Уселся, ругаясь вполголоса, закурил сигарету и стал ждать.

На экране появилась жизнерадостная надпись: «Режим боя». Валентин громко захохотал. Да уж... хорош будет бой!

Анимацией создатели игры особенно не заморачивались. Яркие фишки-кораблики передвигались по плоскому «космосу», поделенному шестиугольниками на игровое поле. Вот фишка его «Сильваны», вот рядом застыла фишка «Берсерка». Вокруг «Сильваны» кружились, исчезая, снежинки. Это что значит? Его уже подбили, воздух выходит?

— Что ж, будет повод выпить коньячку за мой первый полет, — сказал Валентин. — И за последний, вероятно. А то, может, из люка, из табельного пистолета в него пальнуть? А? Выдают в «Старквэйке» пилотам табельные пистолеты?

В следующую секунду у фишки-«Сильваны» открылся люк. Из него в сторону фишки-«Берсерка» протянулась оранжевая полоска. У «Берсерка» полыхнул и взорвался один отсек.

— У меня же нет оружия! — возмутился Валентин.

От горящего отсека «Берсерка» отделилась схематичная фигурка человека — палочки-ножки, палочки-ручки, овал, кружочек... Фигурка проплыла через разделяющий корабли шестиугольник — и исчезла в «Сильване». Люк захлопнулся.

Этого не было в игре. Ну, насколько он мог понять — не должно было такого быть! Корабли не стреляют, если у них нет вооружения. Пилот не может в космосе перейти с корабля на корабль!

Валентин бросил сигарету в пепельницу, не затушив, и руки его заплясали на клавишах. Он ведь может общаться с экипажем вражеских кораблей... а что, если пообщаться с экипажем своего?

«СИЛЬВАНА, КТО НА БОРТУ? КАК ВЫ УНИЧТОЖИЛИ БЕРСЕРК?»

Щелкнув «энтер», он отправил свое сообщение в пустоту, подхватил сигарету, затянулся. Если бы динамики ноутбука захрипели и разразились воплем: «Кто это? Кто с нами говорит?» — он бы даже не удивился.

Но вокруг царила тишина. «Режим боя» тоже сменился обычным навигационным. Корабль продолжал свой путь к планете.

Валентин молча прошел на кухню, откупорил коньяк, придирчиво понюхал. Ну, не французский. Дагестанский бренди. Но запах приятный.

Он налил себе грамм сто и залпом выпил половину.

В голове слегка зашумело.

Так. Надо рассуждать логически.

Персонажи компьютерных игр не могут делать того, что не заложено в программу. Это любой ребенок знает. Если в игре можно стрелять из какого-то ручного оружия (какого, к черту, ручного оружия в космическом симуляторе?), то это было предусмотрено программистами. Но почему-то об этом нигде не было написано.

Верно?

Да, конечно.

У него ведь с самого начала пошли странности. Ему почему-то выдали лишние деньги. Позволили собрать нестандартный корабль. Потом объявили на него охоту. А в довершение всего — позволили уничтожить охотников.

Да это же все звенья одной цепи! Начавшейся с его визита в агентство «Звездный час»!

Возможно, они знали, что он журналист. Нет, не когда он позвонил и пришел, а загодя. И объявление кто-то мог налепить на столб за минуту до их появления. Таких объявлений могли налепить сотни — в тех местах, где он часто бывает. И все в надежде, что он заинтересуется, позвонит, придет...

Зачем?

Как зачем? В рекламных целях! Что лучше служит рекламе, чем скандал в прессе? Только скандал на телевидении. Наивный журналист начинает расследование, подключается к игре. Его ай-пи, конечно, известен заранее. И вот уже с ним в игре начинаются странности, которые должны его убедить...

В чем?

В том, что нарисованный кораблик пилотирует реальный человек?

Он сам?

Что его действительно «скопировали» и отправили в космос воевать невесть с кем?

Да, если итогом станет шумная статья, которую дружно подхватят другие СМИ, если толпы людей кинутся играть в «Старквэйк» — результат обеспечен. Ну а кто сказал, что реклама стоит на месте? Все эти высокие технологии, Интернет, компьютерные игры — они бурно развиваются, ищут всякие нестандартные ходы, используют хитрые методы сбора информации. Он же не удивляется, что стоит поискать себе новое кресло — как начинает сыпаться реклама мебельных фирм. Интернет — это такая отдельная культура, тут все иначе, все необычно... для не очень молодых журналистов.

— Дырку от бублика вы получите, а не рекламу, — злорадно сказал Валентин. Глотнул еще коньяка. — В эту игру мы тоже играть умеем. Вот напишу статью про ваши наивные хитрости, еще и игру обругаю — тут-то попляшете!

На часах был первый час ночи, но спать не хотелось. Валентин плеснул себе еще немного. Мрачно подумал, что это, пожалуй, уже лишнее — но нервы требовали разрядки.

Интересно, а на что бы это было похоже?

Ну, попасть в игру... на самом деле.

Нет, не в игру. В космос. Туда, где космические корабли бороздят просторы галактики. Где суровые пилоты дергают рычаги, направляя свои корабли сквозь астероидные поля к черным дырам...

Он усмехнулся.

Чушь это все. Детская забава. Никому космос не нужен. Ни нам, ни

даже американцам. Всякие там спутники — шпионить друг за другом, дурью телевизионной людей забрасывать — это еще нужно. А настоящий космос, настоящие полеты — они остались только в кино. Если бы не научились на компьютерах рисовать все, что нужно, то Голливуд бы, наверное, профинансировал полеты к другим планетам. Но рисовать научились — так что не нужно даже и Голливуду.

А было бы здорово, если честно. Маленьким мальчиком Валентин хотел стать космонавтом. Он был маленьким в ту пору, когда мальчики еще хотели стать космонавтами, а не банкирами или нефтепромышленниками, а девочки мечтали... о чем мечтали девочки? Бог его знает. Наверное, о том же — стать знаменитыми актрисами. Значит, девочкам проще, их мечты не убили...

Если подумать — то каким бы он был космонавтом?

Не тот маленький Валя по прозвищу Валик, а нынешний — взрослый мужик, умеющий быстро и хлестко накропать что-нибудь на любую тему, от «Россия вымирает!» и до «Внедрение нанотехнологий — залог победы над коррупцией!» Любитель выпить, сторонник недолгих, но ярких отношений с прекрасным полом, в меру ленивый, не в меру циничный, не верящий ни в Бога, ни в Царя, ни в Отечество... Как бы он себя чувствовал в мире, где все взаправду, где жизнь и смерть всегда рядом, где надо снять маску — и стать самим собой?

— Хреновый бы из меня вышел космонавт, — подвел Валентин итог своим размышлениям. — Вам повезло, что все это не всерьез. Я бы всех вас предал и продал. А того космонавта из чужого корабля пинком бы из люка выкинул.

Он отставил бокал и вернулся к ноутбуку. Его «Сильвана» уже вышла на орбиту планеты — и впрямь угольно-черной, будто выжженной.

— Таких планет не бывает, — сказал Валентин тоном старого космического волка и вышел из игры. Закрыв ноутбук, постоял секунду в нерешительности. И добавил: — До завтра...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ, в которой я делаю выбор между глупостью и жестокостью, а потом понимаю разницу между сотворенным и сделанным

За что мы могли быть благодарны напавшему на нас кораблю — так это за заметно освежившуюся атмосферу. В кабине теперь было прохладно, да и гнилостный запах исчез.

— Поднимайся, бандитская рожа, — добродушно сказала Лена, усаживаясь на свое место. Она опять легонько пнула пилота. — Поговорим.

Неподвижное тело зашевелилось, пилот то ли отошел от шока, то ли понял, что притворяться дальше бесполезно. Он присел на корточки, поднял руки, сдирая с головы шлем.

«Бандитская рожа» оказалась совсем еще молодой, не старше двадцати пяти лет, и вполне симпатичной. Светловолосый, голубоглазый, при этом лицо не слащавое, мужественное — в общем, тот типаж, на который девчонки липнут моментально.

А еще «бандитская рожа» был очень обижен.

— Братцы, за что вы меня? — с неподдельной горечью спросил он.

Роман захохотал и снова надел свою маску агрессивного громилы:

— Ты дурака не валяй, понял? Я тебе кадык выгрызу, сопляк!

Угроза, что ни говори, была неожиданная. Парень обернулся, будто искал в нас поддержки. Похоже, не нашел. Но упрямо повторил:

— Я же вас не трогал! Зачем вы в меня стреляли?

— Хочешь сказать, ты стрелять не собирался? — вкрадчиво спросила Лена.

— Нет!

Не вставая, Лена ударила парня ногой по ребрам. И нравоучительно объяснила:

— Находчиво, но глупо. Ты приближался к нашему кораблю вплотную, не включая щитов. Так?

— Так, — пробормотал парень.

— И как ты ухитрился дожить до четвертого... или какой там у тебя уровень... при таком поведении? Дальний сектор космоса, незнакомый корабль — ты отключаешь щиты и подходишь к нему вплотную. А если бы мы разрядили в тебя ТЛ-3000? На таком расстоянии — верная смерть.

— Но у вас же... — начал парень и замолчал.

— Верно, — сказала Лена. — У нас нет оружия. Удивительно, да? Но откуда ты это знал? А я тебе скажу откуда. С Плюшки объявили на нас охоту и сообщили, что мы не вооружены.

Я вспомнил слова Романа, что если пилот проследил наш путь через гиперпространство, то он мог догадаться — кроме двигателя на корабле больше ни на что не осталось места. Но, к счастью, парень об этом не подумал.

Может быть, он очень недолго летал на «Сильване» и забыл, что эта посудина мало на что годится.

— Ну слышал, да! — признал парень. — Знал, что вы не вооружены. Но я не собирался в вас стрелять.

— А что ты собирался делать? — сладким голосом спросила Лена. Похоже, допрос с общего молчаливого согласия был поручен ей.

— Я хотел вас припугнуть. — Парень обвел нас честным взглядом. — Стрельнуть по курсу и велеть выбросить мне контейнер. Я бы его подобрал и вернулся.

— Расскажи это своей мамочке, — фыркнул Мастер.

— Мама на Земле, — как-то очень грустно сказал парень. — Не получится рассказать...

Меня эта фраза ничуть не задела. Но, наверное, надо было прожить здесь несколько лет, успеть оплакать всех тех, кто остался на Земле — родителей, любимых, детей, друзей. И Зяма с Ромой, и Лена как-то слегка сбавили обороты.

Впрочем, Лена все-таки буркнула:

— Ты нас не жалоби, мы сами кого хочешь разжалобим. Еще раз спрашиваю — что ты собирался сделать?

— Припугнуть вас и забрать контейнер, — было ясно, что парень теперь будет до конца держаться своей версии, не важно — правдива она или нет. — За контейнер обещан миллион и повышение в уровне...

— Ого. — Лена покачала головой. — Seriously... Нет, дружок, я тебе все-таки не верю.

— За борт гаденыша, — спокойно сказал Роман. — И не потому, что он бы нас не пожалел. А потому, что врет, гнида!

— Как тебя зовут? — резко спросил Мастер.

— Борис.

Имя парню совершенно не подходило. Но зачем бы ему врать? Разве что по привычке...

— Ты из какого альянса?

— Я не из какого. Я сам по себе.

— Вольный стрелок, значит. А кораблик у тебя хороший... был.

— Повезло, — ответил парень. — Наткнулся на богатый астероид, выпотрошил его...

— Сдается мне, ты не только астероиды потрошил, — снова встрял Роман. — Нет, друзья, я голосую — за борт.

Парень умоляюще посмотрел на Мастера.

— Я пас, — задумчиво сказал тот. — Воздержусь. Мне кажется, он врет, но теперь-то какой от него вред? Года два поработает на шахтах, потом отпустим. Впрочем, как считаете нужным.

— Я, пожалуй, за то, чтобы не убивать, — сказала Лена. И неловко рассмеялась: — Что же я, зря его спасала?

Неужели флюиды смазливой блондина все-таки на нее подействовали? Теперь Борис смотрел на меня.

— Говори, пилот, — сказал Роман. — Мнения разделились, теперь от тебя все зависит.

— Надо же, я получил право голоса. — Я попытался перевести все в шутку.

Но Роман ответил серьезно:

— Да, получил. После того, как придумал пальнуть по нему из ручного оружия.

Борис глянул на меня — мимолетно, тут же отведя взгляд.

Но то, что я увидел в его глазах за эти доли секунды, мне не понравилось. Очень.

— Мне кажется, он врет, — сказал я. — Он бы нас расстрелял.

— Молодец, — одобрительно сказал Роман.

— И вообще, я ему не очень доверяю, — продолжил я. — Очень уж недоволен он на меня сейчас глянул.

Роман засмеялся.

Борис возмущенно воскликнул:

— А как я должен был на вас смотреть? Знаете, как тяжело мне этот корабль дался? А вы его взорвали!

— Но ведь иначе мог взорваться мой корабль, — вкрадчиво сказал я.

Борис замолчал.

И все-таки сейчас он говорил искренне. Он любил свой корабль...

— Ну? — спросил Мастер.

Я вздохнул:

— Пусть на шахтах поработает. Я... не могу я так. Пусть бы он пальнул разок — тогда...

— Тогда бы мы были мертвы, — сказал Роман. — Добрый ты. Обычно это хорошо. Но бывает такая доброта, которая хуже глупости.

— Я тут меньше суток, — ответил я. — Ты, наверное, прав, Роман. Вам виднее, как вы тут живете... Только вас всего пятнадцать тысяч — и вы еще друг друга убиваете. Может быть, иначе нельзя. Может быть. Но я не могу. Пока — не могу. Пусть живет. Даже если он хотел нас убить... есть же разница между «хотел» и «убил»?

Роман махнул рукой. Раздраженно сказал:

— Хорошо. Повезло тебе, Боря... Какое, кстати, у тебя погоняло?

— Прозвище? — невинно уточнил Боря.

— Да.

Парень секунду колебался, будто выбирая между приятной ему правдой и безопасной ложью. Потом сказал:

— Бледный Лис.

— Доброе прозвище, — насмешливо сказал Роман.

— Вы не думайте, это не от поведения! — возмутился Борис. — Это по фамилии — Лисовский. И потому, что блондин.

— Ну-ну, — сказал Роман. — Лена, будь добра, юноша к тебе ближе... Свяжи-ка ему ручонки за спиной. Найдешь чем?

— Найду, — кивнула Лена.

Через три часа, когда мы начинали входить в атмосферу Нигредо, в кабине опять была парная. Климат-контроль упорно отказывался обслуживать пятерых пассажиров. Мастер соорудил из сложенных бумажных листков веер и старательно меня обмахивал. Лена, периодически подаваясь вперед, вытирала с моего лба пот.

Это было очень трогательно, но при сорока градусах помогало мало.

— Что там, на планете? — спросил я. — Как погода?

— Нормальная погода, — мечтательно сказал Зяма. — От минус двадцати зимой и до плюс пяти летом. Сейчас, пожалуй, около нуля...

— Почему она такая черная?

— Не поверишь, — пробормотал Мастер.

— А ты меня убеди...

— Это снег.

— Да ну!

— Он не шутит, — подал голос Роман. — На планете вся вода черная. И снег соответственно тоже.

— Как это могло получиться? Какие-то примеси?

— На том уровне исследований, что я смог провести — ничего

особенного. Может быть, примеси. А может быть, различие на физическом уровне.

— Физик, а не можешь выяснить, — поддел его Зяма.

— Я не оптик. Я занимался математической физикой. Потом — искусственным интеллектом. Ты же не просишь гинеколога вылечить тебе насморк?

— Ладно, ладно. Не будем отвлекать пилота, — пошел на попятную Зиновий. — Главное, что эту воду можно пить. Ни кожу, ни даже мочу она не окрашивает. Катран, давай соберись. Пока все идет на автопилоте, и корабль снизится сам. Но вот с посадкой сложнее...

— Почему? — насторожился я.

— У нас тут тайная база, как ты понимаешь. Если бы мы поставили нормальное оборудование на посадочную площадку, никакой секретности бы не получилось — маяки орали бы на всю систему. Так что мы снизимся до километровой высоты... а дальше будешь рулить.

— Да вы с ума сошли, — сказал я.

— Выхода нет, Катран. — Зиновий рассмеялся. — Так сложилось...

Как ни странно, но это оказалось проще, чем я думал. Программу спуска я задал все через тот же навигационный пульт — несколько раз обводил на вращающемся «глобусе» планеты тот район, который указал Мастер. Когда карта достаточно укрупнилась — ткнул в указанное место.

И все. Корабль начал разворачиваться. Несколько раз включались двигатели, подтормаживая нас на орбите. Когда мы снизились до верхних слоев атмосферы, вокруг «Сильваны» возникло оранжевое свечение — горел воздух. Но до тех красочных описаний, что я привык слышать от космонавтов, до всех этих «доменных печей», «топок» и «чистилища» происходящему было далеко. Временами нас потряхивало, но перегрузку, похоже, снимала искусственная гравитация корабля.

Черная поверхность планеты приближалась. Одновременно мы входили в ночь — солнце уползло за горизонт, вокруг темнело, вокруг проступали звезды.

— Садиться будем в полной темноте, — тревожно сказала Лена. — Может, стоило подождать виток-другой?

— У нас терморегуляция считай что сдохла, — ответил Мастер. — Увы...

— Там хоть какие-то посадочные огни будут? — спросил я.

Мастер посмотрел на карту, на приборную доску.

— Будут. Когда корабль приближается к космодрому, навигационные системы включаются автоматически. Если это враги, то прятаться все равно

уже бесполезно...

Навигационные огни включились через три минуты. Две белые световые полосы выметнулись от самого горизонта, уперлись в небо. Мы летели ощутимо выше и левее.

— Ты должен вести корабль между лазерными лучами. — Мастер ткнул меня в плечо. — Все очень просто, как в самолете.

— Я не водил самолет!

— Ну в игрушки хоть играл? В авиасимуляторы?

— Нет!

— Штурвал на себя — вверх. Штурвал от себя — вниз. Влево-вправо — поворот. Давай легонечко смещайся вправо... у нас пока есть запас высоты.

В кромешной тьме — если не считать сверкающие в чистом небе звезды, мы приближались к световым полосам. Роман, подавшись вперед, внимательно следил за моими действиями.

— Ты лучше не бойся. Это не лазеры, они не опасны. Представь, что это дорога, а белые лучи — поребрики...

— Сдается мне, Рома, что ты из Питера, — сказал я, цепляясь за джойстик.

— Почему так? — удивился Роман.

Лена хихикнула. Сказала:

— У нас, москвичей, нет привычки отвлекать водителя на маршруте.

— Тьфу, — до него дошло. — Хорошо, назовем эти лучи бордюрами. Только не гробанись!

Вывести корабль между лучей оказалось несложно. Гораздо труднее было удержать высоту, которую они задавали. Мы то оставляли их внизу, то ныряли слишком низко.

— В крайнем случае можешь включать двигатели, — сказал Мастер. — Но не слишком часто. В атмосфере сопла быстро прогорают.

— А где приземляться?

— Мимо земли не промахнешься, не бойся, — ободрил Мастер.

— Там будет подсветка полосы, — сказала Лена. — Если это стандартный комплект, конечно...

Подсветка была. Мы снижались все ниже — и впереди, там, где начинались световые лучи, появилось синее свечение. Длинная, несколько километров, полоса — черная, призрачная. Ждущая. Оптимизма она не прибавляла, наоборот — напоминала, что решающий момент приближается.

— Знаешь, что главное в посадке? — спросил Мастер.

Я искоса глянул на него.

Удивительно. То ли он совсем не боялся смерти, то ли был уверен, что я справлюсь.

— Знаю. Последний дюйм.

Зиновий засмеялся.

— Ага, помню такое кино... Нет, не последний дюйм. Это крепкая скорлупка. Главное, почувствовать ветер. У самой земли бывают резкие порывы... если тебя швырнет на крыло — вот это опасно. Что будешь делать, если начнешь заваливаться?

— Потяну джойстик.

— Куда?

Я подумал секунду.

— В сторону заваливания?

— Нет. Это тебе не занос. В противоположную. И чуть-чуть даешь тягу.

К счастью, это не понадобилось.

С грацией беременного пингвина наша «Сильвана» приблизилась к земле и, чуть не долетев до прожекторов, испускающих в небо белые лучи света, плюхнулась на снег. Синяя полоса заскользила перед нами, я, не задумываясь, слегка надавил педаль «тормоза» — и тут же отпустил, поскольку Мастер рывкнул:

— Ногу с педали, кретин!

Вцепившись в джойстик, я попытался рулить. «Сильвана» постепенно замедлялась.

— Двигатели плавят лед перед нами, — выкрикнул Мастер. — Во-первых, можешь скапотировать. Во-вторых — по плавленому льду резко увеличивается пробег!

— Сам виноват, надо было предупредить! — огрызнулся я.

К счастью, моя ошибка ни к чему трагическому не привела. Корабль остановился.

— Черт побери, мы дома, — сказал Роман, ни к кому не обращаясь. — Получилось!

— И что теперь? — спросила Лена. — Вы нас отпускаете?

— Мы играем честно, — торжественно сказал Зяма. — А что, вы собираетесь лететь обратно прямо сейчас?

— Каким образом? Нам надо заправиться. И хорошо бы привести кондиционер в порядок.

— Тогда пошли, — решил Мастер. — Будете нашими гостями. Накормим, напоим, спать уложим. Наши техники посмотрят эту

колымагу... надеюсь, она еще способна летать... Катран, открывай дверь.

Я уже запомнил, какой кнопкой это делалось. Открыл — и в кабину ворвался холодный чистый воздух.

— О, блин, простуда гарантирована! — воскликнул Роман.

Снаружи было темно — только призрачный голубой свет подсвечивал снег. Снег действительно был черным — ветер бросил в кабину несколько снежинок — я поймал одну на ладонь и убедился, что все без обмана. Вначале на ладони лежало ажурное черное кружево, а через мгновение — черная капля. Не мутно-серая, как грязная вода, абсолютно черная, как капля чернил.

— Веселая планета, — ежась, пробормотал я.

— Нас устраивает, — выталкивая из кабины Бледного Лиса Борю, сказал Роман. — Здесь есть и свои преимущества...

Один за другим мы выбрались из корабля. Снег был плотным, он хрустел под ногами, но держал. Вокруг простиралась черная равнина, накрытая черным небом с искрами звезд. Фантастическое ощущение, нереальное, будто во сне!

— О, слышите! — весело воскликнул Мастер. — Едут!

К нам приближался тархтящий звук. Мелькнули лучики фар — и к кораблю выехали аэросани. Здоровенные, с хороший грузовик размером, с большой кабиной впереди и грузовой платформой сзади, на длинных стальных полозьях. Над санями, в решетчатом коробе, вращался двухметрового диаметра винт. Аэросани производили впечатление кустарного, но крепко сработанного агрегата.

Не доезжая до нас метров двадцать, аэросани остановились — очень резко, похоже, лопасти воздушного винта повернулись и принялись тормозить машину. Дверь кабины открылась, оттуда высунулся человек в чем-то вроде ватника и шапке-ушанке с незавязанными веревочками. В одной руке у него была металлическая бандура, явно имевшая отношение к оружию. На ногах — я не поверил своим глазам — валенки!

В общем, человек был готов сниматься в любом американском фильме, где фигурировали русские в космосе. Не хватало разве что бутылки водки, заткнутой за пояс.

— Мастер, неужели ты? — завопил человек. — Роман, твою налево, и ты? А что за перцы с вами?

— Привет, Орда! — закричал в ответ Роман. — Мы, мы! Или ослеп?

— Вы на чем прилетели? — спрыгивая с саней в снег, воскликнул Орда. — Глазам не верю!

На ходу он засунул руку за пазуху и достал...

Ну вот теперь любой голливудский режиссер взял бы его на роль русского космонавта без колебаний. Тем более что Орда был явным татаринoм — смуглым, скуластым, узкоглазым.

— За встречу! — обнимаясь с Романом и Зямой, провозгласил Орда. Бутылка пошла по рукам. Отхлебнув, Мастер протянул бутылку и мне — словно обозначая дружеский статус.

На вкус это была либо плохая водка, либо хорошо очищенный самогон. Но после резкого перехода из душной кабины, откуда до сих пор валил пар наших разгоряченных тел, в холодную снежную ночь Нигредо — это был уместный напиток.

Хотя, если честно, чашка горячего чая порадовала бы меня куда больше...

Отхлебнув, я передал бутылку Лене. Та тоже сделала глоток — и вернула бутылку Орде.

— Ага! — глядя на Бледного Лиса, стоящего с заложенными за спину (и крепко связанными) руками, сказал тот. — А блондинчик не удостоен?

— Нет, — твердо сказал Роман. — Он нас едва не сжег при подлете. Даже не спрашивай, как отбились... все равно не поверишь.

— Может, прокатим его до базы в кузове? — предложил татарин.

— Нам что, работники на шахты уже не нужны?

— И то верно, — пряча бутылку, сказал Орда. — Так, забирайтесь, живо!

— Помогите вначале контейнер вытащить, — сказал Мастер. — Там, в кабине.

У татарина округлились глаза.

— Чего? Серьезно? Вы привезли?

— Конечно. — Мастер пожал плечами. — Мы слов на ветер не бросаем.

— Ай, молодцы... — Орда хлопнул руками по бокам. — Ну и дела... Пошли... Мастер, а Костя-то где?

— Костя мертв, — сухо ответил Мастер. — Он тоже там... в корабле.

— Кто его? — В голосе Орды слышалось явное сочувствие. — Какая падла?

— Не заводишь. Честная была дуэль. Костик сам виноват.

— Ты? — Орда сразу понял направление его мысли и ткнул в меня пальцем. — Ты Игоря шлепнул?

— Уймись, Анвар, это я его застрелила, — пробормотала Лена.

— Ты меня откуда знаешь? — насторожился Орда. Всмотрелся в нее. — Ты... Ленка! Водила!

В его голосе послышалась растерянность. Видимо, их отношения были сложными. Не враждебными, а именно сложными.

— Да, это я. Ну, что делать будем?

Орда махнул рукой:

— Ай, кто старое помянет... Иди в тепло, мы принесем... все.

Кабина аэросаней оказалась на удивление просторной. Может быть, потому, что здесь царил минимализм военного транспорта — одно лишь водительское кресло, похоже, снятое с какого-то корабля и снабженное привязными ремнями, выглядело прилично. Все остальное — сплошная кустарщина: холодные, некрашенные стальные стены; вмазанные в оконные проемы грубой, похожей на смолу замазкой, стекла; узкие лавочки из железных труб; висевший на стене решетчатый короб, в котором светились раскаленные докрасна спирали калорифера.

Мы уселись позади — я, Ленка, Бледный Лис. Ленка поерзала, устраиваясь поудобнее, потом сказала:

— Задница — она сразу разницу чует между сотворенным и сделанным...

— Это ты о чем?

— Корабли штампует Плюшка. И большую часть вещей делает там же автоматика. Это все немного чужое, не всегда то, что нужно, но удобное. А эти сани делали здесь. Из чего придется. Они, конечно, не очень комфортные, да и дизайнер рядом даже не ночевал. Но это то, что здесь нужно. Это сделано. Руками. Ты когда присмотришься, то сразу будешь понимать — где сотворенное, а где сделанное.

— Чего тут понимать, — буркнул наш пленник. — Сотворенное лучше.

— О да! — легко согласилась Лена. — Конечно! Вот только кондиционер в «Сильване» сразу сдох, когда мы туда вчетвером забрались. И так со всем — ты всегда знаешь, что можно из сотворенного выжать, а что нельзя. А то, что делают руками, всегда имеет запас.

— Ну и что с того? — спросил Бледный Лис.

— Хотя бы то, — усмехнулась Лена, — что некоторых самоуверенных сопляков в дорогих кораблях подбивают из ручного плазмомета, высунув его в люк.

Парень промолчал, только обиженного засопел.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ, в которой я знакомлюсь с бытом жителей Нигредо

Вряд ли наш путь длился дольше получаса. В кабине было темно, только несколько приборов тускло светились на приборной доске, да за спиной, в калорифере, багрово тлели спирали. Лучи света от фар скользили по черному, искрящемуся снегу. Нас мотало из стороны в сторону — сразу стало ясно, зачем к стенам прикручены крепкие ременные петли.

Но несмотря на гул, тряску, подпекающий спину жар — и мерзнущие на стальном полу ноги, я ухитрился задремать. И проснулся от того, что шум стих, а сани неподвижны.

Оказывается, во сне я завалился на Лену и она все это время безропотно держала мою голову на коленях.

— Извини, — пробормотал я, выпрямляясь. — Это не было этим... как его... домогательством.

— Догадываюсь, — фыркнула Лена. — Храпящий мужчина может домогаться только до подушки.

— Я храпел? — поразился я. В моем представлении храп всегда был уделом толстяков и много пьющих.

— Пошли, — подтолкнула меня Лена. — Потом обсудим...

Из аэросаней уже вышли все, даже Бледного Лиса вывели и драгоценный контейнер выгрузили. Вышли и мы.

Сани стояли в пещере. Просторной — в ней стояло три таких транспорта и место еще оставалось. К неровному каменному своду были подвешены лампочки. Кабели шли прямо по стене, небрежно прихваченные стальными крюками. От внешнего мира пещеру отделяли раздвижные металлические ворота. Неплотные — в щели между створками задувал мелкий снежок.

— Просто тут у вас, — сказал я, оглядываясь. — Прямо база повстанцев на этом... как его... ну, в «Звездных войнах»...

— Хот, — сказал Роман, — Ледяную планету из пятого фильма называли Хот. Но у нас тут нет никаких снежных монстров и ездовых ящеров. Нигредо абсолютно безжизненна.

— Да и мы не повстанцы, — вставил Мастер. — Мы просто расходимся с администрацией Плюшки... по некоторым вопросам.

Кроме них в пещере было еще несколько человек — все мужчины. На нас особого внимания не обращали. Бледного Лиса увели, развязав ему,

после бурных протестов, связанные за спиной руки. Тело Кости унесли. Контейнер с его таинственным содержимым — тоже.

— Ремонтная бригада выедет к «Сильване» завтра, — сказал Роман. — Начинается буран, в такую погоду мы из базы не высовываемся. Но повторяюсь — вы наши гости и вы в полной безопасности.

— Кстати, если по здравом размышлении решите присоединиться — велкам! — добавил Мастер.

— Нет уж, — твердо сказала Лена. — Мне нужны мои денежки и я с Катраном возвращаюсь.

— Вас могут и шлепнуть по дороге, — напомнил Роман. — Впрочем, вам решать... Что сейчас хотите? Прогуляться по базе? Всего вам не покажем, извините, но немножко побродить можете. С сопровождающим, конечно.

— Лично я хочу есть и спать, — буркнула Лена. — И... черт возьми, здесь же можно курить?

— Конечно, — поморщился Роман.

Лена достала сигареты и с наслаждением закурила. Я тоже извлек свою пачку — мятую и отсыревшую. Но сигареты были целы.

— Можно? — спросил Мастер.

Я уже понял, что табак здесь надо экономить. Но отказывать не стал. Угостил его — и, поймав взгляд, Орду. Больше претендентов на курево не было.

— Я курил когда-то, — мрачно сказал Роман. — Не хочу втягиваться снова — табак в дефиците.

Видимо, этим принципом и руководствовалось большинство местных.

— Много вас тут? — спросил я. — Если не секрет, конечно?

— Около двухсот человек, — колебавшись, ответил Мастер. — Какого черта, на Плюшке все равно знают...

— Мужики, а что вы с ними не поделили?

— О, сейчас начнется... — протянула Лена. — Катран, я тебе объясню сама в двух словах. Те, кто здесь собрался, считают наш мир иллюзией, компьютерным мороком, виртуальной реальностью. А те, кто базируется на Плюшке, верят, что все это всерьез.

— Это я и так понял. Но вот, скажем, атеисты и верующие на Земле тоже во взглядах на мир не сходятся, но не враждуют же...

— Ха! Еще как... — Мастер засмеялся. — Но у нас другая ситуация. Мы считаем, что виртуальность мира можно доказать. Более того — выйти из виртуальности.

— И та бандура, что вы привезли с Плюшки...

— Правильно. Служит именно для этой проверки.

— А детали я вам предложу выслушать попозже, — вступил в разговор Роман. — Завтра у нас общее собрание, на нем все будет подробно изложено.

— Упертые. — Лена докурила и втоптала окурок в снег. — Да что вы уперлись — в космосе мы, в компьютере, какая разница... Для меня если все выглядит настоящим, то оно и есть настоящее. Жрать дадите?

— Пошли, — кивнул Мастер.

Из пещеры-гаража имелось несколько выходов. Судя по всему, это была сеть естественных пещер, может быть, самым минимальным образом подвергшихся человеческому вмешательству — где-то расширили проходы, где-то спрямили, где-то пол выровняли. Мы прошли коридором (холодный камень, иногда покрытый корочкой льда, редкие тусклые лампы), вышли в еще одну, большую пещеру.

Похоже, это и было основное обиталище Ищущих.

— Вот наш центральный проспект! — торжественно сказал Мастер. Туннель выходил в пещеру где-то в метре от уровня пола, позволяя разглядеть ее во всей красе.

Минимализм человеческого муравейника потрясал. В самой высокой точке свода — метрах в десяти от пола висела метровая стеклянная сфера. Она тускло светилась, создавая вечерний сумрак. Все пространство пещеры было разгорожено невысокими, метра два, может быть, чуть больше, серыми пластиковыми стенками. Центральный «проспект» проходил через всю пещеру, от него расходились налево-направо узкие «улучки». Пространство между улочками и составляли маленькие... дома? Да нет, не дома. Комнатушки. Жилые ячейки. Одна дверь, выходящая наружу. Никаких окон. И никакого потолка.

Приватность общежития была совершенно символической. Ну, разве что жители не видели друг друга.

У начала «проспекта» стоял маленький стол, перед ним, в кресле, сидел пожилой мужчина. Лет шестидесяти, лысеющий, но с пышными усами, в мятом сером свитере и с замотанным шарфом горлом. Да уж... температура была градусов десять, не выше. Ноги мужчины были накрыты пледом — и я почему-то сразу понял, что он не может ходить.

— Привет, Палыч! — окликнул его Мастер.

— Привет, Зяма, — отозвался тот, с любопытством глядя на нас. — Как вернулись?

— Нормально вернулись. Только Костя... — Мастер не закончил.

— Печально, — без особого горя отозвался Палыч. — А это

новенькие?

— Ну, не знаю, станут ли они в наши ряды. — Мастер пожал плечами. — Но пока они наши гости. Есть свободные комнаты?

— Негусто. — Палыч стал ворошить лежащие на столе бумаги. — Все съезжаются на базу...

— Ты уж постарайся, — кисло сказал Мастер. — А то мне придется отдавать им свою нору, а хотелось бы выспаться...

— Одну найду, — смилостивился Палыч. — Даже с широкой кроватью.

— Спасибо. И покушать бы ребятам. Да и я не откажусь.

— Попрошу им принести двойной паек, — кивнул Палыч.

— На каждого двойной, — мрачно сказала Лена.

Палыч внимательно ее осмотрел и кивнул, выдвигая ящик стола, заполненный бумажными бланками и карточками:

— Ладно, двойной... Держите. Ключ...

Ключ был электронным — пластиковая карточка размером с визитку. Наверное, это было проще, чем делать механический замок.

— ...Талоны на душ...

Талоны на душ оказались двумя бумажками с печатью, на каждой из которых Палыч расписался и проставил в графу «время» — «5 мин», а в графу «температура» — «горяч».

— ...Талоны на завтрак. Ужин принесут так. Утром пойдете завтракать вон туда. — Он махнул рукой. — Завтрак с семи до девяти утра.

— Чувствую себя командировочным в провинциальной гостинице... — сказал я.

— Наслаждайся комфортом, пока можно, — усмехнулся Палыч.

— Где душ и сортир? — спросила Лена.

— Там, — еще один взмах руки.

— Где можно выпить?

— Алкоголизм особенно опасен для женщин! — наставительно сказал Палыч.

— Дед, не гунди, — устало сказала Лена. — Мы такой путь проделали, что нам сейчас выпивка — как лекарство. На «Сильване» с Плюшки — в ваш гадючник. И еще по пути «Берсерк» сожгли.

— Ври, да не завирайся, — поморщился Палыч.

— Она не врет, — сказал Мастер. — Она лично и сбила, из ручного плазмомета. Мы разгерметизировали кабину и вклеили в иллюминатор «Берсерка» заряд плазмы.

— Мать моя! — Палыч картинно вытаращил глаза. — Зяма, если ты

гонишь...

— Я же сто раз просил не звать меня Зямой! — внезапно сорвался Мастер. — Зиновий, если угодно!

— Ладно. — Палыч примиряюще поднял руки. — Извини. Сам знаешь, тебя так все за глаза... Кхм. Ладно, вот вам талоны на выпивку...

— Им в комнату пусть принесут, — забирая талоны себе, сказал Мастер. — Не надо им сейчас в бар.

— Хозяин — барин. — Палыч пожал плечами. — Сделаем.

— Где наша комната-то? — спросила Лена.

— А? Я не сказал? — Палыч снова заглянул в свой список. — Второй поворот направо, четвертая дверь. Номер два-два-четыре. И поспешите, через четверть часа включится ночь. — Он ткнул пальцем в тускло светящийся потолочный шар.

— Спасибо. — Лена сгребла ключ и кивнула мне. — Пошли, Катран! А то от нас уже потом разит за версту.

В некотором замешательстве я последовал за ней. Способность Лены адаптироваться к любым ситуациям вызывала уважение и легкую зависть.

По «проспекту» мы прошли к противоположному краю пещеры — где и обнаружили душевую — тоже отгороженную невысокой стеночкой. Над стенкой вразнобой торчали трубы, покрашенные в синий и красный цвет.

— Дизайн а-ля «совок», — презрительно сказала Лена. — Я как-то в Харькове мылась в бане при танковом заводе...

— Танковым?

— Ну, тракторном, танковом... не важно. Ага, вот и властелин воды.

Эту, очевидно ответственную, должность занимал старикан, напоминающий Палыча — только с ногами у него все было в порядке. Бдительно изучив наши талоны, он буркнул:

— Припозднились... сиди тут из-за вас...

— Мы только прилетели, — отрезала Лена.

Старик словно бы даже не опознал в нас чужаков. Покряхтывая, он провел нас в душевую — небольшое помещение, где у одной стены было пять душевых рожков, у другой почему-то шесть. Покряхтывая дед отпер большой железный ящик, выдал нам по большому сероватому полотенцу, один кусок мыла, флакон с жидкостью, очевидно, изображающей шампунь, и мятый тюбик, о содержимом которого счел нужным сообщить:

— Крем от грибка. Как помоеетесь, намажьте ноги... Какие рожки вам открыть?

— Где напор получше.

— Первый и второй, значит... — Дед извлек из кармана гаечный ключ,

открутил на двух красных и двух синих трубах вентили со снятыми головками. Поташился к выходу, прикрыл за собой дверь и уже из-за стены сказал: — Время пошло!

Лена стала расстегивать комбинезон.

— Так и будем мыться? — неловко спросил я. — Может, по очереди?

— Катран, мы не в детском саду. Не валяй дурака, — выныривая из своего балахона, сказала Лена.

Собственно говоря... Я пожал плечами и стал быстро раздеваться, искоса поглядывая на Лену.

Она была неожиданно загорелой. Причем загорала, очевидно, голышом. Солярии какие-нибудь, или есть планеты погостеприимнее Нигредо?

— Вроде еще ничего, — окинув себя придирчивым взглядом, сказала Лена. — А? Грудь не обвисла, попа не целлюлитная?

— Очень неплохо, — в тон ей ответил я. — Скажи, а что у вас считается приставанием?

Лена усмехнулась и, скомкав в руке трусики и лифчик, стала откручивать краны.

— Ты лучше усвой, что у нас считается предложением...

— Это я уже усвоил, — делая к ней шаг, сказал я. — И знаешь... дьявол!

Из душевой лейки хлынула черная жидкость.

Лена с визгом выскочила из струи.

За стенкой довольно захихикал дед-банщик.

— Да что ж такое! — глядя на черный поток, воскликнула Лена. — Она и впрямь черная!

— Не бойсь, не пачкается! — сообщил дед.

— А ты заткнись, жертва Альцгеймера! — выкрикнула Лена. — Предупреждать надо!

Дед захихикал еще радостнее.

— Давай мыться, делать нечего, — сказала Лена. Ее шаловливое настроение пропало — как и мое, когда я осознал, что каждый звук из душевой прекрасно слышен старику.

А может, и не только ему.

— Никаких условий для личной жизни, — намыливая голову, сказал я. — Черт, это что же такое, поленились перегородки повыше сделать...

— Да уж, не Плюшка! — рассудительно сказала Лена. — А мне плевать, если честно.

По примеру Лены я выстирал трусы и футболку под струями черной

воды. Времени хватило, мы даже смогли просто постоять под водой, изучающее разглядывая друг друга. Первой начала улыбаться Лена, потом я.

В конце концов, люди занимаются сексом и прилюдно. Наверное, для этого надо быть слегка эксгибиционистом, но в военно-полевых условиях...

— Выключайте воду, время вышло! — крикнул из-за стены дед. — Через минуту зайду!

— Хрен тебе, а не стриптиз, старый пакостник, — злорадно сказала Лена, быстро вытираясь. Я снова последовал ее примеру, вытерся и надел джинсы и рубашку на голое тело.

Провожаемые старательно маскируемым под кашель хихиканьем, мы с Леной прошли мимо старика и довольно легко нашли отведенную нам комнату.

Да, невелики были палаты. Кровать (широкая, тут Палыч не соврал), перед ней длинный и узкий стол. На столе — лампа в матовом белом абажуре и два подносы. На стене крючки для одежды и пустая полочка.

— Кошмар, — глядя на подносы, сказала Лена.

Еда выглядела странно.

Какой-то напиток в стеклянном стакане. Черный, разумеется. На тарелке — горка чего-то вроде картофельного пюре, багрово-черные помидорины, кусок черного, будто пережаренного до состояния угля, мяса. Хлеб — тоже черный, хотя по воздушности и пористости походил на белый. Суп — черный, с плавающей сверху черной же гренкой. Бутылка — очевидно, алкоголь. Также черный.

— Пищевой синтезатор использует местную воду, — сказала Лена вполголоса. — И, похоже, она при этом цвет не меняет.

— А я когда вербовался, иронизировал, могу ли стать негром, — вспомнил я. — А вдруг?

— Я тогда им кое-что откручу, — пригрозила Лена. — Ничего не имею против черной кожи, но мне моя дорога как память о мамочке...

Она подцепила вилкой кусок помидорины, закрыла глаза и отправила в рот. Прожевала. Вынесла вердикт:

— Обычный помидор. Точь-в-точь как на Плюшке.

— Надо есть в темноте, — сказал я.

— А ты прав, — легко согласилась Лена. И стала расстегивать свой комбинезон. — У меня есть мысль, как скоротать время...

Меня упрашивать не пришлось. Человек странно устроен... можно безумно хотеть спать. Можно быть голодным до чертиков. Но

привлекательная женщина все-таки изменит приоритеты...

Несколько секунд мы стояли у кровати, целуясь. Потом я мягко толкнул Лену на кровать — и опустился следом. Ее глаза на миг затуманились, когда я вошел в нее, пальцы сжались на моих плечах.

— Только дождись меня, ладно? — прошептала она мне в ухо.

— Не беспокойся, я буду неспешен как коала... — ответил я.

Ну, на неспешного австралийского медвежонка я все-таки не тянул. Ленка мне нравилась, да и в постели она не ленилась. Минут пять мы ласкали друг друга, потом светящийся шар под сводом пещеры померк — лишь едва-едва светился призрачным синим светом. В тот же миг Лена выгнулась подо мной, кусая губы, сдавила в горле крик — и я прошептал:

— Не сдерживайся... ну их... пусть завидуют...

Лена словно ждала моего разрешения — застонала, ее пальцы пробежали по моей спине, впились в ягодицы, она изо всех сил прижимала меня к себе, хотя я еще пытался двигаться. Не сдержался и я — издал сдавленный рычащий стон.

Где-то невдалеке за стенками комнатушек кто-то насмешливо зааплодировал.

Но нам это ничуть не испортило настроения.

Мы лежали, прижимаясь друг к другу, я водил в почти непроглядной темноте ладонями по ее телу, всматривался в поблескивающие глаза — единственное, что было отчетливо видно.

— Я тебе нравлюсь или... просто так? — спросила Лена.

И я почему-то понял, что надо отвечать совершенно честно.

— Нравишься. Но, наверное, и «просто так» тоже. Хочется... тепла.

Она крепко обняла меня. Пробормотала:

— У меня плечи мужицкие, широкие... Это потому что плаванием в юности много занималась, дура... А может, потому, что все время за рулем...

— Ничего, это тебя не портит. Главное, что все, что ниже плеч, очень женское.

Лена фыркнула.

— А ты ничего... Мой... ну, он какой-то тюфяк был. Выпить, пожрать, на диване поваляться... только в постели спринтер... Я думала, все журналисты... Извини. Тебе неприятно?

— Да нет, ничего.

— У тебя кто-то есть на Земле?

— В смысле — подруга? Есть.

— Не жена?

— Нет. Мы... как-то поняли, что нам брак не нужен.

— Даже странно... исправный мужик и на свободе... — Она тихо засмеялась. — Может, та я, что на Земле, тебя однажды найдет.

— Дай им Бог удачи, — согласился я. — Только мне кажется, тот я — не очень приятный тип. Ленивый циник...

— Может, но тогда ты быстро изменился. И в лучшую сторону... — Ее губы нашли мои. Через минуту она спросила: — Есть сильно хочешь?

— Могу чуть-чуть потерпеть.

— Ну тогда...

В этот раз никто насмешливо аплодировать не стал.

Потом мы все-таки поели — в темноте это и впрямь было проще. И даже откупорили бутылку со спиртным, хотя стресс уже был снят самым естественным способом.

Напиток был странный — горьковато-кислый ликер, к тому же слегка газированный.

— Любимое мужское развлечение на Плюшке — изобретать собственные напитки. С Земли иногда подбрасывают спиртное, но его мало. А синтезаторы выдают лишь чистый спирт. Вот и химичат... смешивают с пряностями, разводят, перегоняют, настаивают, вымораживают...

— Вымораживают?

— Да. Хит прошлого сезона — коктейль «Поцелуй космоса». Емкость с какой-то настойкой на мгновение помещали в вакуум. Жидкость частично вскипала, испарялась, частично замерзала. Получалось... странно так получалось.

— У вас тут все странно, — прошептал я.

— Жалеешь, что сюда попал?

— Если удастся вернуться — то нет. Буду первым журналистом, побывавшим на другой планете.

— Или в недрах компьютера, — фыркнула Лена.

Я погладил ее по спине. Кожа была теплая, живая.

— Нет, — сказал я. — Не верю.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ, которой Валентин ищет товарищей по несчастью

Готовить не хотелось. Даже яичницу — холостяцкую радость. Валентин намазал маслом два куска хлеба, на один положил кусок вареной колбасы, на другой ломоть сыра. Заварил зеленого чая — привычка пить его по утрам было единственным, к чему его приучила одна давняя подруга...

Кстати, о подругах...

Он потер лоб. Присел за стол.

Вроде как уже не мальчик. И жизнь ведет не аскетическую.

Так с чего ему вдруг приснился эротический сон, достойный прыщавого подростка? Морфей ошибся, наслал на него фантазии восьмиклассника из другого подъезда? Или так подействовала случайно подсмотренная вечером сценка в соседнем доме?

Во сне он флиртовал с женщиной — симпатичной, хотя и не в его вкусе. Не слишком молодой, физически крепкой, коротко стриженной... Вначале они мылись вместе в душе — причем, как и положено безумной стране сна, в какой-то момент из труб потекла черная как смоль вода. Потом они занимались сексом — вроде бы в уединении, но не оставляло ощущение, что за каждым их движением следят, каждый вздох слышат...

В принципе такие вещи для снов вполне естественны. Какой-нибудь доморощенный толкователь сновидений живо разложил бы все по полочкам.

Флирт в душе? Ясное дело, сексуальная регрессия, прохождение стадии подглядывания, наблюдения. Черная вода? Страх перед сексуальным актом, эякуляцией. Короткая стрижка и физическая крепость женщины? Латентный гомосексуализм, ясен перец! Ну и секс «под наблюдением» — неуверенность в себе, страх оказаться несоответствующим требованиям партнерши, опозориться...

— Всех любителей толковать сновидения надо ссылатъ на лесоповал, — мрачно сказал Валентин. — Пусть валят высокие деревья, совершая тем самым символическую кастрацию...

Он сжевал бутерброды, выпил чай — тот перестоял и горчил.

Что ж, пора в полет...

Пока ноутбук загружался — почему-то чем мощнее и современнее компьютеры, чем новее версия «Виндоус», тем дольше длится этот

процесс, Валентин успел покурить. Потом, скептически улыбаясь, вошел на сайт, ввел логин и пароль.

Где там его несчастная «Сильвана»?

Так и висит в пространстве, брошенная и одинокая?

Или пронзила насквозь систему и удаляется в мрачные глубины космоса?

А то, быть может, прилетел кто-то более удачливый — и расстрелял его лишенный капитана корабль?

«Сильвана» нашлась на поверхности Нигредо.

— Вот те на... — Валентин почувствовал неожиданное раздражение, будто самовольная посадка корабля была неслыханным предательством. — Бунт на корабле? Что мы тут забыли?

Он защелкал мышкой, пытаясь отдать кораблю команду на взлет.

Увы!

«Корабль на техобслуживании. Расчетное время готовности к старту — неизвестно».

— Издеваются, — решил Валентин. Дернулся было вообще закрыть окно и отправиться куда-нибудь на новостные сайты. Но передумал.

А что там в новостях со станции?

Новости не радовали.

Его корабль по-прежнему был в розыске. Добавилась только информация о том, что «возможно, корабль был захвачен экстремистами вместе с новичком Катраном и Ленкой-Водилой из клана Сайлент Стар».

— Ну да, они и приземлились на Нигредо, пока я дрых... — проворчал Валентин. — Да как же я сразу не догадался!

Значит, Ленка. Она же Водила.

После пятнадцати минут на форуме игры Валентин выяснил, что неведомая Ленка давным-давно играет за клан Сайлент Стар. Что у нее репутация хорошего пилота и наставника. Что она замечательно пилотирует. Что все очень опечалены ее судьбой... и что корабль Ленки остался «на Плюшке», почему и возникла версия о ее похищении — ну какой же пилот бросит корабль?

А вот это уже было интересно — он наткнулся на номер ICQ, который Ленка-Водила оставляла друзьям по клану.

Валентин закурил. Поглядел на выключенный значок аськи в углу экрана.

Чем черт не шутит?

Он запустил аську, с некоторым трудом вспомнив пароль: «;eul'hl'vblbqy». Ввел номер Ленки и послал запрос на авторизацию.

Чушь, конечно.

Если даже это ее аська, если она в Сети, если захочет ответить...

То что спросить?

«Не с вами ли вместе мы летали с Плюшки на Нигредо?»

Аська пискнула — его авторизовали. Вместе с авторизацией пришел вопрос:

«Ну, чего надо?»

Мгновение Валентин сидел, держа руки над клавиатурой. Потом пальцы пришли в движение.

«Привет, Водила. Не с вами ли вместе мы летали с Плюшки на Нигредо? Это Катран».

В конце концов, мало ли сумасшедших в Сети?

Кто-то рассылает циркуляры от имени Господа Бога.

Кто-то делится тайнами масонских заговоров.

Кто-то изобрел вечный двигатель и эликсир бессмертия.

Ну а он летает с Плюшки на Нигредо...

Аська пропела свою короткую песенку — пришел ответ.

«Катран, моя мобила — 8-916-685-91-21. Позвони! Срочно!»

— Что ж, будем сходить с ума вместе, — вслух сказал Валентин. — Ля-ля-ля... А я сошла с ума, какая досада...

Мобильник он вчера выключил, пришлось ждать, пока он включится, иницирует одну сим-карту, потом вторую...

Ну почему ничего не делается быстро?

Всему теперь требуется загрузиться, запуститься, разогреться...

— Алло? — хриловато и нервно спросили в трубке. — Катран?

— Да... — с легким смущением ответил Валентин. — Ленка... простите, Лена?

— Да! Ты где?

— Ну, если в игре, то, наверное, на Нигредо...

— Реально!

— В Москве.

— Слава Богу, — выдохнула женщина. — Я боялась, ты откуда-нибудь издалека...

— Вы тоже из Москвы?

— Давай на «ты», — отрезала Лена. — Я из Сергиева Посада. Это фигня, я быстро приеду.

— Ну я могу и сам...

— Поверь, я доеду быстрее, — необходимо, но очень убедительно ответила Лена. — Адрес, Катран.

Он продиктовал адрес. Не удержался, добавил:
— А к чему такая спешка?
— Мало ли что может случиться. Ты, это... не выходи никуда. Это же адрес квартиры?
— Ну да.
— Тогда посиди дома. Мало ли... Я буду через час.
Все, отбой.
— Замечательно поговорили, — сказал Валентин. Посмотрел на часы. Утром? В Москву из Сергиева Посада? За час?
Очень сомнительно.
Валентин снова подошел к ноутбуку. Ну да, его корабль по-прежнему «на техобслуживании».
Значит, никуда не выходить?
Из чувства противоречия он оделся, взял пакет с мусором и вышел из квартиры. Пакет, умяв, отправил в мусоропровод. Постоял.
Не выходить...
Что это еще за командный тон?
Он вызвал лифт. Продукты есть, но вот бутылочку-другую минералки он вчера взять забыл. Да и бутылку вина можно взять.
Или ликера.
Какого-нибудь горьковато-кислого... «Трипл сек»?
Почему-то ему казалось, что это будет правильно.

В ближайшем к дому супермаркете экономкласса «Пятачок» ликеров не оказалось. Для редких в этом полутемном и грязноватом магазине покупателей с претензиями предлагалось несколько сортов виски, джин и «Бэйлис». Ну и, конечно же, водка-вино-пиво в ассортименте. Валентин махнул рукой, взял бутылку крымского шампанского и, толкая перед собой вихляющую тележку, пристроился в хвост очереди. В «Пятачок» он заходил крайне редко, но до приличного магазина надо было топтать пятнадцать минут. И машина не помогла бы — был шанс влипнуть в пробку на полчаса.

В очереди стояли в основном бабульки, которые досконально изучили все цены и твердо знали, где и что следует покупать. Из их разговоров Валентин поневоле узнал, что в «Пятачке» брать надо гречу, только смотреть, чтоб не с жучком, и подсолнечное нерафинированное — на рубль дешевле, чем в «Гривеннике». Зато в «Гривеннике» был дешевле сахар и соль. В «Грошике», магазине для совсем уж неприятельных покупателей, можно было разжиться тушенкой, бульонными кубиками и

туалетной бумагой по совершенно смехотворным ценам.

Валентин мрачно подумал, что когда обнищает — будет точно знать, куда и за чем идти. Но пока в кармане есть деньги — в «Пятачок» больше не сунется... отвык он от таких очередей...

Зевнув, он сунул руки в карманы.

И почувствовал, что пальцы наткнулись на что-то твердое, круглое, чего в кармане не было. Не должно было быть.

Валентин осторожно достал предмет, скосил вниз глаза. И обомлел.

В его руке оказалась банка красной икры. С наклепленной этикеткой со штампом «Пятачка».

Икры он не брал. Тем более, разумеется, не имел привычки складывать неоплаченные покупки в карман.

Первая пришедшая в голову мысль была самой простой — выкинуть банку или всунуть на один из стеллажей со всякой мелочевкой, установленных перед кассами в надежде выманить из покупателей незапланированный рубль.

Вторая мысль оказалась более ехидной. Валентин аккуратно положил банку в свою корзину, рядом с шампанским и двумя бутылками «Сенежской» минералки.

И продолжал продвигаться к кассе — по пути аккуратно инспектируя все прочие карманы.

Оплатив покупки, в том числе и предательскую банку икры, он сложил покупки в пакет (в этом магазине даже бесплатных пакетов не давали, пришлось покупать) и двинулся к выходу.

Разумеется, тут его уже ждали. Два охранника восточной наружности, румяный менеджер и скучающий милиционер.

— Простите! — произнес менеджер таким тоном, словно командовал «На кол его!». — Не могли бы вы пройти с нами?

— А с какой стати? — спросил Валентин.

— Есть информация, что вы осуществляете вынос неоплаченных товаров! — с огнем в глазах сообщил менеджер.

— Да ну? — удивился Валентин.

Милиционер внимательно посмотрел на Валентина — и совсем поскущел. Видимо, опыт уже подсказал ему, что потенциальный магазинный воришка не случайно ведет себя так самоуверенно.

— У него банка икры в кармане! — выпалил менеджер.

— Ты, что ли, мне ее туда засунул? — поинтересовался Валентин. — Товарищ милиционер, прошу вас отметить, что этот... э... — он покосился на бэджик, украшавший карман менеджера, — ...гражданин Аркадий

Сергеевич Сальников обвинил меня в уголовном преступлении. В краже.

— Я не говорил про кражу! — взвился менеджер. — Но у вас в кармане неоплаченная красная икра!

Валентин вздохнул. Подчеркнуто медленно вывернул карманы, собрав в пригоршне мелочь, мятые купюры, ключи. Вернул все обратно. Вывернул карманы куртки. Расстегнул куртку и продемонстрировал внутренние карманы. Потом хлопнул себя по лбу:

— Ах да! Совсем забыл!

Из пакета он извлек банку красной икры и чек. Сунул чек под нос менеджеру.

Аркадий Сергеевич пошел красными пятнами, будто вся съеденная им когда-либо икра проступила сквозь кожу.

— Понятно, — кивнул милиционер. — А документики все-таки можно ваши глянуть?

Валентин достал журналистское удостоверение.

— Пресса, — совсем приуныл милиционер. — Какой-нибудь репортаж пишете?

— Да нет, живу рядом, за водичкой зашел, — ответил Валентин. И, мстительно глядя на менеджера, добавил: — Хотя, конечно, описать здешние порядки стоило бы...

— Я прошу прощения, — занервничал менеджер. — Это... это ошибка. Случайность. Очевидно, вас с кем-то спутали. Икру, понимаете ли, все время выносят...

Валентин презрительно отвернулся. Спросил у милиционера:

— Могу я идти?

— Да, да, конечно.

Сделав пару шагов, Валентин обернулся:

— Скажите, а как в таких случаях поступают с воришками? Интересно, для общего развития.

— Если сумма небольшая — вроде этой банки икры, то ничего особо страшного. Пришлось бы уплатить стоимость.

— А если бы магазин настаивал на уголовном преследовании?

— Зачем? — удивился милиционер. Повернулся к менеджеру: — Скажите, вы бы настаивали на возбуждении дела?

Аркадий Сергеевич почему-то замялся.

Милиционер хмыкнул.

— Ну... протокол бы составили. Проехали в отделение. Потом отпустили бы вас... то есть похитителя. Сумма-то небольшая. Был бы какой-то штраф, очевидно. Не тюрьма, короче!

— Но весь день я бы проболтался в казенном доме, — кивнул Валентин. — Понятно.

Ему очень хотелось зажать румяного менеджера где-нибудь в углу и, злобно пуча глаза, угрозами, а то и побоями заставить сказать — кто велел его задержать. Начальник? Судя по тому, что менеджер был уверен в своей правоте — кто-то имеющий над ним власть...

Это же надо!

Его пытались... нет, не посадить в тюрьму.

Просто задержать на некоторое время.

Чтобы он не встретился с Ленкой из Сергиева Посада?

Валентин ускорил шаги и поймал себя на том, что с подозрительностью поглядывает на окружающих. А что, если вон та старушка завопит, что он только что отобрал у нее пенсию? А что, если эти два весело болтающих парня внезапно вломят ему по челюсти — да так, что придется ехать в травмопункт? А что, если идущая навстречу школьница завопит на всю улицу: «Дяденька, дяденька, куда вы меня тащите!»

Трудно ли устроить человеку неприятности на ровном месте?

Да очень даже легко!

Если твоя цель — не убить, не засадить на долгие годы в тюрьму, а всего лишь обеспечить человеку геморрой на несколько дней «пока будут разбираться» — то вариантов море.

Анонимный звонок — о том, что у тебя в квартире склад взрывчатки, лаборатория по производству наркотиков или публичный дом. Лучше всего, конечно, сообщать про наркотики — их можно достаточно легко подбросить в квартиру, чтобы служебные собаки радостно взвыли, а плечи наркополицейских зачесались в предвкушении новых звездочек. Через замочную скважину, к примеру, вдул в квартиру пару граммов героина... Или через открытую форточку (хорошо, что на улице холодно и окна закрыты!) забросил метким броском пакетик с анашой. И пусть после долгих разбирательств правоохранительные органы признают тебя невиновным — несколько недель, а то и месяцев, никакие компьютерные игры и никакие Сергиево-Посадские девушки тебя интересовать не будут.

Как все плохо!

А ведь это самые простые методы — не использующие никаких коррумпированных судей, продажных милиционеров и тому подобное!

Даже в подъезд Валентин входил с опаской. И обнаружив, что соседская девчонка-старшеклассница стоит в лифте и вежливо придерживает двери, замотал головой «езжай, езжай» и начал суетливо

отпирать почтовый ящик.

Лучше вообще подняться пешком.

Полезнее для здоровья... и лифт не застрянет...

Впрочем, заминка оказалась даже полезной. В почтовом ящике неожиданно обнаружилась почта — глянцевого конверт со штампом автосалона, где Валентин когда-то брал машину.

Идя по лестнице, Валентин разорвал конверт и пробежал глазами текст.

«Уважаемый... Пятилетний юбилей салона... В рамках рекламной акции мы предлагаем бесплатный обмен купленного вами автомобиля на новую модель... предложение ограничено... действительно до 15.00 15 ноября...»

На жульничество вроде «вы выиграли в лотерею, пришлите тысячу рублей и получите сто тысяч» письмо не походило. К чему бы крупному автосалону торгующему дорогими машинами так подставляться?

Скорее всего если Валентин сейчас сядет в машину и проедет сквозь пробки на другой конец города к указанному сроку — ему действительно обменяют старую машину на новую модель.

Потому что ноги у этого предложения растут из того же источника, что и подложенная в карман банка икра.

Кто-то очень-очень не хочет, чтобы он встретился с женщиной, играющей в «Старквэйк».

Войдя в квартиру, Валентин уже был достаточно напуган, чтобы внимательно осмотреть обе комнаты — нет ли и впрямь подкинутых наркотиков или взрывчатки? Но на первый взгляд было чисто.

— Это за меня пока не взялись всерьез, — сказал Валентин. И вздрогнул.

А если в квартире подслушивающие устройства?

Пора завязывать с манерой разговаривать сам с собой.

Он поставил бутылку в холодильник. Задумчиво повертел в руках банку с икрой. Взял консервный нож и открыл ее.

Икра.

Не самая качественная, судя по виду, но всего лишь икра.

Валентин сделал себе бутерброд и вернулся к ноутбуку. Его «Сильвана» по-прежнему находилась «на техобслуживании».

Может быть, обратиться к администрации игры?

«Я у вас ничего не похищал! А еще, знаете, мне в карман подсунули банку красной икры!»

Бред какой-то...

Тренькнул дверной звонок.

Валентин дернулся, зачем-то оправил рубашку и пригладил волосы... будто пацан перед первым свиданием... Подошел к двери. Поколебался — и опять же из какого-то противоречия не стал ни спрашивать «кто там?», ни смотреть в глазок. Просто открыл.

В дверях стояла крепкая высокая женщина. Коротко стриженная. Наверное, излишне широкоплечая. В джинсах и короткой вельветовой куртке. На руках перчатки с обрезанными пальцами.

— Проходите, Лена, — сказал Валентин, делая шаг в сторону.

— Так уверены? — Она зашла и быстро, без спроса, закрыла дверь. — А если бы это была не я?

— А я вас видел, — удивляясь собственному спокойствию, ответил Валентин.

— Когда? — Она вдруг смутилась. Интересно, не «где», а «когда»...

— Сегодня ночью, — ответил Валентин. — Во сне. Вы ведь тоже... вам ведь тоже снился этот сон?

Секунду она стояла, глядя на него. Потом улыбнулась.

— А ты быстро соображаешь. Кофе нальешь?

— Пошли. — Он двинулся на кухню. Лена, не разуваясь, (обычно он протестовал против такой привычки, но сейчас смолчал) пошла следом. Пока он готовил кофе, она сидела, внимательно изучая обстановку — так хороший врач осматривает больного, еще не спрашивая его о симптомах.

— Я, кстати, вышел в магазин, — заметил Валентин. — Водички захотелось.

— Почему всем мужикам обязательно надо доказывать свою мужественность? — резко спросила Лена. — Ведь если бы тебя попросил остаться дома мужик — ты бы послушался?

— Наверное, — не стал врать Валентин. — В общем... случилась забавная история. Кто-то очень ловко подсунул мне в карман банку красной икры. К счастью, я заметил это перед кассой, успел ее оплатить.

Лена подцепила пальцем несколько икринок, положила на язык. Поморщилась:

— Пересоленная... Могли бы хоть черную икру подсунуть, жмоты...

— Откуда в том магазине черная икра?

— Ты по профессии-то кто будешь? — спросила Лена.

— Журналист.

— За что мне это? — воскликнула Лена, глядя в потолок.

— Ты чего? — Валентин только сейчас заметил, что тоже легко и непринужденно перешел на «ты».

— Бывший мой... журналист. Андрей Петров, не знаешь такого?

— Мало ли в Бразилии донов Педро? Нет, не припомню.

— Вот почему ты Катран! — неожиданно сказала Лена. — Акула пера! Она засмеялась.

— А ты водила, потому что любишь водить?

— Я не люблю. Это моя работа — я таксист.

— Таксистка.

— Предпочитаю не склоняться, — сухо ответила Лена.

Валентин поставил перед ней чашку кофе. Вторую — перед собой. Поколебался и достал бутылку бальзама.

— Чуть-чуть в кофе, — сказала Лена. — Вряд ли я в ближайшее время сяду за руль, нам слишком многое надо обсудить.

Валентин плеснул в чашки по ложке бальзама. Они молча отпили кофе.

— Ну, давай, — сказала Лена. — Рассказывай. С самого начала.

— Я родился...

— Остряк-самоучка. Начни с того, как попал в игру.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ, в которой я получаю новый корабль

Утро наступало осторожно, бережно — будто боялось нас разбудить.

Шар под потолком пещеры начал светиться розовато-белым светом. Яркость нарастала плавно, будто на восходе солнца. Потом присоединились звуки — во всех комнатных-коробочках люди просыпались, вставали, звякали посудой (видимо, некоторые предпочитали завтракать в одиночестве). Многие кашляли — что ж, в климате Нигредо неудивительно. Потянуло сигаретным дымком, но не сильно — дефицит табака лучше любых врачебных проповедей справился с вредной привычкой.

Лена проснулась первая, когда я встал — она как раз вернулась в комнату.

— Умывальня рядом с душевой, — сообщила она. — Вода только холодная и черная. Но умыться можно. Если на тебя будут бросать завистливые взгляды — не смущайся.

— Постараюсь. — Я натянул джинсы и отправился через лабиринт пластиковых клетушек умываться.

Длинный жестяной желоб служил раковиной на десяток кранов. Человек пять мылись ледяной черной водой. На меня поглядывали с любопытством, но вполне дружелюбно.

На краю раковины я нашел обмылок, которым без колебаний воспользовался. Вымылся выше пояса, пальцем почистил зубы. Если отвлечься от цвета, то становилось понятно, что вода чистая и свежая.

— Ты вчера с Плюшки прибыл? — поинтересовался ближайший сосед, когда я закончил умываться.

Я кивнул.

— Привез Мастера и Романа?

Я снова кивнул.

— Говорят, ты по пути «Берсерк» сжег?

На этот раз пришлось отказаться от языка жестов.

— Не совсем так. Придумал, как его сжечь. Стреляла Лена.

— Все равно неплохо, — решил собеседник.

Вернувшись из «умывальни», я обнаружил Лену прихорашивающуюся. Странное дело, почему-то до этого я был уверен, что косметику она игнорирует. Однако, нет! Откуда-то из карманов комбинезона был извлечен

тубик крема, которым она экономно намазывала лицо и шею и помада неброского телесного цвета.

— С Земли? — спросил я.

— За настоящую косметику бабы друг другу волосы выдергивают, — усмехнулась Лена.

— Потому и стрижешься коротко?

— И поэтому тоже. — Она ответила без тени иронии. — Помада настоящая, выменяла у одной дурехи, которая не сразу поняла, что здесь в цене. А крем — наше производство. И для рук, и для ног, и для лица выпускают. Понятное дело, не французская косметика. Но лучше, чем ничего... Ну что, на завтрак?

Если «умывальня» напомнила мне не то пионерский лагерь (знакомый, впрочем, только по кино), не то казармы, где довелось быть на сборах, то столовая окончательно закрепила это впечатление. Окно в стене, стопка подносов рядом. Ставишь поднос, на него плюхают две тарелки, стакан — и можешь быть свободен. Садись за любой из длинных столов (стальных, казенных донельзя) и ешь.

На завтрак сегодня была черная яичница-глазунья, черный творог с черной сметаной, черный хлеб и черный кофе. Эстетическое чувство не раздражал лишь кофе — даже хлеб был слишком, ненатурально темным.

— Мне нравится, — неожиданно изрекла Лена, водружая поджаренный желток на кусок хлеба и отправляя в рот. — Знаешь, мне слишком красивая еда всегда казалась подозрительной. Нарезали все затейливо, разложили согласно фэн-шую, побрызгали десятью соусами, украсили двадцатью травами. Не знаешь, что и делать — любоваться или есть. Может, оно и невкусное, а тебе этот натюрморт уже все вкусовые сосочки запудрил. А если вкусно — то еще хуже!

— Почему?

— Да потому, что жалко есть красивую еду! А здесь все просто. По форме понял, что перед тобой. Положил в рот. И наслаждаешься вкусом в чистом виде, не отвлекаясь на разного рода красоты!

— В принципе подход понятный, — признал я. — В Москве есть ресторан, где еду подают в полной темноте. Там даже не знаешь, что именно тебе принесли.

— Ну ничего себе. А официанты как работают?

— А официанты там слепые.

— Шутишь, — подозрительно сказала Лена.

— Да я о нем материал писал...

Народ в столовой не задерживался. Люди быстро ели, относили свою

грязную посуду в окошко, ведущее на мойку, и уходили. Судя по разговорам, обещанное сегодня общее собрание интересовало всех.

— Женщин у них совсем мало, — негромко заметила Лена, допивая кофе. — Я прикинула — процентов десять—двадцать. На Плюшке соотношение мужчин и женщин — два к одному.

— И что?

— Да так, наблюдение... Если здесь не собралась куча голубых, а на это не похоже, то им приходится несладко. Энергию надо куда-то сублимировать.

— Монахи же терпят всю жизнь.

— У монахов — вера в Бога. А у этих — вера в то, что их дурачат. Опасная смесь, Катран. Агрессивность зашкаливает...

— Да брось ты! — Я огляделся. — Ну какая же тут агрессивность? Кроме вредного деда...

— Ты уж мне поверь. У меня работа такая была — людей возить. Как ты думаешь, требуется женщине, которая сидит за рулем, которая ночами пьяные компании из одного ресторана в другой отвозит, чувствовать людей?

— Наверное, да, — признал я.

— Так вот, я тебе скажу, — она совсем понизила голос, — не нравятся мне их настроения. Они от любой ерунды взорвутся.

Убежденность Лены передалась и мне. Я еще раз окинул взглядом завтракающих. Люди как люди... вон две девушки сидят, смеются... вон пара мужиков такого солидного вида, что на Земле наверняка ворочали миллионами, вон компания молодых парней какие-то бумаги разглядывает...

И все-таки я решил согласиться с мнением Лены. Хотя бы по той причине, что всегда лучше готовиться к худшему.

— Попросим побыстрее подготовить наш корабль?

Лена поморщилась.

— Смысл? Я бы предпочла лететь не на нем. Нас спалят при подлете к Плюшке.

— Но ведь чужой корабль угнать нельзя?

— Нельзя. А вот купить можно. Зяма с Ромой вчера мне заплатили. Плюс свои деньги есть. — Она покрутила рукой с браслетом. — Должно хватить на что-нибудь в меру приличное... Пошли потрясем Зяму!

Что ж, если уж приходится подчиняться женщине — всегда приятнее знать, что это твоя женщина. Мы отнесли посуду на мойку и отправились на поиски Мастера.

Комплекс пещер был не такой уж и большой. Ангар для наземного транспорта, большая пещера, где все жили и столовались, «научный центр» — у входа в эту пещеру стояла охрана, и нас туда просто не пустили, «космопорт» — туда дороги для нас тоже не было, «склад» — он нас вообще не интересовал.

Никого из наших знакомых не встретилось.

Под конец охранник у входа в научный центр сжалился над нами и вызвал Романа.

В белом халате, с какой-то электронной бандурой, пристегнутой к поясу (микрокомпьютер? тестер? осциллограф? кофемолка? портативная сноповязалка?), Роман полностью утратил свой образ громалы. Просто здоровый мужик, но явный интеллигент, звание доктора наук на лбу написано.

— Отоспались? Как вам наша кухня? Вас не держат в черном теле? — жизнерадостно спросил Роман, пожимая руку вначале Лене, потом мне. Охранник, убедившись, что мы знакомы, отошел в сторону.

— Если глаза закрыть — то все очень даже, — сообщила Лена. — Как наш корабль?

— Снежная буря. — Роман пожал плечами. — Я не могу никого туда послать.

— Вообще-то нам возвращаться на «Сильване» — самоубийство, — сразу взяла быка за рога Лена. — Плюшка не отзывала заявку на охоту?

— Нет. Напротив. Повысили цену за ваши головы. — Роман выглядел не то чтобы сильно смущенным, но некоторый дискомфорт, сообщая эту новость, явно испытывал.

— Рома, ты хочешь, чтобы мы сдохли?

— Водила, говори прямо. Чего хочешь ты?

— Корабль. Другой. Получше. Вы нам обязаны, верно?

— Это не в моей власти, — отрезал Роман. — У нас всем управляет совет из восьми человек. Даже если мы с Зямой будем за вас, нужно единогласное решение, чтобы дать вам другой корабль.

— А если мы его купим? — не стала настаивать Лена. — Такие вещи решать — в твоей компетенции?

— Вот это деловой разговор, — кивнул Роман. — В моей. Денег-то хватит? У нас корабли ценятся подороже, чем на Плюшке.

— Во-первых, Катранова «Сильвана». Да, да, машинка слабая, оружия на ней нет... Но все-таки?

— Полторы тысячи.

— На нем гиперпривод.

— Две триста семьдесят. Почем брали на Плюшке, по той цене возьмем и здесь. Нам еще придется придумать, куда такую скорлупку приспособить.

— Хорошо. Еще вы с Зямой мне должны двадцать тысяч. Ты семь и он тринадцать с мелочью.

— Не забыла, — усмехнулся Роман. — Хорошо. Мужик сказал, мужик сделал.

— Двадцать две триста семьдесят. Что есть за эту сумму?

— Ничего нет. Двадцать восемь тысяч — будет хороший корабль.

— Какой?

— «Феникс».

— Грабеж! — возмутилась Лена. — Это седьмой уровень... Ему красная цена — двадцатка!

— На нем лазерник «Мандрагор», ракетный комплекс «Смерч», плазменник «Тахион». Усиленные щиты «Кокон». Жилой модуль «Зерг». Комплекс расширения «Актеон».

— Прямо все на память знаешь? — Лена прищурилась.

— Это мой корабль, — спокойно ответил Роман.

— Седьмой уровень?

— Ну я же ученый в первую очередь, а не пилот. Мне большего и не надо.

— У меня на Плюшке «Мурена», — мрачно сказала Лена. — Что мне с твоим «Фениксом» делать? Продавать по дешевке?

— Купи его Катрану, — предложил Роман. — Он парень способный. Заработает — вернет.

— У Катрана первый уровень! Он новичок! Корабль его не признает!

— Уже не первый, у него в активе гиперпрыжок, бой и посадка на чужой планете. Значит, третий уровень. А мы сейчас с ребятами дружно проголосуем за него — и поднимем его статус до семерки.

— Вы о чем? — не выдержал я.

— Твой статус определяет твоё положение в мире, — пояснила Лена. — Твой авторитет, если угодно. А также то, какие корабли ты имеешь право пилотировать, какое оружие на них устанавливать. Обычно статус зарабатывают долго и нудно — летают, торгуют, добывают полезные ископаемые для Плюшки. Но если группа людей более высокого уровня голосует за повышение твоего статуса...

— Короче, как Юрий Гагарин — разом станешь майором, — усмехнулся Роман. — Ну что, голосовать?

Лена кивнула, и Роман принялся обзванивать друзей — Зяму, Орду и

еще каких-то, нам незнакомых. Похоже, лишних формальностей ребята не признавали.

— А я справлюсь с этим кораблем? — поинтересовался я.

— Беда не в том, справишься ты или нет — Лена задумалась. — У тебя будут проблемы иного рода. На мелочь пузатую, что суетится вокруг Плюшки на «Сильванах» и «Арлонах», никто из опытных пилотов и внимания не обращает. Во-первых, несолидно. Во-вторых — что с них взять.

— Это все равно что матерому вору спереть мелочь из кармана у первоклашки, — кивнул Роман.

— В общем, ты бы успел натренироваться, научиться пилотированию, бою... все в поединках с такими же, как ты сам, новичками. А вот на «Фениксе» тебя уже станут задирать все кому не лень.

— Значит, не такой уж и плохой корабль?

— Нет, не такой уж и плохой... — Лена вздохнула. — Ладно, выхода у нас нет. Катран, прими от меня деньги... Жив будешь — сочтемся...

Она стала возиться со своим браслетом.

— Так купи на себя! — попытался я проявить благородство.

— Я же говорю — у меня на Плюшке «Мурена»! Нельзя владеть больше, чем одним кораблем. Если я покупаю «Феникс», то мой корабль реквизируют.

— Да «Феникс» лучше, — заметил Роман. — Хотя и уровнем ниже.

— Ой ли!

— Каждый дурак знает.

— Вот дураки пусть и считают, что «Феникс» лучше... Держи!

Мой браслет пискнул, мигнул зеленым. Я принял деньги. Спросил:

— Что теперь?

— Теперь переводи их мне, — сказал Роман.

Я глянул на Лену — она кивнула.

После минутной возни я справился с задачей. Теперь веселым зелененьким мигнул браслет Романа.

— Идите к папочке, — сладко сказал Роман, поглаживая браслет. — Теперь папочка купит на вас «Барлог».

— Тьфу. Противно на тебя смотреть. — Лена картинно всплеснула руками. — Зачем тебе этот танк, ты же ученый, а не пилот?

— А чтобы никто не обидел! — Роман засмеялся. — Все, можете идтиправлять корабль!

— Он что, у тебя с пустыми баками стоит? — поразилась Лена.

— Я еще вчера понял, что вы решите сменить корабль, — невинно

сказал Роман. — Ну и слил топливо. Мы же о полном баке не условились?

— Ну ты жук... — пробормотала Лена.

— Но-но! Ты когда машину новую покупаешь — тебе полный бак наливают? Или пять литров, до заправки доехать?

— Жук. Хуже жуков. То-то у тебя корабль жучиный.

Роман засмеялся, похлопал меня по плечу и двинулся мимо охранника в свои лаборатории.

Лена задумчиво ерошила свои короткие волосы. Потом кивнула:

— Пошли в ангар, посмотрим на твою обновку...

— А почему жучиный? — не удержался я от вопроса.

— Он на основе жучьих технологий создан.

— Каких?

— А, да ты же совсем зеленый, — понимающе кивнула Лена. — Это другая цивилизация. Не человеческая. Мы их зовем «жуки». Они порой подбираются ближе к Плюшке — с ними начинаются драки. Из того, что удалось сбить и захватить, наши умельцы кое-что приспособили. «Феникс» раньше был самым обычным кораблем. А потом половину узлов поменяли на биологические аналоги...

— Он живой?

— Как бы тебе не соврать... — задумалась Лена. — Ну... можно и так сказать! Живой. Только не как животное, а скорее как растение.

— Почему мне никто не сказал про этих жуков?

— Не до того было. Да брось, не так часто они нам попадают.

— Лена, ну как ты не понимаешь! — воскликнул я. — Это же... это же удивительнее всего остального! Чужая жизнь! Разумная жизнь! Это сенсация!

— Напишешь про нее в «Оракуле» или «Жизни», как вернешься, — фыркнула Лена.

— Нет, ну как ты можешь говорить так спокойно? Это внеземная жизнь!

— Да мы сами теперь — внеземная жизнь!

— На кого они похожи? — Я все никак не мог успокоиться.

— Кто бы знал. — Лена пожала плечами. — Живыми они не сдавались. А то, что соскоблили со стен в сгоревших и разгерметизированных кораблях... Хитиновый панцирь, органическая слизь. Что-то вроде крупных тараканов. Таких вот, с овчарку размером. И сочного оранжевого цвета, как апельсин.

— Тьфу! — меня даже передернуло.

На этот раз нас пропустили в космопорт без единого вопроса —

видимо, Роман отдал команду.

Конечно, по сравнению с исполинским ангаром на Плюшке он выглядел небольшим. Но все-таки десяток кораблей здесь разместился.

Еще одним сюрпризом стало то, что космопорт находился не в пещерах, а в вырытом в земле котловане. Пол был выложен шестиугольными бетонными плитами. Стены покрыты стеклянистой массой. Сверху котлован тоже закрывало что-то вроде темно-синего стекла, по которому ветер гнал черные снежные вихри. В небе светило солнце — чуть меньше земного.

— Стекло? — спросил я Лену. Она покосилась вверх.

— Не... Это силовое поле. Приспособили какой-то корабельный генератор... разумное решение. Если что, поле защитит корабли от бомбардировок.

Мы прошли мимо «Сильваны», потом мимо двух шарообразных кораблей, мимо «трех подков» — «Саламандры». И оказались перед кораблем, больше всего напоминающим исполинскую крабью клешню с огрызком лапы посередине.

Ну или если вам хочется более механического описания — два вынесенных вперед, загнутых полукольцами толстых крыла соединяла посередине высокая, метров десять, надстройка.

— Хитин? — подозрительно спросил я, глядя на броню корабля. На металл она никак не походила. Надстройка была черная, крылья-клешни — красными. Будто крабью лапу окунули в кипяток...

— Керамическая масса с металлической структурирующей сетью внутри. — Лена усмехнулась, поймав мой недоуменный взгляд. — Нет, не спрашивай, что это такое, я сама только от инженеров слышала... Что-то вроде железобетона. Только вместо железа — тончайшие вольфрамовые нити, а вместо бетона — особая керамическая масса.

— Хрупкий, наверное, — заметил я.

— Наоборот. Масса пластична. Пробоины затягиваются сами собой.

— Потому и «Феникс»? Восстает из пепла?

— Типа того, — кивнула Лена. — Давай приучай его к себе. Подойди к люку, приложи руку... ту, на которой комм. Корабль уже в курсе, что его продали, теперь он должен зафиксировать своего нового пилота.

— Где тут люк?

— По центру.

Между растопыренными крыльями корабля (не знаю, насколько они важны были для аэродинамики — уж больно толстые и странной формы) мог бы легко уместиться микроавтобус. Мы подошли к люку, и Лена

указала на выдавленную в броне вмятину по форме человеческой пятерни.

— Сюда.

— Такое ощущение, будто он на меня смотрит, — пробормотал я, прижимая руку к прохладному, чуть шершавому корпусу.

— Конечно. Это тебе не «Сильвана», здесь достаточно умный компьютер.

В броне открылось овальное отверстие. Дверь втянулась, потом сдвинулась в сторону. Зажегся мягкий желтый свет.

— Поздравляю! — торжественно сказала Лена. — «Феникс» — это настоящий корабль.

По мне, так и «Сильвана» была вполне настоящей... Но я спорить не стал и шагнул в проем.

Уже через четверть часа я понял, что был неправ.

Если «Сильвану» можно было сравнить с автомобилем, пусть даже просторным, то «Феникс» — с комфортабельным микроавтобусом.

В нем были две маленькие каюты-спальни. Нормальный туалет (если вас не смущает дыра в полу вместо унитаза) и нормальный душ (если вы готовы мыться рециркулированной водой, которой до вас уже мылись раз десять). Центральное помещение — рубка — имело одно кресло для пилота, но было достаточно просторным, чтобы там уместились человек десять. Для шестерых даже нашлись бы кресла.

Еще был маленький грузовой отсек (пустой) и шлюз для выхода из корабля.

— Забавно, — сказал я, усевшись наконец за пульт пилота. Вот здесь, как ни странно, все было похоже на «Сильвану» — тот же минимализм.

— Что именно? — Лена устроилась рядом в другом кресле, достала сигареты, закурила. Пояснила: — Здесь хороший воздухообмен, можешь и покурить.

— Ты говоришь, этот корабль сделали с учетом чужих технологий?

— Да.

— Люди стали сюда попадать три года назад. Верно?

— Абсолютно. Я здесь два с половиной года...

— Техника вся чужая. Да, вроде как для людей предназначенная, но непонятная — вы даже язык их не расшифровали. Как о великом успехе, говорите о том, что сумели на дисплеи вывести человеческие цифры вместо аналоговых столбиков-стрелочек. Так? Но при этом подбитые чужие... по-настоящему чужие, пилотируемые рыжими тараканами корабли сумели разобрать? Понять, как они устроены? И на основании их технологий начать делать новые корабли?

— Поверь, у нас на Плюшке не идиоты работают, — сказала Лена. Но с легким сомнением.

Я засмеялся.

— Знаешь историю, как в советское время наши инженеры решили скопировать «роллс-ройс»? Купили. Привезли. Разобрали до последнего винтика. Сделали чертежи. Начали обратно собирать — беда! В коробку передач шестеренки не залазят! Вроде как должны сесть на свои оси и зацепиться — а не получается! Чуть-чуть больше, чем требуется! На микроны! Но больше. Инженеры за голову хватаются, ничего не поймут. Стали выспрашивать у англичан... что там и как... Те смеются.

Я тоже достал сигареты и закурил. Глянул в пачку... да... негусто. Осталось три штуки.

— Ну и что оказалось? — заинтересовалась Лена.

— Оказалось почти как с механической блохой, которую Левша подковал... после чего она перестала танцевать. Англичане шестеренки делали чуть-чуть больше, чем следует. Потом охлаждали... уж не знаю, в холодильнике или в жидком азоте... Металл немного сжимался. И вот эти охлажденные шестерни надевали на оси, после чего они великолепно прижимались друг к другу.

— Думаю, это вранье, — поморщилась Лена. — Ну, из разряда «мы лапотные мужики, ничего супротив Запада не умеем...»

— Лена, не знаю. Почем купил, за то и продал. Но история все равно поучительная. Мало разобрать и скопировать. Важно еще понять — как все устроено. Как собрано. Как работает. И тут один инженер другого не всегда поймет — потому что вся сложность в тонкостях, в мелких таких заморочках, вроде охлажденных шестеренок.

— К чему ты клонишь?

— Лена, даже если бы со всей Земли собрали самых великих ученых, самых умных инженеров, самых рукастых рабочих — не сумели бы они за два года разобраться в чужой технике. В биотехнике! Разобраться, воссоздать, срастить с железом... с этими пультами и лампочками. И десяти лет бы не хватило.

— Но ведь сумели! — Лена развела руками. — Видишь этот корабль? Его корпус сделали из того же материала, что и корабли чужих. И я тебе скажу, как это получилось. Кусок корпуса положили в анализирующий отсек синтезатора — того самого, который выдает котлеты и ткань для комбинезонов. Синтезатор попытлся — и разобрался, как устроен этот материал. Потом код этого материала ввели в программу сборки корабля «Феникс» вместо кода титанового корпуса. Собрали — получилось! Вот и

все!

— Допустим, — согласился я. — С корпусом — может быть. А плазменная пушка? Ты говорила, что там наполовину биоустройства, наполовину человеческие!

— Ну и что? Сняли с корабля пушку. Источник энергии у жуков так до конца и непонятный. А пушка — она и есть пушка. Подключили к нашему генератору — работает. Все дела...

— Лена, так не бывает, — устало повторил я.

— Хорошо, — легко согласилась она. — Не бывает. Но ведь это получилось? Результат налицо?

— Я тебе скажу, где это могло получиться, — ответил я. — В компьютерной игре. Где сбил вражеский корабль, нажал кнопку «изучить» и через полчаса начал строить копии корабля.

— Здравсте! — Лена развела руками. — Ну тогда ты оказался в нужном месте! Ищущие именно так и считают. Даже аргументы у них есть похожие... что нам слишком легко здесь все удастся, что в реальности люди сдохли или одичали бы на Плюшке, не то что научились управлять станцией, запускать корабли, строить базы на других планетах.

— Не сердись, — сказал я примиряюще. — Это только один вариант. Есть и другие.

— Ну?

— Людей ведь сюда не ветром занесло на воздушном шаре. Кто-то — может быть, даже не относящийся к человеческому роду, — организовал на Земле игру «Старквэйк». Создал агентство «Звездный час». Перебрасывает сюда... не важно даже, в космос или в виртуальность, все новых и новых игроков. Почему вы считаете, что этот кто-то остался на Земле? Что здесь нет его агентов, представителей?

— То есть инженеры — казачки засланные? — Лена прищурилась.

— Возможно, что лишь несколько человек. Достаточно, чтобы два-три человека досконально разбирались, как и что здесь работает — они сумеют направить исследования в нужную сторону, нажать правильные кнопки, высказать здравые идеи. Надо выяснить, как работают эти ученые-инженеры. Все ли они вносят одинаковый вклад — или кто-то фонтанирует идеями, а кто-то лишь добросовестно исполняет указания.

— Тогда уж можно предположить, что ученые у нас нормальные люди, но им каким-то образом внушается, как и что надо делать, — предположила Лена.

— И это возможно, — кивнул я. — Но в то, что вы всего здесь добились сами, своим умом — поверить невозможно.

Лена кивнула.

— Еще одно, — решил я закрепить успех. — Почему здесь все русские?

— С чего ты взял? Русские, украинцы, евреи, татары...

— Русскоязычные.

— Ну игра-то русская!

— Почему? — Я усмехнулся. — Есть некая сила, которая отправляет людей в космос. Почему только русских? Чем мы интереснее американцев, немцев, китайцев?

— Приспосабливаемся ко всему лучше. Привыкли к тяготам.

— Версия патриотичная, но сомнительная.

— Тогда вот тебе реалистичная версия — это эксперименты русских спецслужб. Мы в виртуальности. Тогда понятно, почему эксперименты идут только над жителями России. Опять же наши друзья-приятели с Нигредо оказываются правы...

— Да что за бред! Зачем нашему КГБ, даже если они разработали такую хитрую технологию, моделировать далекий космос? Для эксперимента это все давно затянулось.

— Туристический аттракцион, — предположила Лена. — Мы статисты, фон. А сюда будут запускать богатых туристов за десятки миллионов долларов.

— Вот уж сомнительное удовольствие — летать по космосу и палить друг в друга из лазерных пушек! Для туристов можно было соорудить какой-нибудь рай в восточном стиле. С обольстительным гуриями, немыслимой красоты пейзажами... Да хоть бы толкиновское Средиземье воссоздать — есть психи, которые последние штаны снимут, чтобы там поселиться. Даже зная, что это виртуальность.

— Валя, ну что ты с меня хочешь? — взмолилась Лена. — Я обычная женщина. Незаконченное высшее, несложившаяся личная жизнь, непрестижная работа... Я не знаю, кто прав. Я не знаю, как здесь все устроено. Я вначале психовала, а потом решила, что мне это даже нравится. Все интереснее, чем сквозь московские пробки пропихиваться. Я была бы рада, будь это все настоящее. — Она помолчала, потом улыбнулась: — Еще бы ребенка можно было завести...

— А не пробовали выяснить, почему дети не рождаются?

— Пробовали. Врачи на Плюшке есть. Говорят — все в порядке. Сперматозоиды движутся, месячные приходят в срок. По всему так выходит, что должны и дети появляться. Но детей нет.

Мы помолчали.

На Земле я как-то не задумывался о продолжении рода. Скорее — задумывался о непродолжении, если не предохранялся при сексе. Странно... ведь пару раз даже женитьбу всерьез обдумывал. Но о детях мысли при этом не возникало.

А сейчас я думал о том, что Лена права в главном. Отняв у попавших на Плюшку людей возможность размножаться, неведомые кукловоды продемонстрировали свое отношение к людям. Четко дали понять — «у вас нет будущего».

— Очень хочется разобраться, — сказал я. — Что все-таки тут происходит. Что и как.

— Это значит, ты отоспался и немного обжился, — усмехнулась Лена. — На второй-третий день все новички начинают строить планы «разберусь, кто виноват, и накажу кого попало»... А давай-ка сходим на собрание Ищущих? Вроде бы нас приглашали.

— Давай, — согласился я. — Очень хочется узнать, что мы украли с Плюшки.

На выходе из космопорта Лена поговорила с охранником — очень расстроенным, что он не попадает на собрание. Речь шла о том, чтобы заправить наш корабль и зарядить ракетные установки — Роман не поленился снять с корабля ракеты. Как я понял, именно их мы обратно и купили — сразу после разговора и оплаты еще один охранник на электрокаре повез к кораблю четыре двухметровые серебристые сигары.

Ну а мы двинулись «на проспект» — где и должно было состояться общее собрание.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ, в которой мы узнаем, что украли с Плюшки, и наблюдаем маленький междусобойчик

Пластиковые стены, из которых были сооружены комнатухи жителей Нигредо, имели свое преимущество. Часть комнат в середине пещеры, под осветительным шаром, просто разобрали — освободив площадку, на которой и разместилось сотни две человек. Шум стоял как на каком-нибудь митинге крайней оппозиции — разве что партийных гимнов не пели и транспарантами с требованиями не размахивали. Впрочем, они ведь по сути и были местной оппозицией — не желающие принять официальную линию «мы в глубоком космосе» и выдвигающие свою программу «мы в глубокой виртуальности».

Хотя, на мой взгляд, существенным в данном случае было прилагательное.

На импровизированной трибуне из того же серого пластика стояли привезенный нами с Плюшки контейнер и два стула. Возле трибуны что-то оживленно обсуждала группа людей, среди которых были и Мастер, и Роман. Парализованный Палыч, к моему удивлению, тоже оказался среди них — на самодельном инвалидном кресле. К этой группе собравшиеся деликатно не приближались, как бы признавая их право на приватность.

— Руководство Ищущих, — пояснила Лена. — Что ж они, до сих пор не решили, что делать будут?

Да, похоже, там шел оживленный спор.

— Привет, Ленка! — сзади к нам подошел Орда. Лену приобнял, мне подмигнул и хлопнул по плечу. — Здорово, Катран.

— Привет, Орда, — ответил я.

— Ох, сейчас начнутся споры-раздоры, — весело сказал Орда. — Слышал, вы у Романа корабль купили?

— Купили, — признала Лена.

— Хороший корабль, — кивнул Орда. — Хотя ободрал он вас — к гадалке не ходи... Всем хорош человек, вот только выгоды своей никогда не упустит.

— Орда, а где наш пленник? — поинтересовалась Лена.

— Бледный Лис? Я его сегодня на шахту отвез. Двадцать пять километров к западу. Там Хач вкалывал, ему три месяца рудных работ за

пьяную драку вкатили. Ему еще неделю оставалось... ох, обрадовался же он, что смена появилась.

— Вы что, оставили его одного? — удивилась Лена.

— Конечно. Шахта в горах. Оттуда даже при хорошей погоде пешком не уйти, а уж весной, когда то метели, то ливни... Нет, захочет — пускай. Его жизнь, что хочет с ней, то пусть и делает.

Лена покачала головой.

— Сурово... И сколько парню определили?

— Полгода для начала. А там посмотрим.

— Гляжу, вы тут нормально обустроились.

— Планета хорошая, — дипломатично ответил Орда. — Только холодная и вода черная. А так... для синтезаторов все есть. У нас семь шахт, можно и еще поставить, но пока хватает.

— Что вы с Плюшкой-то не поделили? — спросила Лена. — Затаились тут... налет на станцию совершили... неправильно все это.

Орда чуть смутился.

— Да я тоже так считаю, Ленок. Правоту надо доказывать не войной. Но видишь... нашим вождям приперло...

Лена пожала плечами:

— Доиграетесь. Объявит Плюшка охоту не на «Сильвану» с похитителями, не на Мастера с Романом, а на всех Ищущих. Пообещает хороший приз. И все альянсы кинутся вас мочить. Сам понимаешь, не выстоите.

— Не выстоим, — согласился Орда. — О, Мастер на трибуну полез... послушаем, что он скажет?

Зиновий и впрямь поднялся на трибуну. Шутливо раскланялся. Помахал руками. Разве что воздушных поцелуйчиков в толпу не послал.

Народ приветственно зашумел.

Странная вещь — толпа. Вроде ничего и не различить в гомоне. А вот общее настроение, «средняя температура по палате», чувствуется сразу.

Вот сейчас мне показалось, что к Зиновию относятся приветственно, уважительно. Но в то же время подлинным вождем или великим трибуном его не считают. Может быть, постоянные попытки казаться настоящим лидером его и губят, вызывают в соратниках легкую иронию...

— Друзья! Братья и сестры! — торжественно начал Зиновий.

— И тебе привет! — выкрикнул кто-то. — Не тяни резину!

Зиновий снисходительно улыбнулся, давая понять, что снисходителен к такой фамильярности. Потом посерьезнел.

— Прошу всех почтить минутой молчания память Кости-Динамо. Мы

все его хорошо знали. Было в нем и хорошее, и плохое. Но пусть теперь в наших сердцах останется только хорошее... только самое светлое. Мир ему — там, где он теперь есть. Скорбим, Костя!

Шум стих. Несколько человек, бывшие в головных уборах, стянули свои кепки и береты.

Зиновий придирчиво осмотрел собравшихся, будто выискивая уклонившихся от скорби. Но таковых не нашлось, и Мастер кивнул:

— Хорошо. Теперь о нашей акции. Информация от агента оказалась верной. Гасильник действительно был разработан. И нам удалось его захватить.

Часть народа радостно завопила. Часть недоуменно зашумела.

— Для тех, кто не совсем в теме, — продолжил с улыбкой Зяма. — Три месяца назад мы выяснили, что при изучении боевых систем, которые может продуцировать Плюшка, было открыто новое оружие. Из общеизвестных списков оно исключено... технология производства осталась в одном из резервных коллоидов памяти. Возможно, создатели Плюшки предполагали, что гасильник будет открыт с течением времени, когда в действующем ныне коллоиде накопятся усталостные ошибки и он будет заменен. А может быть, гасильник по здравом размышлении решили вообще убрать из списка доступных вооружений — но забыли стереть из запасного блока...

— О чем он? — спросил я Лену. И поразился тому, как изменилось ее лицо. Она одновременно побледнела и пошла красными пятнами. Но ответила:

— Программы для синтезаторов хранятся в контейнерах с коллоидным гелем. Это элементы памяти здешних компьютеров. Часть программ активирована, часть пока нет — видимо, станут доступны с течением времени... но все равно, можно было выяснить, что там еще содержится... в закромах родины...

— А гасильник?

— О нем ходили слухи, хотя в доступной базе такого оружия не существовало. Гасильник — оружие против звезд. Он их тушит.

Я снова посмотрел на Зяму.

— Самое забавное, — продолжал тот, — что мы сумели захватить не просто схемы, а тот самый, единственный на Плюшке коллоид, позволяющий создать гасильник. Так что теперь у нас есть матрица для производства этого оружия. На Плюшке — нет.

— Понятно, чего они так запаниковали... — прошептал я.

— Это замечательно, — выкрикнул кто-то из толпы. — Но что мы

собираемся с ним делать?

— Передаю слово Роману! — Зяма махнул рукой и уселся на стул. Роман поднялся на трибуну.

Толпа снова притихла.

Роман поднимался на сцену неспешно. То ли выдерживал паузу, то ли небезосновательно побаивался, что пластиковые листы под ним подломятся.

— Друзья, буду краток! — начал он.

— Значит, надолго, — вздохнул Орда. — Эх, надо было фляжку прихватить...

— Мы не стремимся к власти, — заявил Роман. — Мы не собираемся подчинить себе кланы и альянсы, взять под контроль Плюшку. Нет! Это не наш метод. Мы хотим лишь одного — чтобы нас выпустили из этой игрушечной нереальности. Мы хотим вернуться домой!

Возражений не последовало.

— Что мы можем предпринять? — продолжал Роман. — Цели тех, кто держит нас в плену, нам неизвестны. Механизма воздействия на реальный мир из нашей виртуальности — нет. Коллективно самоубиться? А смысл? Не факт, что после этого мы откроем глаза на Земле. Очень может быть, что мы действительно умрем.

— А он всерьез верит, что это все иллюзия, — заметил я.

Лена кивнула:

— Здесь все верят. Кто больше, кто меньше. Но базовая вера есть у всех... наверное.

Роман продолжал:

— Из этих печальных фактов исходит основной вариант наших действий. Мы можем влиять только на этот мир. — Роман развел руками. — И если наше влияние окажется не таким, как планировали наши пленители, если вся затеянная ими игра пойдет наперекосяк — им придется что-то делать. Возможно, вернуть нас. Возможно... — он помолчал, — стереть. Но попробовать выйти из-под контроля — стоит!

— А что, если это все-таки настоящий мир? — К трибуне внезапно вышел молодой парнишка. — Если мы ошибаемся? Что тогда?

Все-таки даже у них существовали колеблющиеся. И судя по одобрительному гулу, парнишка был не одинок в своих опасениях.

— Я отвечу, Бесенок, — добродушно сказал Роман. — Если этот мир, паче чаяния, настоящий — то тем лучше! Когда мы начнем радикально на него влиять — те, кто нас сюда направил, опять-таки вынуждены будут вмешаться. Либо попытаться остановить нас силой. — Он сделал паузу,

улыбнулся — и толпа зашумела, с готовностью соглашаясь, что уж силой-то их не остановить. — Либо — пойти на переговоры и предложить возвращение на Землю.

Роман помолчал, потом вздохнул:

— Друзья, я должен сказать то, что многих смутит или испугает. Я был одним из первых, отстаивающих версию виртуальности нашего существования. Я стоял у истоков нашей группы... пусть кто-то называет нас сектой — я предпочитаю термин «научная группа Ищущих». Но сейчас, после всех исследований и экспериментов, которые мы провели за два года, — я в затруднении. Я бы даже сказал так — пятьдесят на пятьдесят. Есть несообразности, которые говорят за виртуальность. Есть данные, которые убеждают в реальности мира. Я не могу с уверенностью поддержать ту или иную точку зрения.

Вот теперь толпа взорвалась. Ор стоял такой, что хотелось заткнуть уши. В Романа летели оскорбления, упреки, саркастические замечания. Отборный мат прочно занимал свою долю.

Роман держался стойко. Он дал толпе выкрикаться, стоя с невозмутимым лицом. А потом на его губах заиграла ироническая улыбка. И чем шире он улыбался, тем тише становилось вокруг.

— Спасибо, — негромко сказал он, когда гомон стих. — Так вот, гасильник позволяет поставить окончательный, решающий эксперимент. Он вынудит наших похитителей вмешаться в любом случае. Вы все уже поняли, что мы собираемся сделать, верно? Мы будем гасить звезды!

Теперь его слушали в полной тишине.

— Мы начнем со звезды, вокруг которой вращается Плюшка. Мы продолжим со звездами, вокруг которых устроены основные базы альянсов и кланов. Мы будем гасить звезду за звездой. Тихо, спокойно, без пыли и копоти. Без жертв... если нас не попробуют остановить. Что произойдет дальше? Нашим похитителям такая игра придется не по вкусу. И они...

Он поднял руку и стал загибать пальцы:

— Либо уничтожат всех нас. Я это считаю маловероятным, но — раз! Либо пойдут на переговоры и предложат нам вернуться на Землю — два! Либо начнут зажигать погашенные звезды — три! Первый вариант вряд ли кому-то по нраву. Но лучше умереть стоя, чем жить на коленях! Лучше дать бой врагу, чем покорно плясать под его дудку, спиваться и умирать в нелепых схватках... Второй вариант наиболее предпочтителен — и наиболее вероятен. Ведь это позволит нашим врагам сохранить здесь основную часть пилотов, отделаться малой кровью и легким испугом. Ну и третий вариант... он просто даст однозначный ответ — мы находимся в

виртуальном мире. В мире, где возможно зажечь погасшую звезду. В мире, из которого мы все равно выберемся, так или иначе. Но по крайней мере мы будем избавлены от сомнений!

— Почему ты считаешь, что нас вернут на Землю? — Вышедший вперед парень по прозвищу Бесенок невольно взял на себя роль адвоката дьявола. — Если уж мы в виртуальности — то почему бы нас не стереть?

— Это если мы — файлы в сети, — усмехнулся Роман. — Но позвольте уж мне, как человеку, занимавшемуся искусственным интеллектом, высказать такое мнение: это маловероятно. Не было на Земле предпосылок к тому, чтобы переписать человеческое сознание в электронные машины. Вот подключить к компьютерам, создать иллюзию — да, теоретически возможно. Так что наши похитители имеют дело не с двумя сотнями файлов, а с двумя сотнями тел.

Такое массовое убийство — не шутка. Это раз! А второе — нашими контрактами не предусмотрено наказание в виде смертной казни за тушение звезд. А мне кажется, что букву контракта они все-таки пытаются соблюдать. Это два!

— Он все время сам себе противоречит, — шепнул я Лене. — Одна версия не стыкуется с другой. Я — не я, лошадь не моя...

— Зато сразу все возражения отмел и успокоил, — прошептала Лена.

А Роман продолжал:

— Самое страшное на свете — это даже не смерть. Наверное, даже и не рабство. Самое страшное — неизвестность...

У него изменился голос, теперь он говорил проникновенно, задумчиво, негромко. И все напряженно вслушивались.

— Если бы нам сказали честно — где мы и что с нами. Если бы мы знали, исходя из чего строить свою жизнь... Но нас держат в темноте, нам не дают ответа. И рассеять эту тьму — наше право и наш долг. Даже если для этого придется тушить звезды!

Вот теперь ор толпы стал однозначно одобрительным. Кто-то рукоплескал, кто-то орал, размахивая в воздухе руками.

— Вообще-то нам сказали! — прокричала мне на ухо Лена. — Нам всем сказали, что это всерьез, что мы в космосе! Только некоторые умники не хотят верить!

Я согласно кивнул. Агентство «Звездный час» можно было обвинять в чем угодно, но свою версию происхождения они каждому подписавшему контракт сообщили. Да если честно, их и похитителями назвать было трудно — ведь никто никого не неволил. Подписали контракт? Захотели поиграть по-настоящему?

Так какие теперь претензии?

— Кто за то, чтобы создать гасильник — и испортить сволочам их игру? — воскликнул Роман. — Голосуйте! Простое поднятие рук! Кто за?

Собравшиеся были почти единодушны.

— Кто против?

Против, к моему глубокому удивлению, оказался тот самый дедок, который командовал душевой. Его рука трепетала над толпой, как ива на ветру.

— Генерал? — Роман был явно удивлен.

А то, как он произнес «генерал», наводило на мысль, что это не просто случайное прозвище.

— Позволь в двух словах объяснить! — не опуская руки, сказал дед. — Гасильник ваш — это как атомная бомба. Я тебе доверяю. Наверное, поможет. Вот только атомные бомбы для того и создавались, чтобы никогда их не взрывать. И это, Роман, меня смущает.

Роман развел руками, будто не считая возможным спорить со стариком. Ему на помощь неожиданно пришел Зяма:

— Генерал, мы тебя все уважаем и ты говоришь дело. Вот только ты прав, если на дворе — мир. А у нас война идет. Скажи, дали бы тебе приказ — ты бы свои ракеты запустил?

— А черт его знает, Зяма, — с хорошо знакомым хихиканьем ответил Генерал. — Как на духу говорю — не знаю.

Зяма смутился. Но общего эффекта это все равно не испортило.

— Кто воздержался? — быстро продолжил опрос Роман. Воздержавшихся было шестеро.

— Хорь, ты же был «за»! — удивился Роман.

— Генерала послушал — передумал, — лаконично ответил белобрысый парень.

— Вольному воля, — демократично согласился Роман. — Итак, подавляющим большинством — за! А теперь... — Его взгляд выхватил из толпы Лену. — Теперь мы попросим наших уважаемых гостей, Водилу и Катрана, удалиться. Как я понимаю, они поспешат на Плюшку... в целях благополучного завершения полета я даже отдал им свой корабль.

— Продай, — негромко сказала Лена.

— Я считаю, что мы должны прямо и честно сообщить администрации Плюшки, каковы будут наши действия и каковы движущие нами мотивы. Согласны?

Ищущие были согласны.

Они вообще не выглядели злодеями, хоть и собирались потушить

десяток-другой звезд.

— До свидания, спасибо за помощь! — Роман помахал нам рукой.

— Пошли. — Лена взяла меня за руку и потащила сквозь толпу. — Нам все четко объяснили, пошли...

— Ленка... — негромко позвал ее Орда. Татарин выглядел смущенным. Но Ленка не обернулась.

— Подождем, пока гости покинут зал, — вещал за нашими спинами Роман. — А пока я попрошу Альтаира и Хемуля крепко взять под руки Сашу Черного.

В толпе возникло шевеление.

— Саша, мы давно знаем, что ты работаешь на администрацию Плюшки, — продолжал Роман. — Это нас вполне устраивало. Раньше. Но теперь нам надо что-то делать, верно?

Мы вышли в туннель. За нами неторопливо двигались двое Ищущих. Просто шли — контролировали, куда мы пошли. Из зала доносились возгласы и споры.

— Думаешь, нас отпустят? — спросил я Лену.

— Думаю, что да, — негромко ответила она. — Хотя руку на отсечение я бы не дала.

В сопровождении своих вежливых конвоиров мы дошли до космопорта. Корабль уже был заправлен, ракеты вернулись на свои места — под хищно выгнутые вперед крылья-клешни. До самого последнего момента я ожидал какой-то неприятности.

Но нас действительно отпускали.

Силовое поле, закрывающее котлован, исчезло — и вниз черными хлопьями посыпался снег. Повинуясь командам Лены, я поднял корабль с земли — все происходило медленно, плавно, никаких огненных выхлопов и прочих эффектов.

Небо над Нигредо было ослепительно голубым.

Сияло солнце.

Блестя на солнце, снег лежал.

Он действительно блестел — этот бесконечный черный наст. Так искрятся темно-синие сапфиры, так отблескивает кусок антрацита.

— Красиво, — сказал я.

В рубке «Феникса» обзор был гораздо лучше, чем в «Сильване». Не «ветровое стекло», а выдающийся вперед прозрачный пузырь, перед которым стояло пилотское кресло и приподнятый на тонкой консоли пульт.

— Странно, но красиво, — согласилась Лена. — Хотя жить тут... крыша съедет. Что, похоже, у господ Ищущих и случилось...

— А где же та страшная снежная буря, что мешала заправить «Сильвану»? — спросил я.

— Направо посмотри.

Я посмотрел.

Да, картина была впечатляющая.

Пелена черных — по-настоящему черных облаков тянулась до горизонта. Под облаками будто растянули темную кисею — это шел снег. Облачный фронт медленно приближался.

— Повезло, — сказала Лена. — Взлетели в разрыв бури... Набирай скорость. Будем взлетать по-самолетному.

— Куда лететь-то?

— Туда. — Она указала рукой в сторону горной гряды, припорошенной все тем же черным снегом. Лишь вершина была серой, почти белой — там обнажились скалы. Смешное сходство с земными горами, где вершины белые от снега. — На запад, по вращению планеты, так энергетически выгоднее.

Основы управления кораблями были схожи. Я слегка потянул на себя штурвал и дал «газ». Корабль рванулся вперед, постепенно поднимаясь...

— Стой! — вдруг воскликнула Лена. — Тормози, Катран!

Я отреагировал непроизвольно — нажал на «тормоз». Корабль вздрогнул, по нему прошел неприятный гул.

Но мы остановились — почти мгновенно.

— Гляди! — Лена встала из кресла, приникла к стеклу.

Я тоже встал — «Феникс» послушно висел в воздухе на полукилометровой высоте.

Вначале я увидел шахту. Сверкающий на солнце металлический конус в отрогах гор, к которому тянулась извилистая ниточка дороги — чуть-чуть выделяющейся на фоне снегов, чуть более серой.

Потом я увидел белую точку. Медленно-медленно движущуюся по дороге вниз — она уже почти достигла равнины.

— Что это? — Я еще не понял.

— Бледный Лис, — уверенно сказала Лена. — Рванул с шахты в поселок.

Я покосился на север. На подступающие тучи.

— Придурок. Смертник.

— Да уж, без сомнения, — сказала Лена. — Но упрямый.

Точка остановилась. Наверное, Бледный Лис стоял сейчас, запрокинув голову, и смотрел в небо.

— И что предлагаешь? — спросил я.

— Пилот — ты.

— И все-таки?

— Катран, мне доводилось бросать человека в... подобной ситуации, — сказала Лена. — Да, да. Не надо этих выразительных гримас. Доводилось. Насколько я знаю — он погиб.

— Ты сожалеешь о том, что его бросила?

— Нет. Он был плохой человек, поверь.

— Но ты об этом помнишь?

Вот теперь Лена помедлила перед ответом.

— Да. Все время.

— Сядь в кресло, — сказал я. — Садимся.

Как же мне не хотелось выступать в роли доброго самаритянина!

Но я отжал штурвал от себя — и «Феникс» легко, будто парящая птица, начал снижаться к черному снежному полю и застывшей на нем белой точке.

Лететь к Плюшке не напрямую, а через промежуточный пункт предложила Лена. Мне кажется, она слегка побаивалась, что Ищущие передумают и отправят за нами погоню. Во всяком случае, когда мы подобрали Бледного Лиса и стартовали с Нигредо, то взяли путь на систему звезды Арена.

— Самое удобное место, чтобы обрубить хвосты и затеряться, — объяснила Лена. — Это голая система. Абсолютно чистая, словно пылесосом прошлись — ни планет, ни астероидов. Тем и ценна.

— А что в этом ценного? — не понял я.

— Название ничего не говорит? — отозвался Бледный Лис. Парень сидел сзади, отпаиваясь горячим чаем. — Арена — место для дуэлей. Для выяснения отношений... ну, если соперники настроены на рыцарские поединки, а не на настоящую свару.

— Там вечно болтаются пилоты, которым хочется пострелять, — пояснила Лена. — Иногда сходятся целые кланы, но это редкость...

Впрочем, насчет редкости она погорячилась. Или же нам повезло.

Когда мы вышли из гиперпрыжка, экран зарябил от желтых точек — нейтральных по отношению к нам кораблей.

— Ой-ой-ой. — Лена подалась вперед, изучая изображение, проецируемое на внутреннюю поверхность обзорного экрана. — Раз, два, три... четыре клана. Два на два... построение концентрическое у одного, звездой у второго... Это второй альянс — Торговая Федерация и Рыцари Удачи. А это первый — ГТК и Андеры... Короче, Катран. Сейчас нас будут

вызывать — я молчу. Ты обо мне ни слова. Ты новичок, следуешь на Плюшку, ни с кем в союзе не состоишь...

— А почему?

— Если я отзовусь — нам придется влезать в этот междусобойчик, я же во Втором Альянсе. А я между своими бои не очень люблю.

— Неизвестный пилот на «Фениксе», вышедший из гиперпрыжка! — загремело в кабине. — Назовитесь!

Я посмотрел на Лену — она кивнула.

— Пилот Катран. Следую на Плюшку. С кем я говорю?

— Седой, клан Территория Террора. Мы осуществляем посредническую миссию между Первым и Вторым Альянсами. В какой клан вы входите?

— Ни в какой.

Седой хмыкнул. Спросил:

— А войти не желаете? Для новичка — очень удачная ситуация. Силы примерно равны и ваше появление может стать решающим.

— Нет, я лучше в сторонке посмотрю, — вежливо ответил я.

— Ну смотри, — неодобрительно сказал Седой. После чего заговорил, обращаясь уже не к нам: — Господа! От имени клана Тэ-Тэ в последний раз задаю вопрос собравшимся — готовы ли вы решить свои проблемы миром?

— Говорит Перл, — послышался женский голос. — Говорю от имени ГТК. Мы готовы разойтись миром. Зона звезды Гардения остается за нами, зона звезды Светлячок остается за Торговой Федерацией.

— Гаалек, подтверждаю слова Перл, — сказал мужчина.

Лена похлопала меня по плечу. Тихонько шепнула:

— Ну что, двигаемся?

— Давай посмотрим, — отозвался я. — Разрешили ведь...

— Порой и случайным наблюдателям достается... — заметила Лена. — Ну ладно. Только недолго.

— Ты хоть понимаешь, в чем суть?

— Территорию не поделили. — Лена пожала плечами. — Обычное дело. Жаль, Второй Альянс на дележку не согласится, они жадные.

— Ты же сама вроде как из Второго...

— Ну да, — кивнула Лена. — Я и говорю — там все жадины.

А в динамиках уже раздавался другой голос:

— Авл, клан Андеров. Присоединяюсь к предложению ГТК.

— Муса, Андеры, — это была женщина. — Да что нам, жалко, что ли? Светлячок — Второму, Гардению нам.

— Первый Альянс сделал свои предложения, — резюмировал Седой. Видимо, остальные члены Первого Альянса (на мой взгляд, на каждой стороне было не меньше полусотни кораблей) доверили решать лидерам. — Представители второго Альянса?

— Дрэгонрайдер, Рыцари Удачи, — с некоторой задумчивостью произнес мужчина. — Давно бы так. Но Светлячок не равен Гардении. Добавьте что-нибудь...

— Саса Босс, Рыцари Удачи, — резко, обрывая предыдущего, возник новый пилот. — Я против. Обе звезды наши.

Ленка махнула рукой:

— Ну все, понеслась душа в рай... Саса уперся рогом. Будет заварушка.

— А почему «Саса»? — спросил я. — Что это значит?

— Кто его знает. — Лена усмехнулась. — Может, он Саша, только шепелявит...

Похоже, Саса Босс не пользовался особой симпатией у Водилы.

— Смартстайл, Торговая Федерация, — сказал кто-то. — Да что без толку висеть, ребята? Давайте уж постреляем, что ли...

На мой взгляд, ситуация еще не была тупиковой. Во всяком случае, убедить требовалось только одного пилота.

Но Седой мыслил иначе:

— Решение принято, примирение невозможно. Сражение начнется по моей команде. Запрещено атаковать вышедших из боя, использовать ракетное и минное оружие. Честная дуэль на лучевом... Раз, два, три... начали!

Огоньки на экране задвигались. Все происходило в полной тишине, переговоров между пилотами мы не слышали.

— В общем-то смотреть с такого расстояния нечего, — сказала Лена. — Полчаса будут сближаться, кружиться, палить... Постепенно корабли станут выходить из боя. В итоге две-три безвозвратные потери с каждой стороны, десяток кораблей отправится в утиль, десяток в ремонт... — Она зевнула. — Рутинка. Так и живем.

— Двигали бы уж на Плюшку, — пробормотал Бледный Лис.

— А тебе слова не давали! — тут же вскинулась Лена. — Спасли тебя — ну и будь счастлив. Катрану полезно на сражения посмотреть! Смотри, Катран. Учись!

— Было бы чему, — пробормотал я.

— Ну как чему? — забыв все свои прежние слова, воскликнула Лена. — Вон висят корабли Территории Террора. Седой... Сиротка...

Крестоносец... остальных плохо знаю. Очень сильный клан, себе на уме. Вроде как выступает третейским судьей, но не удивлюсь, если это они и стравили оба Альянса. Любят поиграть на стороне победителя, знаешь ли... Вот атакующий порядок Рыцарей Удачи. Впереди прет Конн, на «Гиперионе». Очень сильный боец! Его прикрывает... по-моему, Коля Джи. Хороший парень, серьезный. С ними, похоже, схлестнется ГТК. Ага... на Конна выходит Вальдемар. Это будет заварушка еще та!

— Такое ощущение, — сказал я, — что слушаю футбол по радио. Нет, даже не футбол. Какой-нибудь кёрлинг или бейсбол. В общем-то в чем ни в зуб ногой. На мой взгляд, это одна группа огоньков сближается с другой группой огоньков...

Бледный Лис за моей спиной захихикал и сказал:

— Заешь, тебе бы понравилось у Ищущих. Они примерно так же все воспринимают. Огонечки... электронные импульсы... Там сейчас начинают палить лазерные пушки и силовые щиты полыхают всеми цветами радуги, отражая заряды высоких энергий. Плазменные заряды жгут титановую броню, реакторы сжигают в секунду такую мощность, что хватило бы всю Москву неделю отапливать...

— Ну не преувеличивай, — сказала Лена. — Хотя, конечно, Катран не понимает, что все это всерьез. Надо самому повоевать, да.

— Так, может, встанем на чью-то сторону? — предложил я.

— Не вздумай! — хором ответили и Лена, и Бледный Лис. Лена добавила: — Ты и минуты там не выдержишь. Тебя на всякий случай угостят и одни, и другие...

— Тогда объясняй, что происходит, — сдался я.

— Что происходит... — Лена задумчиво смотрела на экран. — Конн с Вальдемаром мочат друг друга. Пока с нулевым эффектом. А вот какую-то мелочь под горячую руку сожгли... Ой! Все, хана Второму Альянсу!

— Что случилось? — спросил я.

Лена ткнула пальцем в экран.

— Видишь? От звезды приближается «Прайм»? Это Мастдай. Темная личность... в бой вступает редко, но уж если вступает... Саса Босс, похоже, его появление прозевал... Вот оно! Гляди, Саса Босс выходит из боя!

— Почему? — спросил я, глядя, как одна точка стала выдвигаться в нашу сторону.

— Потому, что в него всадили хорошенький заряд плазмы, — хихикнула Лена. — Ну и поделом... трепло и грубиян. Можно сказать, Первый Альянс уже победил.

— Ты вроде как не огорчена.

— А чего огорчаться? Этой мой Альянс, но ты же видишь — клан Сайлент Стар в заварушке не участвует. Грестер не станет впутывать своих людей в невыгодное дело.

Кош — тоже хитрый лис. Если наши не полезли, то они заранее считали игру не стоящей свеч...

Лена говорила как-то все медленнее и медленнее, внимательно вглядываясь в экран. Потом попросила:

— Слушай, Катран, сдвинься-ка в сторону. Да не из кресла! Корабль отведи... Саса рвется прямо к гиперпереходу, мы у него на пути.

Я послушно заложил вираж, отводя корабль в сторону — чтобы дать подбитому лидеру Рыцарей Удачи возможность выйти из боя. И с удивлением заметил, что его траектория меняется — он снова приближался к нам.

— Я бы включил щиты, — тихо сказал сзади Бледный Лис.

— Мы не участвуем в сваре! — откликнулась Лена.

— А я бы все равно включил... — упорствовал Лис.

Поколебавшись, я протянул руку к пульту. Затрещал индикатор расхода энергии — вокруг нашего корабля возник кокон силового поля.

И в тот же миг нас тряхнуло. Экран залило ослепительно белым светом. Я вскрикнул, непроизвольно закрывая рукой глаза.

— Саса, ты атакуешь нейтрала! — послышался голос Седого.

Я отнял от глаз ладонь, поморгался, пытаюсь найти на экране атакующего.

— Пусть не болтается где не надо! — рявкнул Саса.

Похоже, ему просто хотелось сорвать на ком-то злость.

И мы для этого вполне годились...

Дав газ, я развернул корабль. И почти сразу увидел закладывающего вираж Сасу — его корабль был теперь подсвечен красным.

— Эй, на «Фениксе»! Уходите, я вас прикрою.

— Это Крестоносец, — сказала Лена. — Молодец, бдит... Катран, смывайся...

— Да черта с два... — лоя в прицел вражеский корабль, сказал я.

— Маневрируй, идиот, тебе его не подбить! — крикнула Лена. — Тут нужен монстр вроде «Прайма»...

В ее голосе была такая тревога, что я оставил свои планы — и рванул корабль в сторону. Вовремя — Саса выпалил еще раз, но промазал.

— «Феникс», уходи, он у меня свое отгребет! — Наш защитник явно был возмущен происходящим.

— Как могу, так и ухожу... — пробормотал я. Мы были маневреннее,

но мне явно не хватало опыта — я нутром чуял, что вот-вот в нас всадят еще один залп. И не факт, что на этот раз защита выдержит — индикаторы силового поля все еще тлели красным.

Но в этот момент корабль Крестоносца скользнул между нами и Сасой — и тот с готовностью переключился на новую цель. Мы отступали, постепенно выворачивая к гиперпереходу, а два отделившихся от схватки корабля осыпали друг друга выстрелами. Не знаю, как долго бы длилась эта дуэль, но тут из общей кучи малы вывалился «Прайм» Мастдая. На полном ходу рванул к Сасе, увлеченному перестрелкой с Крестоносцем, и тот вновь заметил его слишком поздно.

А может быть, и не заметил — до самого залпа...

Экран полыхнул, будто стреляли в нас, хотя до дуэлянтов было километров десять. Огневая мощь «Прайма» действительно поражала. А когда свет погас, корабля Сасы на экране уже не было. Только по силовым щитам протарабанила веселая дробь.

— Сигнала жилой капсулы не фиксирую, — сказал Седой. — Крестоносец, возвращайся, твоя помощь больше не требуется... А ты, Катран, лучше бы смывался от греха подальше.

— Ну орел, — сказал, хихикая, Бледный Лис. — Подставил Сасу Босса. Он, конечно, давно нарывался — и Крестоносец, и Мастдай на него зуб имели. Но ты дал им повод.

— Какой повод? — спросил я, разворачивая корабль. Мне действительно хотелось побыстрее удрать от Арены. — Он сам напал, я даже не стрелял! Купит себе другой корабль...

— Ты что, не слышал, сигнала жилого модуля нет! Все, конец ему, вместо с кораблем сгорел. А началась заварушка все-таки с тебя.

Меня пробил холодный пот.

— Бывает, — меланхолично сказала Лена. — Но Рыцарям Удачи тебе теперь лучше не попадаться. Мастдая или Крестоносца завалить — дело сложное, а вот на тебе оторваться они могут без проблем.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
«ИМЕЮ КОРАБЛЬ — ГОТОВ
ВОЕВАТЬ!»

ГЛАВА ПЕРВАЯ, в которой Валентин переживает за плохо вымытый пол

— Я знаю десятка два людей, играющих в «Старквэйк», — сказала Лена. — Можно сказать, собственное расследование провела.

— Как раз то, чем я хотел заняться, — признался Валентин.

— Ну так слушай, может, пригодится... — Лена вздохнула, подперла руками подбородок. Они сидели на кухне уже полчаса, пили по второй чашке кофе. Валентин закончил рассказывать свою историю, настал черед Лены.

— Весь внимание, — серьезно сказал Валентин.

— Я случайно во все это влезла. — Лена крутила в пальцах чайную ложку. — Я ведь таксист, из института ушла после второго курса. Так сложилось... не важно теперь почему. В те дни как раз расходилась со своим... жили уже порознь, но еще пытались что-то склеить... странно, да?

Обычно наоборот бывает... Однажды подвозила человека в это агентство, от него и услышала про необычную игру. Потом оказалась рядом, зашла... В общем, все это выглядело странно, но первый день-два я ничего особенного не подозревала. Сидишь, играешь... Мне понравилось, я вошла в клан Сайлент Стар из Второго Альянса. Подружилась со многими... Потом обнаружила, что пока меня нет в игре — с моим кораблем продолжают происходить какие-то события. Он летает, сражается... Причем все это выглядело очень... очень правильно. Я бы и сама делала то, что мой персонаж делал без меня. А потом... потом я поговорила сама с собой.

— Как?

— Заново зарегистрировалась на сайте. Вошла под чужим именем. Ну, то что кораблик снова был маленький и слабенький, «Сильвана», это ерунда. Но почему-то я поняла, что мне неинтересно играть. Как-то все стало... понарошку. Игра не затягивала. Но я играла, пыталась наблюдать за тем, что происходит во Втором Альянсе. И вдруг наткнулась на собственный корабль. Он шел с группой других кораблей, я даже знала, куда они собрались... там планировалась военная операция... Я начала напрашиваться к ним. Надо мной, конечно, стали смеяться. Я терпела, задавала наивные вопросы... И дождалась — со мной стала разговаривать

Водила. То есть я сама — это было мое игровое имя. Знаешь, жуткое ощущение. Вначале я пыталась вывести обманщика на чистую воду. А потом... потом поняла, что разговариваю с собой. Она строила фразы так, как я. Она знала то, что знала я. Это был либо талантливейший имитатор, хорошо меня изучивший... но зачем? Кому это надо? Либо это была я. Та, которая завербовалась работать пилотом. Мне стало страшно... — Лена неожиданно улыбнулась. — А потом мне стало завидно.

— Завидно?

— Конечно! Пока я разбиралась в своей дурацкой личной жизни, зарабатывала на кусок хлеба, дышала выхлопными газами, стояла в пробках и сходила с ума от скуки — она жила! Летала на космическом корабле. Воевала. У нее появились верные друзья. В ее жизни были настоящие мужики. Понимаешь?

— За исключением мужиков — вполне. — Валентин усмехнулся. — То есть ты веришь? Это все настоящее и наши двойники — в космосе?

— Верю. — Лена кивнула. — Черт, как же я хочу туда попасть!

— А может быть, она хочет вернуться?

— Не думаю... — Лена достала сигареты. Валентин кивнул, придвинул ей пепельницу. — В общем, я не стала больше входить под чужим именем. Это было неправильно и неинтересно. Когда я играла за себя — я управляла ситуацией. И я чувствовала, что это всерьез.

— Как это могло быть? — спросил Валентин. — Если там тоже ты, то почему она подчиняется?

— Я думаю, мы просто поступаем одинаково, — сказала Лена. — А может быть, кто-то из нас навязывает друг другу свои мысли, свои решения...

— Ты говоришь, что знаешь многих игроков лично?

— Да. Мы ведь иногда встречаемся. Я стала ходить на эти посиделки... обычно где-нибудь в пивнушке, сам понимаешь. Разговаривала... Постепенно кое-что стало проясняться. Во-первых, есть те, кто регистрировался в игре через интернет. Для них «Старквэйк» — это просто игра. Увлекательная, но не более. Во-вторых, есть те, кто вербовался через «Звездный час». Вот тут сложнее. Многие играли и чувствовали то же самое, что и я... ощущали своего двойника там, в космосе. Кто-то более явственно, кто-то менее. Многие рано или поздно гибли. Смерть в игре — это не конец, ты возвращаешься на станцию и продолжаешь играть. Но некоторые, вернувшись, почувствовали, что все изменилось. Игра стала... скучнее? Преснее? В общем, я думаю, что их двойники погибли. И теперь они всего лишь играют, управляют нарисованным корабликом, не более

того. Кто-то спасся. И для них игра осталась все той же, увлекательной и затягивающей.

— А многие понимают, что это не просто игра? Верят в то, что они — там?

— Я знаю двоих, — ответила Лена. — Сам понимаешь, о таких вещах не кричат, никому не хочется выглядеть психом.

Валентин кивнул. И осторожно спросил:

— Ты часто... чувствуешь? То, что с ней, — он указал взглядом вверх, — происходит?

— Иногда во сне. Иногда вроде как отголоски каких-то эмоций... то страх, то волнение, то желание... — Лена улыбнулась. — Вроде как сильные эмоции пробиваются. Мысли вроде бы не проходят.

— У меня вот только сегодня... во сне.

— Да, мы там хорошо оттянулись. — Лена засмеялась. — Глупость какая, да? Вроде получается, что и у нас с тобой что-то было. Но ведь не было же...

— В юности у меня была такая ситуация, — признался Валентин.

— Как это? — заинтересовалась Лена.

— Собрались компанией на даче, отмечали окончание сессии. Была девчонка, мы друг другу нравились... в общем, напились сильно. Сильно и неумело. Проснулись утром в одной постели, абсолютно голые и в обнимку. Но было у нас что-то или нет — не помним.

— И как вышли из положения? — развеселилась Лена.

— Как, как... обсудили ситуацию, не вылезая из-под одеяла. Ну и решили, что для ликвидации сомнений надо все-таки заняться сексом. На самом-то деле больше всего нам хотелось холодного пива. Но мы честно все сделали. Больше, кстати, у меня с ней никогда ничего не было, хотя друзьями остались.

Лена засмеялась.

— Хорошая история. Только я уверена, что ты чуть-чуть привираешь. Думаю, ты помнил, что ничего не было. Но решил все-таки довести до конца то, что не получилось ночью.

Валентин секунду молчал, потом кивнул.

— Верно. Я помнил, что мы пытались, но у нас ничего не получилось. Ты молодец.

Лена развела руками.

— Просто мужчин знаю... Так что мы будем делать?

— Это зависит от того, что мы хотим. — Валентин пожал плечами. — Я собирался написать статью про рекламную политику игровых компаний.

Но теперь... теперь получается какая-то ерунда. Написать, что агентство по трудоустройству отправляет людей в космос — это убить себя в профессии. После этого только в «Твой день» статьи сочинять.

— А если тебе поверят?

— Невозможно. Никто не поверит. Кроме каких-нибудь уфологов и контактеров. Тем более что они ведь не будут сидеть сложа руки... Почему ты меня предупреждала не выходить из дома?

— Потому что я уже пыталась поговорить начистоту с одним человеком, который знал, что его двойник на самом деле живет где-то в космосе. Когда я ехала на встречу, меня трижды останавливали гаишники. Без всякого повода. Удалось все три раза освободиться быстро. Тогда ко мне притерся «лексус», мы слегка помялись. Пришлось ждать гаишников — на этот раз они не торопились. В общем, на встречу я опоздала. Когда попыталась приехать во второй раз — мужику позвонили из школы, сказали, что его ребенок, первоклассник, потерялся на экскурсии... Он примчался в школу — его сын сидел за партой, все было в порядке. Кто звонил, так и не удалось выяснить. Мужик подумал немного и сказал мне, что больше не желает разговаривать на эти темы. Что он «намеком понял», и ему ребенок дороже выяснений, есть там кто-то в космосе или нет там никого. Я его не осуждаю.

Валентин кивнул.

— Они за нами подглядывают, — сказала Лена. — Не думаю, что за всеми и всегда, но бурное любопытство отслеживают довольно быстро. И намекают... как умеют. Что не стоит копать слишком глубоко. Знаешь правду? Ну и знай. Но не распространяй. Не гони волну.

— С банкой икры — это было почти смешно, — сказал Валентин. — Но с другой стороны... это ведь и впрямь намек. Дальше может быть хуже. Даже если у них нет никаких завязок во власти — организация с такими возможностями может легко растоптать человека. Я не говорю — убить, это проще всего. Достаточно выставить вором, психопатом, идиотом...

— Трусишь? — спросила Лена, глядя исподлобья.

— Трушу, — признал Валентин. — Мне приходилось писать статьи, которые задевали сильных людей. Не то чтобы часто... Но я всегда знал, что есть возможность лавировать. Что кому-то, наоборот, эта статья понравится, что на моей стороне тоже есть какая-то сила...

— Свободная и независимая пресса! — насмешливо сказала Лена.

— Свобода — это всегда результат лавирования. — Валентин не стал спорить. — Никто не свободен абсолютно. Даже президенты. Даже президент США. Всегда есть давление интересов и...

— Понимаю, не дура... — Лена погрузилась. — Значит, на тебя рассчитывать не стоит?

— В чем? Я же говорю — давай определимся вначале, чего мы хотим?

— Я хочу туда, — твердо сказала Лена. — Хочу космический корабль. Хочу пилотировать. Хочу настоящей жизни, настоящих приключений.

— Лихо. — Валентин почему-то и не сомневался в таком ответе. — А я, если честно, сам не пойму, чего хочу. Разобраться, наверное. Понять, что происходит.

— И рискнешь?

— Надо понять, с чем мы имеем дело. Тайная правительственная программа?

— Ой, не смей меня! — Лена махнула рукой. — Россия имеет секретный космический флот на Альфе Центавра...

— Тоже так не думаю... к сожалению. Американские испытания?

— А зачем на русских? Они бы и у себя подопытных кроликов нашли. Да и трудно такую операцию проворачивать в чужой стране. Нет. Не американцы, не англичане, не евреи...

— Зеленые человечки? — Валентин попытался улыбнуться. Улыбка вышла какая-то вымученная.

— Больше ничего не остается, — твердо сказала Лена.

— Но зачем?

— Я даже фантастику специально читала, чтобы понять. Было несколько книжек, где людей с Земли увозили в космос, потому что из всех разумных существ люди оказались самые воинственные. По сравнению с обычной пенсионеркой или тинейджером самые лихие инопланетные вояки были слабаками и неврастениками.

— Ух, какая версия. — Валентин заулыбался. — Самолюбию льстит... Ну, допустим... А с кем они там в игре воюют?

— Ты даже не разобрался? — Лена удивилась. — Во-первых, сами с собой. Делятся на кланы-альянсы и выясняют отношения. Во-вторых, иногда появляются корабли жуков. Это такие воинственные существа, использующие биотехнологии. Договариваться с ними невозможно, на контакт они не идут. Живыми не сдаются. Самые трудные противники...

— Вот и версия, — оживился Валентин. — Некая цивилизация страдает от набегов этих... битлов. Воевать самим им не скучно, противоречит моральным убеждениям, да и цена жизни там очень высока. Поэтому на ближайшей... хорошо, необязательно ближайшей планете вербуются азартные индивидуумы, которых хлебом не корми — дай повоевать в космосе. При этом даже нельзя сказать, что вербуют их

насильно или обманом — каждого предупреждают, говорят всю правду... если люди в нее не верят — это уже их проблемы... И вот в космосе выстроена платформа, на которой базируются тысячи кораблей. Пилоты воюют друг с другом и наращивают боевой опыт. А когда мимо начинают лететь чужие корабли — набрасываются на них! Все логично, кстати. Живой щит. Наемники.

— Давай я поищу возражения, — сказала Лена.

— Давай. Поработай адвокатом дьявола. Это означает...

— Валя, у меня нет высшего образования, но я не дура.

— Извини, — смутился Валентин.

— Не опасно ли для инопланетян создавать такую могучую армию рядом с собой? А вдруг она повернется против них самих?

— Нисколько, — быстро сказал Валентин. — Если она полностью зависит от одной космической станции.

— У пилотов есть планетарные базы, рудники...

— И они полностью автономны?

— Нет. — Лена покачала головой. — Насколько я знаю, корабли может строить только Плюшка. На автономных базах производят топливо, боеприпасы, отдельные блоки...

— Вот и ответ.

— Почему бы не нанять военных? Пилотов?

— У них все равно нет опыта работы в космосе...

— Если бы мы знали... точно знали, что у людей, попавших туда, не рождаются дети, это был бы довод в пользу «живого щита», — кивнула Лена. — Пока у людей нет семьи, детей — они не составляют цивилизацию. Нет риска, что они будут полноценно развиваться и станут угрозой... Ладно, давай другие варианты. Я читала книжки, где людей забирали с Земли в космос, чтобы наблюдать за ними. Проводить эксперименты. Нет, не биологические! Просто чтобы понять человеческую природу, научиться управлять людьми...

— Подготовка к вторжению? — Валентин подумал секунду. — Нет, не верю. Там слишком нестандартная ситуация, она не похожа на земную. Проще было построить город, забрать туда людей целыми семьями, наблюдать за обычной жизнью... А еще проще — следить за жизнью на Земле. Если уж они способны вмешиваться на таком уровне! Подстраивать мелкие аварии, обвинять в мелких кражах...

— Согласна, — сразу кивнула Лена. — Так, что еще?

— Развлечение, — мрачно сказал Валентин. — Как ни обидно, но все это может быть всего лишь их способом развлекаться. Бои гладиаторов...

реал-шоу. В этой сфере такого говна намешано!

— Неприятно, но возможно, — согласилась Лена.

— Если уж совсем в фантастику впадать — так почему бы не решить, что они питаются сильными эмоциями?

— Тогда им достаточно было бы подлететь к любому ЗАГСу. Тут тебе и радость, и ненависть. Ну или где-нибудь на Ближнем Востоке курорт устроить. Сплошные эмоции, уже несколько тысяч лет... Что еще?

Валентин развел руками:

— Я иссяк. Версия «живой щит», если главная потребность инопланетян — безопасность. Версия «гладиаторы», если главная их потребность — развлечения. Ну допустим, все-таки пять процентов вероятности, если версия «подопытные» — тогда их цель это изучение людей. Все! Больше ничего в голову не лезет.

— А если выйти за пределы инопланетной версии?

— Как? Либо организаторы всего этого на Земле, либо они в космосе. Первый вариант мы отвергли. Остался второй.

— Время, Валентин.

— Сейчас... — Он глянул на часы. — Полвторого.

Лена подняла руку, продемонстрировав собственные часики.

— Я не о том. Я говорю, что пришельцы могут быть не только из пространства. Но еще и из времени. К примеру — люди будущего столкнулись с врагами. Но они стали очень гуманными...

— Или цена жизни у них слишком высока. — Валентин кивнул. — Да те же яйца, только вид сбоку. Версия «живой щит», только человечки не зеленые, а желтые.

— Почему желтые?

— Потому что белая раса вымирает, а желтая и черная — растет в численности.

— Господи, ты что, фашист? — поразилась Лена.

— С какой стати? — обиделся Валентин. — Я просто говорю, что по всем прогнозам лет через пятьсот основная масса человечества будет негроидной или азиатской. Факт такой, без всякой оценки.

— Вам, журналистам, только дай возможность предсказать какую-нибудь гадость... — отмахнулась Лена. — Меня больше волнует сегодня, чем завтра. И я тебя уверяю, если бы все мы меньше разевали рты, размышляя о завтрашнем дне, он был бы лучше!

— Твердо стоишь ногами на Земле?

— Да, но хочу в космос. Валентин, мы точно все варианты обсудили?

— Кто же его знает? — Валентин пожал плечами. — У каждого

действия есть своя цель, верно? Добыча руды на астероидах — это вряд ли цель. Создание цивилизации? Не похоже... Получается, что единственная цель всего происходящего в игре — это наращивать боевой опыт пилотов и... и мочить этих жуков, так? Все, версия «живой щит», разнятся только варианты...

— Я пришла к точно таким же выводам, — призналась Лена. — Но ты знаешь... вот есть ощущение, что мы с тобой что-то упустили. Крутились рядом — но не поняли. Не посмотрели с другого ракурса...

Валентин снова закурил, откинулся на стуле.

Задумался.

Да, что-то такое свербело в голове.

Было ощущение того, что они не сделали какого-то шага... в правильном направлении.

Сделать еще шаг, повернуться и посмотреть...

Зазвонил телефон.

Валентин вздрогнул.

— Ты чего? — спросила Лена. И тоже напряглась. — Телефон...

— Да, но... — Вот опять что-то болталось в памяти... что-то напрягающее, жутковатое...

Телефон звякнул снова.

— Звонит же, возьми трубку. — Лена привстала, взяла со столика у мойки трубку. — Или что... ты не ждешь звонков?

— Ты понимаешь... — Валентин взял опять зазвонившую трубку, привстал, заглянул из кухни в комнату — где у кровати стояла телефонная база. — Я, конечно, звонков всегда жду. Работа такая...

Телефон снова тренькнул.

— Вот только я вчера выключил телефон, — сказал Валентин. — Провод выдрал из базы. Я так всегда делаю, если работы много или она интересная.

— И не включал? — Лена прищурилась.

— Нет. Не включал. Точно тебе говорю.

Телефон продолжал звонить.

— Я же тебе советовала — «не выходи никуда», — пробормотала Лена. — Ну возьми теперь... что уж.

Валентин поднес трубку к уху и только после этого нажал кнопку приема. Будто боялся упустить хоть слово.

В трубке стояла глубокая, давящая тишина. Есть такая особая тишина — замкнутого пространства, морской раковины, пустой комнаты...

Кто-то шумно вздохнул в микрофон.

— Алло, — сказал Валентин.
— Не валяй дурака, Валик, — тихо сказали в трубку. — Ну зачем тебе это?

— Что «это»? — спросил Валентин.

— Направо посмотри.

Валентин посмотрел.

Лена сидела и смотрела на него.

На ее лбу горела красная точка.

— Вот это. Эта женщина.

Видимо, что-то изменилось у него в лице. Или Лена что-то почувствовала... заметила отблеск.

Она мгновенно сдвинулась вбок и легла на пол.

Валентин не колебался — плюхнулся рядом, не выпуская трубку.

Теперь из окна их не было видно.

— Не ушиблись? — заботливо спросили его.

— Ты, тварь... — прошептал Валентин.

— Не надо ругаться.

«Дзик!» — стекло в окне тонко звякнуло. А на столе звонко разлетелась на кусочки кофейная чашка.

Валентин и Лена переглянулись. Валентин нажал на трубке кнопку спикерфона. Лена кивнула — поняла.

«Дзик!» — «Звяк!»

Вторая дырочка в стекле. Вторая чашка.

— Не валяйте дурака, — почти ласково сказали Валентину. — Нравится — играйте, не нравится — не играйте. Никто никого ни к чему не принуждает. Просто не надо делать глупостей. Не старые люди, вам еще жить и жить... по-хорошему.

В трубке забикало.

Валентин нажал на отбой. Спросил:

— Голос знакомый?

— Нет, — с сожалением ответила Лена.

— И мне нет... — Валентин поколебался и начал приподниматься.

— Идиот? — Лена дернула его за рубашку.

— Ты что, думаешь, снова выстрелят?

— Я советую полежать. И довольно долго!

Говоря, она засунула руку в карман ветровки, достала оттуда сложенный листок и огрызок карандаша. Быстро написала несколько строчек, сунула листок под нос Валентину.

Тот прочитал:

1. Лежать! Не вставать и молчать! Только подыграй мне!
2. Через минуту тихо ползи к двери. Так чтоб не видно было в окна.
3. Я за тобой.
4. НАДО СМАТЫВАТЬСЯ!!!

— Мне, блин, такие игры на фиг не сдались! — очень эмоционально выкрикнула Лена. — Какого черта я к тебе поехала, дура... Ведь уже намекали...

— Вот и не ехала бы! — поддержал Валентин. — А мне зачем все это? Я и не играл-то толком!

— Может, милицию вызвать? Не хочу я вставать...

— А если они на это обидятся? Может, лучше отлежимся?

Лена кивнула и показала большой палец — «молодец!»

Под коленку Валентину капнуло со стола. Он повернул голову — на краю нависали капли кофе. Он поморщился и убрал ногу.

А потом медленно и тихо пополз.

В комнате окна задернуты, шторы плотные. Но если следят с инфракрасным прицелом — то увидят силуэты.

Лучше все-таки не вставать.

Блин... как в кино!

А что делать, когда доберутся до двери? Просто выходить?

Он постарался выбросить этот вопрос из головы. Будем решать проблемы по мере поступления...

Валентин полз, следом, распластавшись, ползла Лена. Валентин ощутил невольный укол совести за то, что так редко, по-холостяцки, мыл пол.

Впрочем, жизнь вообще редко предполагает, что придется ползать по полу.

В прихожей у дверей Валентин позволил себе встать. Смотреть на вползающую Лену было неловко, но проявлять излишнюю галантность невозможно — если бы он не встал, они бы вдвоем в крошечной прихожей не развернулись.

Лена встала, провела рукой по куртке, глянула на ладонь. Уничижающе посмотрела на Валентина.

Он развел руками.

Лена запустила руку за спину, под куртку. И... достала пистолет.

Валентин вздрогнул. В оружии он разбирался как большинство мужчин — в армии стрелял из автомата (да и то нечасто), будучи взрослым пару раз стрелял по мишеням на стрельбище. На его взгляд, пистолет был настоящим.

Ну или какой-нибудь пневматический, палящий резиновыми пулями.

Лена сделала знак — открывай дверь. Сама стала сбоку от двери, подняла пистолет, сдвинула пальцем предохранитель.

Черт, что происходит...

Валентин медленно повернул заvertку замка — и рванул дверь на себя, распахивая ее и на всякий случай уходя «с линии огня». Лена мгновенно высунулась в дверь, выставив вперед ствол. В голове у Валентина мелькнула шальная мысль — если случай в этот момент вывел на лестничную площадку Ираиду Марковну, старушку-соседку слабого здоровья, то жертва будет и без пальбы. Хватанет бабульку инфаркт...

К счастью, на площадке никого не оказалось.

Ни соседки-пензионерки с батоном и кефиром, ни убийцы с пулеметом и кинжалом. Валентин торопливо сменил тапочки на туфли, набросил куртку и вышел вслед за Леной.

Та осторожно притворила дверь, усмехнулась, когда Валентин старательно запер замок. Спрятала пистолет за пояс. И махнула рукой, приглашая Валентина идти следом.

Но не вниз по лестнице.

Вверх.

ГЛАВА ВТОРАЯ, в которой я предстаю перед судом чести

В баре никогда не бывало пусто.

Корабли прилетали и улетали в любое время суток. Люди, жившие на Плюшке, редко придерживались условного графика дня и ночи. Прибывшие с Земли новички порой несколько суток подряд «снимали стресс» — пока их, просадивших изрядную долю отпущенных на обустройство денег, не выволакивал из бара кто-нибудь из администрации. Мне казалось, что тем, кто желает снять стресс запоем, негласно разрешали это делать. Видимо, каждому требовалось адаптироваться по-своему.

Помещение бара было длинным и узким. В одном торце — двери, ведущие в жилую часть станции. В другом — барная стойка. По обеим стенам маленькие столики на двух—четырёх человек, отделенные друг от друга мутными полупрозрачными занавесками, то ли из пластика, похожего на ткань, то ли из ткани, смахивающей на пластик.

И стены, и пол — все тот же перфорированный металл, что и повсюду на станции. Освещение — тусклая полоса по всей длине потолка. Наверное, эту лампу можно было включить и поярче, но при мне этого не случилось. Темнота — друг молодежи... и пьяниц.

Украшением барной стойки была плазменная телевизионная панель — один из редких гостинцев с Земли. По телевизору крутили скудный набор программ. За два дня я выучил репертуар наизусть.

Вначале шел старый концерт исполнителя блатного шансона Михаила Круга с украинскими субтитрами.

Потом фильм производства BBC про обряды инициации в племенах австралийских аборигенов.

Потом «Иронию судьбы, или С легким паром!»

Потом набор клипов Мирей Матье.

Потом фильм «Чужой».

И все начиналось по новой.

Что было в голове у человека, отправившего на станцию именно такой набор ДВД — сказать трудно...

Хотя, впрочем, бару могла доставаться некондиция, а интересные программы забирала себе администрация...

Я допил бокал и отправился к стойке за новой порцией. Бармен — молодой, гладко выбритый парень, оценивающе посмотрел на меня, счел

походку достаточно твердой, а взгляд осмысленным, после чего поинтересовался:

— Повторить?

Ассортимент был столь же небогат, как и набор видеопрограмм.

Спирт.

Водка.

Три вида настоек — тминная, перцовая и укропная.

Три вида слабоградусных ликеров — вишневый, молочный и дынный.

Все это, конечно же, производилось на Плюшке. Синтезаторы исправно выдавали чистый спирт, из которого каждый мастерил что мог. В баре был свой ассортимент, изготавливаемый «на месте». Заправляла всем в баре немолодая, но красивая и энергичная женщина по имени Света. Помогали ей трое мужчин — работающий сейчас парень, которого все звали просто Кирюша, и двое более старших.

У меня сложилось четкое ощущение, что все четверо работников бара составляют единую дружную семью. Причем роли в ней распределены вовсе не так банально, как «одна и трое».

Мне в общем-то было наплевать.

— А давай вишневый, — сказал я.

— По понижению пойдешь, — заметил Кирюша, наполняя бокал темно-красной жидкостью.

— Да и Бог с ним.

Из закусок в баре было три вида бутербродов — с колбасой, сыром и рыбой. Если народа было немного, то их могли подать горячими. Если совсем немного, или ты сидел уж очень долго, то бармен мог соорудить яичницу.

Еще имелись орешки — очень приличные, их происхождение из синтезатора пищи совсем не чувствовалось. К сожалению, ничего похожего на пиво обитатели станции делать не научились.

С вишневым «ликером» (спирт, сок, ванилин, разведенное и процеженное варенье) я вернулся за свой столик. Мы договорились встретиться с Леной, но я пришел гораздо раньше срока.

Мне просто нечего было делать.

На Плюшку мы вернулись вчера утром. Вернулись втроем — с парнем по прозвищу Бледный Лис, которого вытащили буквально из-под начинающейся снежной бури. Еще несколько минут — и спасать было бы некого. Нам спокойно позволили войти в док, но едва мы вышли из корабля, как оказались под прицелами.

Плюшка бурлила. Многие корабли, вернувшиеся на дозаправку, стояли

в доке или были пришвартованы снаружи, а пилоты записывались в «Группу Содействия Администрации». Как я понял, раньше власти Плюшки просто не нуждались в полноценных воинских формированиях — конфликты внутри станции улаживались вооруженными сотрудниками администрации. Порядок в космосе поддерживал немногочисленный Патруль — полуофициальная структура из пользующихся уважением пилотов, что-то вроде шерифов в США. Ну а если возникали серьезные проблемы с каким-то кораблем, то достаточно было объявить на него охоту — в желающих поиграть в сыщиков недостатка не было. Опять же американская система — «маршалы», которые за деньги разыскивают преступников...

Нас задержали пилоты с самодельными значками «ГСА» на груди. Вскоре подошли двое сотрудников администрации, среди них — Инна.

Короткий получасовой допрос начался с того, что Бледный Лис обнялся с Инной и незнакомым администратором, после чего все втроем отошли в сторону и он им долго что-то излагал.

— Так и знала, не просто охотник за удачей, — презрительно сказала Лена. — Он из начальства...

Потом допрашивали нас с Леной. Порознь. Меня расспрашивала Инна.

Я рассказал все совершенно честно. Скрывать мне было нечего. Даже когда Инна поинтересовалась, переспали ли мы с Леной, сдержался от слов «А твое какое дело?» и кивнул.

Видимо, нам поверили. Осмотрели корабль, вежливо попросили не покидать жилых секторов, не приближаться к ангару, научным и административным помещениям и все время оставаться на связи.

— Еще раз все перепроверят, потом устроят суд чести, — мрачно сказала Лена, когда мы шли от ангара в жилые сектора.

— Что это такое?

— Совет не менее семи и не более девяти уважаемых человек, из которых не менее трех — администраторы платформы. В общем-то могут принять решение почти по любому вопросу.

— Понятно... Готовиться к неприятностям? — не удержался я.

— Посмотрим. — Лена пожала плечами. — Давай-ка поселим тебя... а потом мне надо кое-кого навестить.

Я не стал уточнять — кого.

Если речь шла о деловых разговорах, то мне, вероятно, там не следовало быть.

А если не о деловых... то уж тем более не стоило интересоваться.

В общем, после того, как Лена подыскала мне небольшую каюту в

жилом секторе Плюшки, расстались мы хоть и с улыбками, но несколько напряженно. Я лег и заснул. Дважды звонил комм — Инна, видимо, взявшая на себя переговоры со мной, задавала какие-то вопросы об Ищущих. Я сонно отвечал и засыпал дальше.

Вечером пошел в бар.

Постоянно звонил Лене.

Ответила она один раз, очень коротко сообщив, что встретимся мы в баре, но завтра в двенадцать.

Дорогу обратно я нашел с трудом.

А уже в десять отправился пьянствовать обратно. В баре и узнал новости об Ищущих — посланные на Нигредо корабли обнаружили, что планета покинута. Видимо, у них была запасная база, куда все перебазировались немедленно, после нашего отлета...

Ситуация давила, что ни говори. Пусть мы улетали с Плюшки под угрозой оружия (и это оказалось записанным на какие-то камеры внутреннего наблюдения), но как ни крути, мы помогли неким сумасшедшим экстремистам похитить оружие чудовищной мощи.

Честно говоря, на особое снисхождение рассчитывать не приходилось. Будь я на месте администрации — уж каких-нибудь штрафов нам с Леной влепил бы. Корабли отобрал в пользу станции. Или еще что-нибудь придумал.

Просто для того, чтобы в следующий раз никому неповадно было помогать террористам.

Потихоньку отхлебывая вишневый ликер, я закусывал его орешками и мечтал о пиве. Ну неужели нельзя настроить местные синтезаторы? Космические корабли они делают, а пиво не могут? Матрица им, видите ли, нужна. Нужна — надо искать! То, что человеку действительно нужно. Пиво... а не гасильники для звезд...

— Можно к вам?

Я подозрительно осмотрел подошедшего.

Юноша, совсем еще мальчик. Лет восемнадцати. Интеллигентный и со скрипичным футляром в руках. В светлом костюме — изрядно помятом. Белую рубашку явно неоднократно и неумело стирали руками, после чего еще более неумело гладили.

— Садись, Леонид... э... Левин?

— Левинсон, — печально сказал мальчик, присаживаясь рядом. Скрипку он бережно положил на стол. Во второй руке у Леонида был бокал с белым.

— Вкусный этот коктейль? — спросил я.

— Это молоко, — со вздохом ответил скрипач. — Мне выступать скоро... как народ начнет собираться.

— Ясно, — кивнул я. — Ну, твое здоровье.

Я выпил вишневки. Левинсон молока. Потом он спросил:

— Почему меня все знают по имени? Вот я вас не знаю!

— Валентин. Он же Катран. Я тут недавно... даже позже тебя прибыл.

— И первым делом вам рассказали, что на Плюшку занесло ходячий анекдот — еврейского мальчика со скрипкой! — горько сказал Леонид.

— Есть такое, — признался я. — Понятно же, что запоминаются штампы. Русский с бутылкой водки. Хохол со шматом сала. Еврей со скрипочкой. Шотландец в юбке и с бутылкой виски. Японец в кимоно и с катаной.

— А вы не еврей? — поинтересовался Леонид.

— Вроде как нет. А должен был?

Скрипач вздохнул:

— Понимаете... я тут от нечего делать попытался посчитать национальный состав населения...

— Ну-ка, ну-ка! — заинтересовался я.

— Оказалось, что основные народы, живущие в России, здесь представлены довольно равномерно. Даже доля таджикских гастарбайтеров или народностей Крайнего Севера вполне реалистична... а ведь их трудно представить играющими в компьютерные игры, так? А вот евреев примерно в три раза меньше, чем должно было быть!

— Прячутся на всякий случай? — спросил я. — Ну, вдруг во всем их обвинят?

Юноша подозрительно посмотрел на меня и покачал головой.

— Нет... я думаю, тут другое. Просто евреи в целом... осторожнее.

— И умнее, — сказал я.

Левинсон посмотрел на меня еще более подозрительно и не стал это комментировать.

— Нормальный еврей в такую подозрительную контору не полезет, вербоваться звездным пилотом на таких условиях не станет... А я — поперся!

— Да перестань, — попытался я его утешить. — Ты же не знал, что все всерьез.

— Почему? Я как раз был уверен, что это не шутка! В том-то и дело!

— А... — Я кивнул. — Так хотел в космос?

— Нет, просто такой дурак... А вы как попали?

— Со мной все в порядке, — успокоил я его. — Я попал по-русски. В

пьяном виде.

— Вот видите! — с такой горечью сказал Левинсон, словно мое пьяное состояние было... даже не индульгенцией, а доблестью. Помолчал и добавил: — Я скрипку ненавижу! Я и подписал контракт в знак протеста. Чтобы, значит, летать. А не пикировать. Да уж, полетал! На меня как накинудись! Сказали, что я с ума сошел. Что у них с развлечениями полный швах. Что платить будут в десять раз круче, чем я пилотом заработаю. И вообще... что в мужские компании суровых пилотов, которые второй год без женщин летают, молодым юношам лучше не соваться...

— Ну, это тебя запугивали.

— Может быть, — с тоской сказал скрипач. — Но кто его знает...

Он допил свое молоко, взял футляр, вежливо поклонился. Я склонил голову в ответ. Левинсон направился к барной стойке.

Забавно.

Значит, национальный состав России в целом соблюден?

Это что-то значит? Или случайность?

И почему же, черт возьми, здесь нет американцев, французов, немцев, китайцев...

Левинсон расчехлил свою скрипку. Постоял в задумчивости, прижав щеку к деке.

Начал играть.

Ну, неплохо так вроде играл. Я же не музыковед.

Хотя те, кто играет на скрипке с раннего детства и до восемнадцати, в моем представлении должны играть лучше...

С другой стороны, к чему ему напрягаться?

А вот зачем он ко мне подошел и стал плакаться о своей глупости и нелегкой судьбе? Накипело?

Странно как-то...

Я допил свой ликер и решил, что на этом надо остановиться. А то пригласят на Суд Чести — а я лыка не вяжу.

Тысячного еврея Леонида Левинсона я тоже решил выбросить из головы. Иначе сейчас начну играть в следствие и придумывать странности на пустом месте. Подошел и подошел... может, накипело у парня...

— Катран. — Ленка подошла ко мне, погруженному в раздумье, совершенно неожиданно. — Хорошо, что ты уже здесь.

Она сменила свой мешковатый комбинезон на юбку и блузку. Ну надо же! Туфли на ногах, правда, были грубоваты — но стачать туфли куда сложнее, чем сшить одежду.

— Шикарно выглядишь, — сказал я.

— Угостишь даму коктейлем?

— Да легко.

Я сходил к стойке и вернулся с двумя молочными ликерами — последним из барного ассортимента, что я не пробовал.

— Мои любимые, — сказала Лена. — После того, как абсент запретили.

— Какой абсент?

— Ты знаешь, говорят — почти настоящий был. Все ингредиенты удалось синтезировать. Но уж слишком сильно бил по мозгам.

— Ясно.

Мы глотнули молочного ликера. Ну... «Бейлис» для бедных. Когда-то в юности мы подобное делали с друзьями из водки и сгущенки.

— Ты извини, что я исчезала, — сказала Лена. В глазах у нее плясали озорные искорки. — Мне надо было поговорить. Выяснить отношения. С бывшим парнем.

— А... — только и сказал я.

— Мне не очень нравится то, что у нас сложилось на станции. Ну... я не ханжа, но мне полиандрия не нравится. Как ни странно. У меня всегда был только один мужчина. Они часто менялись, но не пересекались.

— Понятно.

— Ты доволен или нет? — резко спросила Лена. — Или я чего-то себе напридумывала попусту?

— Нет. То есть да. Я доволен. Я очень доволен, Лена. Только это неожиданно...

— Почему у мужчин все неожиданно? — Лена фыркнула. — Ладно. Давай о важном. Сейчас подойдут наши судьи...

— Сюда?

— А почему бы и нет? Эти мероприятия редко афишируют, но и не секретничают. Я кое-что узнала. Мне практически ничего не инкриминируют. Я оказала сопротивление, даже убила одного из нападавших... в общем — со мной все в порядке. С тобой сложнее. Ты согласился пилотировать. Отвез их на базу. Более того — именно ты придумал, как сбить нападавший корабль.

— Сбила-то ты.

— Ну, тут они не рискуют претензии выдвигать... Над ними станут смеяться все пилоты — судить Водилу за то, что она сожгла корабль агента администрации из ручного плазмомета...

— И что мне делать?

Ленка пожала плечами.

— Упирай на то, что ты новичок. Что нас собирались уничтожить. Что ты даже не представлял, что такое возможно — сбить корабль из плазмомета...

— А что мне грозит?

— Корабль могут отобрать! В качестве компенсации за порчу казенного имущества!

— И все? — удивился я.

— Тебе мало? Сейчас ты пилот. Пусть неопытный, но с хорошим кораблем. А станешь бепом.

— Бепом?

— Бе-пе — бывший пилот. Есть такое грубое слово. Как правило, человек, потерявший корабль, начинает работать на подхвате — на станции или на какой-нибудь крупной планетарной базе. Редко кому удастся подняться снова...

— Открою газету и всех выведу на чистую воду, — пригрозил я. — Понятно, Лена. Что ж, будем отбиваться. А за Сасу Босса не накажут? Как-никак, уничтожил опытного пилота...

— Ну что ты. Там все чисто, он сам нарвался...

Лена кивнула. И повернулась к дверям.

— Вот, идут. Легки на помине.

В бар действительно входила группа людей. Инна, еще одна женщина — постарше и пятеро мужиков. Бледного Лиса не было — и то счастье. То ли его сочли лицом заинтересованным, то ли недостаточно уважаемым и авторитетным для такого мероприятия.

Я встал, мы поздоровались с вошедшими. Без долгих церемоний занавески по бокам нашего столика были раздвинуты, к нему придвинуты еще два. Трое мужчин сходили за выпивкой для всех.

Выглядело это как встреча давних друзей.

Когда все расселись, один из мужчин, мой ровесник, остался стоять. Кивнул Лене, потом протянул мне руку:

— Рад познакомиться. Андрей. Номер первый. Я сидел в диспетчерской, когда ты появился, мы разговаривали по комму.

— Очень приятно. — Я пожал ему руку.

— Буду вести заседание, если никто не против. — Андрей оглядел собравшихся. — Итак... буду краток. Водила, на мой взгляд, невиновна. Она не предоставила свой корабль нападавшим. Она убила одного из них и только под дулом плазмомета прекратила сопротивление. В общем, к ней претензий нет. Катран, конечно же, пилотировал корабль. Но он сделал это под принуждением и по совету Водилы, в чем у нас имеется ее личное

заявление. Что же касается его остроумной идеи, стоившей Бледному Лису корабля... так я и сам предпочел бы спалить чужой корабль, чем сгореть сам. В общем — выносим порицание за слишком умелое пилотирование, — Андрей улыбнулся, — мог бы и покрутиться у Плюшки подольше, дать нам время его подбить. И все.

Он сел и подмигнул мне.

Молодой парень рядом с ним кивнул:

— Атака вражеского корабля из ручного оружия — вообще ценный опыт, надо его принять к сведению. Согласен с Андреем.

Я как-то сразу расслабился. Двое из семи уже были за меня. Еще двое и... Но тут я глянул на Лену и заметил, что она напряжена.

— Не согласен по обоим персоналиям, — резко сказал пожилой мужчина. — Водила могла бы и придумать что-то... с ее опытом. Да и Катран уж больно радостно повелся на их приказы... На Водилу — штраф в тысячу кредитов. Катрану — конфискация корабля в пользу Бледного Лиса и запрет на выход в космос на год.

— Поддерживаю, — сказал мужчина, сидевший рядом. — Чего тут рассусоливать... в руках у полудурков оказалось страшное оружие. В том числе и по их вине!

Вот так. Два-два.

Следующей заговорила Инна.

— Частично согласна. Леночка, извини, но штраф бы я на тебя наложила. Сотен в пять. Насчет Катрана...

Мы посмотрели друг другу в глаза.

— Запрет на выход в космос — это чушь и ненужная жестокость, — твердо сказала Лена. — Я против... А корабль — да, конечно. Передать Бледному Лису как компенсацию за утраченный по вине Катрана.

— Сучка, — одними губами прошептала Лена. Вряд ли ее кто-то услышал, кроме меня.

Теперь очередь дошла до второй женщины, постарше... да и пострашнее, если честно. Она напоминала немолодую школьную учительницу — некая строгость в лице, жесткие губы...

— Ерунду вы несете, простите за резкость, — сказала «учительница». — Под стволем и сами бы не геройствовали. Летать вам надо чаще... умники. Устный выговор Водиле и Катрану. И благодарность — за спасение Лиса. Вы вроде позабыли, что они его не только сбили, но и вытащили из плена?

Три-три.

— Сговорились? — спокойно сказал седьмой член Суда Чести. Это

был мужчина средних лет, смуглый, поджарый, чуть восточного склада лица. Одет он был как-то очень вольно, по-домашнему: свободные вельветовые брюки, легкий свитер. — Признавайтесь, сговор был? Решили все на меня спихнуть?

— Извините, Вадим Эдуардович, но такова ваша судьба. — «Учительница» улыбнулась. — Специально не сговаривались... но если бы перевес был в сторону «казнить нельзя, помиловать», то я предложила бы казнить. Ваши решения чаще всего оказываются верными, это все помнят.

Вадим Эдуардович вздохнул. Сунул руку за ворот свитера, вытащил пачку сигарет. Одну взял себе, две протянул Лене и мне. Я в ответ достал зажигалку, мы закурили.

Больше никого человек, принимающий верные решения, угощать не стал.

— Вину Лены я считаю совершенно несущественной, — сказал Вадим Эдуардович. — Корабль она свой налетчикам не отдала... что последовала за Валентином — так это был ее долг, как куратора. Сложнее с Валентином...

Он помолчал.

— Объясните, в чем я виноват, — резко спросил я. — Пока то, что услышал, совершенно несерьезно.

— Да все очень просто, — сказал Вадим Эдуардович. — Реальных претензий к тебе, конечно, нет. Все дело в том, что тебе достался очень приличный корабль. «Фениксы» производятся с использованием технологии чужих, его нельзя собрать просто так, по желанию. Всем очень жалко, что ты угробишь хороший корабль. Вот и пытаются как-нибудь у тебя его отобрать.

— Спасибо за откровенность, — пробормотал я.

— Да не за что. Я считаю, что всегда лучше честно объяснять мотивы своих действий.

— То есть вы тоже за то, чтобы отобрать у меня корабль?

— Если честно — да. Только я предложил бы выдать тебе взамен что-нибудь... может, даже не «Сильвану»... «Арлон»?

— Тогда уж дайте ему «Берсерк», — вступила в разговор Лена.

— Ну... — Вадим Эдуардович вздохнул. — Пошла торговля... Ну, допустим. Получишь «Берсерк». Доволен?

Все смотрели на меня.

— Нет, — сказал я, удивляясь сам себе. — Идите вы в задницу к своим жукам! «Феникс» — мой корабль! Я за него должен выплачивать Водиле, но это моя проблема. А так — это мой корабль, я привел его на Плюшку, и

я никому его не отдам!

— Ух ты какой... — пробормотал Вадим Эдуардович. — «Берсерка» ему мало... сам и недели не провел, за плечами один полет...

Не знаю, что бы он сказал дальше. Почему-то мне казалось, что мой резкий ответ ему скорее понравился, чем вызвал раздражение.

Но в этот миг коммы на наших руках зазвонили.

Сразу у всех.

Даже у юноши-скрипача, сбившегося с ноты.

Даже у бармена, уронившего бокал.

Звон был пронзительный, тревожный — я такого раньше не слышал.

Ленка поднесла к уху свой комм, я последовал ее примеру.

— Внимание! — Голос был незнакомый, женский. — Всем пилотам, находящимся на Плюшке! Всем без исключения! Станция атакована! Эскадра жуков над плоскостью эклиптики! Расчетное время выхода на огневой рубеж — девятнадцать минут! Всем пилотам — по кораблям!

Вскочили все.

Включая меня, разумеется.

— А ты куда собрался? — выкрикнула Инна.

— Я пилот!

Вадим Эдуардович протянул руку и взял Инну за плечо:

— Инна, остановись.

— Ничем не поможет, а корабль угробит!

— Имеет право.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ, в которой я принимаю свой первый бой

Насколько я знал, станция могла обороняться сама. И весьма неплохо. У нее были и силовые щиты, и ракетно-лучевое оружие. Исполинские размеры в данном случае играли Плюшке только на пользу. Энергетическая мощность станции была неизмеримо выше, чем у любого корабля — а энергия в конечном счете решала все — и силу нападения, и прочность защиты.

Но пилоты, один за другим заскакивающие в свои корабли, выглядели и впрямь перепуганными. Может быть, потому, что Плюшка была для всех единственным домом — пусть многие и посещали ее раз-два в год? Погибнет станция — перестанут появляться новые пилоты. И то странное, но живое человеческое сообщество, которое сложилось на нынешний день, начнет вымирать...

Мой «Феникс» стоял рядом с Ленкиной «Муреной». Мы оказались в ангаре, когда половина пилотов уже стартовала — под кораблями с чавканьем открывались люки, машины стремительно уходили вниз, палуба над ними смыкалась. Я прикинул, что в ангаре сейчас стояло полсотни кораблей. Еще десятка два, наверное, были пристыкованы к станции снаружи — во-первых, это дешевле, во-вторых, самые большие корабли в ангар просто не влезали.

Если хотя бы половина пилотов успеет выйти навстречу врагам — будет жарко.

С потолка надрывались динамики, транслируя тот же текст, который сейчас шел в коммы:

— Внимание! После вылета всем группироваться над станцией, район выделен на ваших компьютерах зеленым цветом. Время ожидания — четыре минуты. Разделение на три группы. Командир первой — Грестер, командир второй — Фантом, командир третьей — Седой. Выбирайте свои группы и следуйте приказам командиров. Опоздавшим — действовать по ситуации, в одиночку или группами. Любой ценой остановить корабли противника! Время ожидания — три минуты!

— Звездные войны, — крикнул я Ленке. — Приближается Звезда Смерти!

— Не шути так, — резко ответила Лена. — И вообще! Не говори это слово перед вылетом!

Мне стало смешно.

Нет, мне было немножко жутковато, я понимал, что все происходящее — вполне серьезно, что я могу умереть по-настоящему.

И все-таки это было смешно. Мне, мирному, гражданскому земному человеку, даже к обычной-то армии относящемуся совершенно равнодушно, мчаться по космической станции к своему боевому кораблю, будто повстанец при появлении Звезды Смерти...

— Двигаемся рядом, — крикнула Лена, когда мы открывали люки своих кораблей. — Мы пойдем в первую группу, к Грестеру.

— Почему?

— Я в его клане!

Спорить я не стал. Самому мне пока не довелось попасть в какой-нибудь клан.

Маленький шлюз находился в нижней части «Феникса». Из шлюза я поднялся в рубку по короткой вертикальной лестнице, сел в пилотское кресло (нет, все-таки надо соорудить ремни, уж очень сильно напрягает мысль о том, что ты маневрируешь на бешеной скорости непристегнутым), включил пульт.

Лениво щелкнул «метроном» реактора, отсчитывая запасы мощности. Засветились приборы.

Я коснулся сенсора старта — и корабль ушел вниз. Ощущение было такое, что сейчас стартовые лифты работают гораздо быстрее, чем при моем первом полете. Уже через пятнадцать секунд «Феникс» выпорхнул из корабля в открытый космос.

Рядом со мной из раскрывшегося люка показалась «Мурена».

— Катран, слышишь меня?

Голос Лены раздавался откуда-то из подголовников кресла.

— Да, Водила.

— Следуй за мной. Я буду двигаться плавно, не отставай.

Ее корабль описал дугу вокруг станции и стал забирать куда-то «вверх» — понятное дело, абсолютно условный «верх».

Ноги на педали...

Руки на штурвал...

Вряд ли у меня получилась такая же красивая дуга (хоть я и понимал, что каждое мое движение обрабатывается и подправляется компьютером). Но я шел вслед за Леной, не отставал, не выпускал ее из поля зрения. Хотя она все ускорялась, и оранжевый выхлоп двигателя начинал теряться среди звезд.

— Только не торопись, ладно? — попросил я. — А то могу отстать.

— Катран, включи навигационный дисплей! — рявкнула Лена. — Ты что, на глаз летишь?

У меня запыхлала уши. Я внезапно понял, каким идиотом выгляжу. Лена же показывала мне по пути на Плюшку, как работает навигация на «Фениксе».

Я поискал кнопку на пульте — и обнаружил, что она тревожно мерцает красным. Даже корабль начал волноваться, что я не использую навигационную систему!

По сравнению с «Сильваной» навигация на «Фениксе» была организована просто гениально. Не крошечный плоский экранчик с картинками-схемами, имеющими очень слабое отношение к реальности.

Пилотское кресло стояло в выдающейся из корпуса прозрачной полусфере. На эту полусферу и проецировался навигационный экран, накладывая на то, что я видел своими глазами, картинку, полученную приборами.

Более того, за моей спиной, в воздухе, тоже мерцали символы, показывающие самые важные объекты: местное солнце, планеты, астероиды — если они оказывались слишком близко, станцию, космические корабли.

Солнце сейчас было под ногами. Плюшка — за спиной. Десяток кораблей призрачными зелеными силуэтами тоже двигались следом. Моих способностей хватило только на то, чтобы опознать две крошечные «Сильваны» и характерный рисунок «Саламандры».

Впереди, на стекле, картинка была куда насыщеннее и интереснее.

Во-первых, я видел россыпь алых точек. Это приближались враги.

Во-вторых, три крупные области были выделены бледно-зеленым. В центре каждой области светила цифра: 1, 2 или 3. Лена вела корабль к первой зоне, где собирались пилоты под командованием Грестера.

Корабль Лены, кстати, был выделен особо — вокруг него вращалось туманное колечко. Понятно, она мой ведущий, я должен следовать за ней.

— Лена, вижу тебя, все в порядке.

— Здесь восемь Лен, — резко ответила она. — Сейчас мы в привате, но будем переключаться на общую волну. Ты спутаешь других и не получишь ответа от меня, если скажешь «Лена».

— Извини, Водила.

— Принято, Катран.

Ее корабль вошел в зеленую область с цифрой один... и вдруг зеленая окраска замерцала и исчезла. Корабли оставались на месте, две другие зоны — тоже...

— Лена, что происходит? Область один исчезла!

— Катран... секунду. Обожди.

Я стал притормаживать.

— Катран, мне очень жаль... — у Лены и впрямь был расстроенный голос. — Грестер закрыл прием, у него уже избыток кораблей. Ждали только меня. Иди ко второй или третьей зоне.

— Куда посоветуешь?

Лена помолчала.

— Решай сам. Седой — хороший лидер, но Фантом боец посильнее. У Седого обычно меньше потерь. У Фантома — лучше результаты боя.

— Понял, — сказал я.

И направил корабль ко второй зоне.

Фантом так Фантом.

Почти сразу один из кораблей в этой зоне запульсировал ярким огоньком. И я услышал незнакомый голос:

— «Феникс», это Фантом. Доложитесь.

— Корабль «Феникс», пилот Катран. Прошу разрешения присоединиться к группе.

— Разрешаю. «Феникс», вы ведущий. Ваш ведомый — Бегун на «Арлоне».

Экран тут же продемонстрировал мне Бегуна — вокруг его корабля закрутилось колечко, как раньше вокруг Водилы.

— Фантом, у меня очень малый налет. Вряд ли разумно мне быть ведущим.

— Катран, я знаю, кто ты. Меня не интересует твой налет. У меня собралась вся мелочь с Плюшки, человек на корабле седьмого уровня будет ведущим. Ясно?

— Ясно.

— Включаю тебя в общую сеть.

Теперь вокруг меня шептались десятки голосов. Именно шептались — разговоры всех пилотов второй группы были приглушены. И еще что-то было сделано, как-то был обработан звук — не знаю, как это было возможно, но голоса не сливались. Стоило сосредоточиться на каком-нибудь разговоре, выделить его — и он становился отчетливее.

Разговоров было много...

— ...тогда только ракетой и достал...

— ...Слушай, а ты разве не в Торговой Лиге?..

— ...блин, я только сел пожрать, а тут комм верещит...

— ...японец из шаров икебану сложил. К русскому приходят — нет

шаров! Спрашивают, куда дел?..

— А у звезды, что сорвалась и падает! Есть только миг! Ослепительный миг!

— Хемуль, не засоряй эфир. Фантом.

— ...и горит, будто бензинчиком плеснули...

— ...Один сломал, другой потерял? Говно анекдот. Говно мамонта. Лучше слушай...

— Бегун! — позвал я. — Это Катран.

Все голоса ушли в сторону, превратились в неразборчивый шепот.

— Слушаю, Катран.

— Как я понимаю, я твой ведущий.

— Так точно, Катран.

— Честно говорю — я здесь меньше недели.

— Ну а я меньше месяца. Привыкай.

— Ясно, Бегун. Я к тому, что если начну делать глупости — давай советы смело. Из меня ведущий аховый.

— Учту.

— Внимание, второй группе!

Голос Фантома сдул все голоса порывом урагана. Наступила полная тишина.

— По уточненным данным с Плюшки, на нас идет большая группа. Очень большая. Шестьдесят три жука. И два мегажука. Для... для новичков. Корабль класса «жук» — посудина размером с «Феникс». Примерно соотносима по скорости, щитам, огневой мощи и маневренности. «Мегажук»... ну, тоннажем в три-четыре «Прайма».

— Ты не мудри, в метрах скажи, — внезапно произнес кто-то.

Фантом не возмутился. Ответил спокойно:

— В метрах? В ширину около ста сорока. Диаметр боковых отсеков — там двигатели и вооружение, около пятидесяти. Центральная часть около тридцати метров шириной и семидесяти длиной.

Никто ничего не произнес. Ну или Фантом отрубил нам возможность слышать друг друга.

— Эта эскадра способна размолоть даже Плюшку. Поэтому наша задача — сократить ее хотя бы в два раза. Тогда Плюшка отобьется. Если выйдем обоих мегажуков, или мегажука и десятка два жуков — можно выходить из боя и прятаться под защиту платформы. Но — только по моей команде! Если кто выйдет из боя раньше... пусть даже горящий, израсходовавший боеприпасы и напустивший в штаны от страха... то я лично его убью. Ясно?

Опять же никто не спорил.

— Первая группа пойдет на жуков в лоб, — сказал Фантом. — У них там два «Прайма» и два «Гипериона» — это изрядная сила. Третья выполняет атакующий маневр и уходит под защиту первой...

Я посмотрел на экран — и понял, что сражение уже началось. Корабли третьей группы резко ускорились и сейчас неслись навстречу красным огонькам. Корабли первой разошлись, образуя многокилометровый диск, висящий между Плюшкой и жуками. К сожалению, очень неплотный диск... скорее решето.

— А мы сейчас сбиваемся в кучку, разворачиваемся и уходим прочь из системы, — сказал Фантом. — При этом слегка постреливая в сторону первой группы. Но только если кто-то попадет — будет наказан!

— Думаешь, жуки поверят, что мы разругались? — опять заговорил тот, кто просил указывать размеры в метрах.

— Кто их знает, во что они верят, — ответил Фантом. — Но в принципе они знают, что мы сражаемся и между собой. Да, вниманию группы! Если со мной что-то случится — ваш командир Рэйнмен.

— Прошу любить и жаловаться, — вставил его собеседник.

— Все, двинули!

И вслед за флагманским кораблем (кажется, это был «Гиперион») наша маленькая, не дотягивающая и до двух десятков флотилия рванула прочь от Плюшки.

— Постреливать не забывайте, — заметил Фантом.

Меня упрашивать не пришлось. Я еще не стрелял. Ни разу. Я развернул корабль носом к первой флотилии. Мы словно поднимались над ней, и теперь корабли напоминали миниатюрную модель какой-нибудь звездной системы, даже угадывался центральный корабль — самый крупный, а остальные вращались вокруг него, будто планеты по орбитам вокруг звезды.

Спуск лазерной пушки «Мандрагор» (интересно, почему не «мандрагора»?) был на левой рукояти штурвала. Я откинул с кнопки предохранительную скобу. Кнопка была большая, вогнутая, палец ложился на нее очень удобно.

Посередине экрана сразу же загорелось желтое перекрестье прицела.

Так... коснуться кнопки...

Перекрестье стало красным.

Теперь, когда палец лежал на спуске, движения штурвала управляли не кораблем, а прицелом. Я навел прицел на центральный корабль, потом сдвинул чуть в сторону — и коротко вдавил пуск.

Редкий пульс метронома зачастил. Экран на миг чуть посветлел.

А проклятый прицел в последний момент дернулся — и навелся на центральный корабль первой флотилии! Корабль замерцал красным — попадание!

— Катран, ты рехнулся? — очень спокойно спросил Фантом. — Зачем ты выпалил в Грестера?

— Я его сбил?

— Нет, конечно. Из «Мандрагоры» по «Прайму» ты мог бы стрелять до посинения. Но зачем ты стрелял в него?

— Я стрелял мимо! Это прицел, он вдруг сам...

— Ясно. Ты не отключил автонаведение и корабль решил исправить твой промах... Все, больше по своим не стреляй.

Я чувствовал себя полным идиотом. С минуту мы удалялись от первой флотилии. Третья, похоже, вступила в столкновение с жуками — обе флотилии сблизилась, между кораблями засверкали вспышки, потом третья флотилия развернулась и помчалась под защиту первой.

— Катран, — Фантом снова вышел на связь, — я сказал Грестеру, что это был мой приказ. Что для полной иллюзии боя нужно было хоть одно попадание. Он... он согласился. Но ты удачно попал!

— Д-да?

— Сжег ему какой-то датчик. Ничего страшного. Но с тебя будет причитаться.

— Понял, — мрачно сказал я.

Что ни говори, а пилот из меня удивительно невезучий. Попасть в собственный флагманский корабль, да еще вопреки всему что-то в нем повредить.

— Не грусти, всяко бывает, — добавил Фантом. — В бою искупишь свою вину...

Голос его изменился, теперь он явно обращался ко всей флотилии:

— Внимание! Новости с полей сражения... третья группа, отступая, сбросила мины. У них было три «Берты», это пятнадцать зарядов... восемь уже нашли цели. На данный момент сбито семь жуков, один мегажук получил две мины, но в строю...

— Наши потери? — деловым тоном спросил Рэйнмен.

— А надо ли? — поинтересовался Фантом.

— Надо.

— Семь кораблей. Пяток мелюзги и два «Грифона». Из одного «Грифона» пилот успел катапультировать жилой отсек... стоп... его уже сожгли.

А вот от этого «сожгли» у меня по коже пробежал холодок. Я вроде бы помнил, как катапультировать рубку «Феникса» в случае опасности. Но теперь твердо решил, что делать этого не стану.

— Меняю курс, — сообщил Фантом.

Нет, мы пока не возвращались. Мы легли на курс параллельный тому, которым пришли корабли жуков.

Остатки третьей флотилии тем временем заняли место среди кораблей первой, заполняя самые зияющие бреши.

Фантом начал что-то насвистывать.

Мы удалялись все дальше и дальше от Плюшки и поля боя.

Меня вдруг кольнула неприятная мысль. А что, если маневр Фантома — вовсе не маневр? Что я о нем знаю? Быть может, он хочет выйти из боя на самом деле? Вокруг ведь в основном корабли его клана...

Или он вернется в последний момент, чтобы спасти станцию — но не для того, чтобы помочь первой и третьей флотилии...

А там Лена...

— Видите, девять жуков держатся в арьергарде? — спросил внезапно Фантом. — Они следят за нами. Если мы сейчас двинемся в тыл основной группе жуков — завязнем в схватке с арьергардом.

Я подумал, что Фантом — один из немногих известных мне людей, которые произносят слово арьергард правильно, а не как «арьегард».

— Так что мы пока продолжим драпать, — печально сказал Фантом. — Подождем чуток... О! «Тесла» пошла в ход! Работа Гальватрона... хотя ему стоило чуть подождать.

Подступающее облако жуков поглотил мерцающий, расширяющийся шар диаметром в несколько километров. На экране он выглядел будто салютный залп, из тех, что вспыхивают тысячами мерцающих искр...

— Слабовато шарахнула, — с сожалением сказал Фантом. — Но тут уж ничего не поделать, лотерея... «Тесла» до сих пор нестабильно работает...

Я вдруг понял, что Фантом незаметно проводит ликбез. Не только для меня, наверное. Но вряд ли для многих. Для пяти-шести новичков...

И я отбросил подозрения о его предательстве. Это как-то не вязалось одно с другим — бросить в беде давних друзей и вытирать сопливые носы новичков...

— «Гиперион» прет в самый рой... не пойму чей... уходит... ну надо же! Он сыпанул мины прямо под нос мегажуку... Да. Смело. Только этому переростку «Берта» пофиг...

То ли у него был гораздо лучший навигационный компьютер, то ли

просто сказывался опыт. Лично я видел только то, что флот красных точек теснит флот зеленых к Плюшке — и все это окутано вспышками, искорками, переливчатыми цветными ленточками, яркими черточками, багровыми проблесками и голубыми молниями...

Красиво, в общем. Если со стороны.

— У жуков минус девять кораблей. У нас минус два. Что-то я не пойму... такое ощущение, что они сосредоточились на мелочи...

— Они заставляют жуков подозвать для охраны больших кораблей арьергард, — сказал Рэйнмен. — Чтобы мы могли быстрее вступить...

— Есть, — сказал Фантом. — Пошли, голубчики! Рванули к своим монстрам. Все девять. Чуть-чуть подождем, пусть ускорятся...

Секунды тянулись томительно долго. Я заметил, что у меня вспотели ладони. Вытер их о колени.

— Разворот! — весело сказал Фантом. — Все за мной! Отпинаем оранжевую мразь по чешуйчатым задницам!

Упрашивать никого не пришлось. Я выжал из корабля такой лихой разворот, что индикатор расхода энергии зашелся треском. Мой ведомый чуть отстал, но в целом держался крепко.

— Время сближения — десять минут, — сказал Фантом. — Кто умеет — помолитесь. Кто не умеет — тоже. В бою будет не до разговоров... постарайтесь сосредоточиться на мегажуках. Выбьем их — все будем в шоколаде!

Я еще раз внимательно осмотрел оружейные гашетки.

Слева — лазер «Мандрагора». Справа — ракетный комплекс «Смерч», шесть ракет с ядерными зарядами... Блин, с настоящими ядерными зарядами! И плазменная пушка «Тахион» — говорят, мощная, но работает на ближнем расстоянии...

Ну что ж, у меня есть возможность поиграть в большую космическую войнушку.

Многим нравится.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, **в которой Валентин и Лена переходят на** **нелегальное положение**

— Это очень хорошо, — сказала Лена, — что дом у тебя такой старый и с плоской крышей...

Она стояла на железной лесенке, ведущей к выходящему на крышу дома люку и возилась в навесном замке разложенным швейцарским ножиком.

— И хорошо, что ЖЭК у вас такой жадный и замки такие старые... — вынимая клацнувшую дужку из петель, добавила она. — Попрошу...

Люк с грохотом открылся. Лена поднялась первой, Валентин следом. Подумав, он закрыл люк за собой. Огляделся.

Мало что найдется на свете такого унылого, как крыша старой московской девятиэтажки, родившейся во времена Хрущева. Она не крыта черепицей, как старые немецкие дома. Она не зеленеет благородной медью, как голландские особняки. На ней не стоят баки солнечных водонагревателей, как у экономных греков или турок. Никаких уютных мансард, никаких домиков, никаких голубятен. Карлсон на такой крыше захотел бы повеситься от скуки — только ему не за что было бы зацепить веревку. Пара древних антенн с гнилыми проводами, через которые давно уже никто не смотрит телевизор — разве что несколько старушек не переключились на вездесущий кабель, да и то, подслеповато щурясь, они выставляют в окно комнатные антенны, по четыре раза на день ориентируя их на свою Мекку — Останкинскую иглу.

— За нами прилетит вертолет? — спросил Валентин.

— Что? А, смешно. — Лена огляделась.

Прямоугольник крыши, небрежно крытый когда-то оцинкованной жостью и заляпанный смолой. Покосившиеся прутики абсолютно символического, по колено высотой, заборчика, ограждающего край. Две будочки, прикрывающие от дождя люки, ведущие на крышу из двух подъездов.

А вокруг — коробки таких же домов, плоскости таких же крыш, редкие гребенки антенн. В летний день, наверное, кое-где сидели бы подростки — загораая, попивая пиво и неумело рассказывая скабрёзные истории. Сейчас, хмурой поздней осенью, крыши были совершенно пусты.

— Такое ощущение, что мы сами загнали себя в мышеловку, — сказал Валентин.

— Все будет хорошо, — сказала Лена. — Идем.

Она уверенно направилась к краю крыши. Валентин пошел за ней, покачивая головой и осторожно пробуя ногой скользкую поверхность.

— Я всегда стараюсь заранее узнать пути отхода, — сказала Лена. — Бывает... полезно.

— Откуда у нас здесь путь отхода.

— А вон он. — Лена махнула рукой.

И Валентин с содроганием увидел, что заборчик на крыше в одном месте разорван — там из-за обреза крыши высовываются поручни пожарной лестницы.

— У нас в доме есть пожарная лестница на крышу? — поразился он.

— Есть. Обрезана на уровне третьего этажа, чтобы дети и пьяные не лазали.

— На уровне третьего?

— Ну — потолка второго. Не беспокойся. Там все очень удачно... глянь.

Валентин осторожно подошел к краю и заглянул вниз.

Под лестницей стояла легковушка.

— Слезает, виснем на руках на последней ступеньке, прыгаем на крышу машины. Прекрасный амортизатор, поверь!

— Ты меня с Джеки Чаном не путаешь?

Лена усмехнулась и, крепко взявшись за поручни, встала ногами на верхнюю ступеньку — лицом к дому.

— Поручни скользкие, — озабоченно сказала она. — Аккуратно спускайся, ладно?

— Да я не собираюсь лезть по этой развалюхе!

— Зря, пропадешь. А лестница прочная. Только скользкая.

Лена начала спускаться.

Валентин присел у края, осторожно высунулся, глядя на макушку своей спутницы. Та, будто почувствовала взгляд, вскинула голову, подмигнула. Она была уже на уровне восьмого этажа.

Неужели не боится?

Или просто умеет скрывать свой страх?

Нет, ничего невозможного в этом нет. Подумаешь — спуститься по пожарной лестнице... даже скользкой... даже спрыгнуть на крышу машины...

Если знаешь, что это необходимо. Что иначе сгоришь, задохнешься,

погибнешь в огне...

Или от пули?

Да что же это такое? Работа журналиста порой бывает опасна. Даже не обязательно ездить в горячие точки или писать острые политические материалы. Рядовая — с точки зрения журналиста — статейка может так перевернуть чьи-то мозги, что человек купит бейсбольную битку и станет караулить тебя у подъезда. Однажды знакомого журналиста так отделал футбольный фанат, за слишком ироничный отзыв о его любимой команде. А другому сломали челюсть за стандартный, скучный, вялый фельетон о недостатках в работе ЖКХ. И за что сломали! Не за критику — за то, что в имени темпераментного кавказца, хозяина фирмы по установке домофонов, журналист случайно написал не ту букву, из-за чего имя стало *женским* ...

Но рисковать жизнью и попадать под пули из-за того, что заинтересовался компьютерной игрой?

Лена спускалась осторожно, но довольно быстро. Валентин с замиранием сердца следил, как она добралась до конца лестницы, опустила вниз ноги и, перехватывая одну перекладину за другой, стала спускаться на руках. Вот она повисла над машиной... помедлила... и разжала руки.

Звук удара был негромкий. Лена сразу же завалилась на крышу машины, скатилась на капот, плюхнулась на землю. Вскочила, потеряла коленку. Помахала ему рукой.

— Я идиот, — сказал Валентин. — У меня была четверка по физкультуре, а это было сто лет назад.

Он повернулся спиной к открытому пространству, осторожно опустил на ступеньку одну ногу. Потом вторую.

Пока все шло хорошо.

Цепляясь в мокрые железные прутья, с которых облезали хлопья не то ржавчины, не то древней краски, он опустился на несколько ступенек, так, что над крышей осталась торчать одна голова.

Еще не поздно вернуться. А вот если он спустится на этаж-другой — то придется идти до конца.

До него донесся слабый шум. И из будочки, прикрывающей люк, начал на полусогнутых ногах выбираться мужчина.

С чем-то, неприятно похожим на пистолет, в руке.

Валентин быстро спустился на несколько ступенек. Глубоко вдохнул холодный влажный воздух.

Все, теперь вариантов нет.

Только вниз.

Больше всего, конечно же, мешала влага на лестнице. Дождя сегодня

не было, но пасмурная осенняя погода выдавливала на железо слякоть. Руки уже через полминуты окоченели, ладони стали скользкими. К тому же он посадил несколько заноз — то ли металлических, то ли из осыпающейся иголочками краски.

Но спускался он довольно бодро, твердо запретив себе смотреть вниз. Ступенька-вторая-третья... Ступенька-вторая-третья...

Надо поймать ритм. Не считать все ступеньки до конца, станет страшно. Раз-два-три. Раз-два-три. В ритме танго... Нет, танго четырехдольный. В ритме вальса. Раз-два-три...

Когда очередное «три» не нашло под ногой ступеньки, Валентин позволил себе посмотреть вниз.

Слегка помятая крыша темно-красной легковушки была, на его взгляд, далековато. Метров пять.

— Давай повисни на руках! — подбодрила его Лена. — Совсем не больно!

Ну да, по сравнению с пулей — должно быть не больно.

Валентин спустил вниз ноги.

Повис на руках.

Осторожно перенес одну руку на ступеньку ниже.

Ничего... несложно...

Он отпустил руку, которой держался за верхнюю ступеньку.

И сорвался.

Секундный испуг даже не дал времени на крик. По ногам больно ударило, он стал заваливаться на спину, инстинктивно согнулся, скорчился в позе эмбриона, закрыл глаза.

— Долго будешь лежать? — спросила Лена.

Валентин приподнял голову.

Изрядно промяв крышу машины, он лежал в образовавшейся впадине.

— Черт, перепугался... — Он осторожно выпрямился, сполз с крыши на асфальт. Вроде бы ничего не болело. Только пятки ныли. — Извини, растерялся...

— Ты здорово прыгнул, — похвалила Лена. — Лихо. Я кувыркалась, как дура пьяная...

— Попался бы мне водитель, что тут машину оставил — расцеловал бы, — сказал Валентин.

— Целуй, — доставая ключи, сказала Лена. — Это я оставила. Именно на такой случай.

Валентин не нашелся что сказать.

Впрочем, Лена поцелуев не ждала. Пискнула сигнализация, она

открыла дверь со стороны водителя, села за руль. Валентин занял место рядом. Дверью пришлось несколько раз сильно хлопнуть, чтобы она закрылась.

— Деформировало слегка кузов, — сказала Лена, заводя мотор. — Ничего... железка — она и есть железка... выправлю.

Изнутри крыша была горбом вмята в салон. Хорошо еще, что машина была без люка в потолке.

— Я думала, ты долго будешь колебаться, — продолжала Лена. — А ты так... споро...

— Там человек на крышу вылез. С пистолетом, — сообщил Валентин.

— Ясно. Пристегнись. — Лена мгновенно вдавила газ, Валентина вжало в кресло. — У меня не броневик, так что сваливаем...

Промелькнул двор, негодующе кричащая что-то бабка, выходящая из подъезда и вынужденная пропустить автомобиль. Радостно залаял, забился на поводке пудель, которого выгуливала девушка из соседнего подъезда...

Через несколько секунд Лена уже выехала на улицу, мгновенно ушла в левый ряд, проскочила под желтый сигнал светофора, подрезала черную «бэху» и выставила в окно большой палец в ответ на негодующий сигнал оскорбленного водителя.

— Да ты... гонщица... — сказал Валентин, торопливо пристегиваясь.

— Я — водила. Это работа такая, — протискиваясь между «КамАЗом» и его дефективной родственницей «Окой», сказала Лена.

— Будет здорово, если мы не разобьемся...

— Будет еще лучше, если мы уйдем от погони.

— Какой погони?

— «Лексус». Черный джип, рванул за нами из двора.

Валентин обернулся.

Да, сзади и впрямь перестраивался через поток машин здоровый черный джип.

— За нами?

— А за кем еще? Он светофор на красный прошел, чуть «форду» морду не снес...

— Боже мой, а я еще думал, что умею водить машину...

— Тебе это хобби, а мне — работа... Сейчас уйдем.

— Ты в гэбэшной наружке не работала?

— Бабушка моя работала. Бабушка-наружка, мы с братом ее так в детстве звали...

— Серьезно? — выдавил Валентин.

Лена помолчала, потом ответила:

— Да нет. Вот это я как раз гоню...

Они оторвались от «лексуса» минут через пять. Оторвались классически, на светофоре — внедорожнику, с его габаритами, не помог держаться вровень с Леной даже мощный мотор. На втором повороте после светофора Лена ушла на параллельную улицу, нырнула в туннель, выскочила на Третье кольцо и затерялась в потоке машин.

— И куда теперь? — покорно спросил Валентин.

— Ты мужик или кто? — удивилась Лена. — Я свое дело сделала, теперь давай ты, придумывай. На прием к знакомому депутату или в редакцию большой газеты...

— Ну давай... в «Комсомолку», у меня там есть знакомые...

— Да шучу я, — сказала Лена, помолчав. — Какие газеты, какие депутаты... Ты же понимаешь, что мы чем-то не угодили чужим. Захотят — в президентском бункере тебя достанут... Ну или приедет вслед за нами бригада санитаров и предъявит бумаги о том, что мы уже лет десять как лечимся в психушке...

— Но нам помощь, — сказал Валентин. Стукнул кулаком по мягкому пластику приборной панели. — Мы же не можем бегать от них, как мыши от кота! Один раз получилось, в следующий раз не выгорит. Нам нужна сила, понимаешь? Настоящая сила!

— И где ее взять? — фыркнула Лена. — Такую настоящую, чтобы ее испугались инопланетяне? Это же должна быть сила такого же масштаба!

Валентин повернулся к ней.

— Ленка... а ты умница! Ты сама поняла, что сказала?

Она поразмыслила несколько секунд, не отрывая взгляда от дороги.

— Нет, если честно. У меня нет знакомой инопланетной цивилизации, способной прийти на помощь...

— Ошибаешься, Ленок. Есть. И у тебя есть. И у меня.

— Да ты рехнулся... — пробормотала она. — Катран... ты это всерьез?

— Конечно, — сказал Валентин. — Нам и впрямь никто не поверит. А если и поверит — то не сможет помочь. Кроме нас самих. Вот мы — поверим. И мы можем помочь. Потому что где-то там, в космосе, тысячи людей на тысячах боевых кораблей. И все они, как ни крути, обижены. Всех их немножко обманули.

— Но как мы... — Лена осеклась.

— Именно так, — сказал Валентин. — Сама ведь рассказывала, как с собой поговорила. Придется повторить. И попросить помощи.

— Ты думаешь, они смогут?

— Откуда мне знать? Но если они узнают, что мы здесь в опасности — у них будет стимул. И неплохой!

— Нам надо лечь на дно, — сказала Лена. — Какое-то место... неожиданное, чтобы нас там не ждали. Друзья-родственники исключаются. И еще надо, чтобы там был компьютер с выходом в Сеть. Лучше два компьютера. И какой-нибудь неожиданный выход, чтобы не отследили.

— Дружелюбный малознакомый компьютерщик со слегка съехавшей крышей, — задумчиво сказал Валентин. — Ты знаешь... а есть у меня один такой...

Он достал из куртки бумажник. Вынул визитку Олега.

Как удачно, что он ее не выбросил сразу!

— У тебя мобильник с собой? — спросила Лена, глянув на него.

— Нет... в квартире остался.

— Вот и хорошо. У меня с собой, но выключен. Достань из правого кармана... вынь симку и выбрось в окно. Сейчас съедем на Профсоюзную, остановимся у какого-нибудь ларька, купим...

— Паспорт потребуют показать, — напомнил Валентин. — Развели бюрократию на ровном месте...

Ему сейчас очень хотелось кого-нибудь поругать. Даже написать статью. Такую, чтобы она клеймила и обличала, но чтобы из-за нее не приходилось лежать под пулями и спускаться с крыши по пожарной лестнице.

— Да перестань, что ты как ребенок! Доплатишь сверху и запишут данные с твоих слов... Иван Васильевич Нечипоренко, проживающий на улице Красной Сосны, дом три, квартира девяносто.

— А кто там живет?

— Откуда мне знать? — усмехнулась Лена. — Я даже не уверена, что этот дом жилой.

Заправив купленную сим-карту в телефон Лены, Валентин снова уселся в машину. Мельком подумал, что у них есть очень яркая примета — вдавленная крыша. Если станут искать с вертолетов... или со спутников...

Впрочем, об этом думать не хотелось.

— На чье имя купил? — спросила Лена.

— На имя Юрия Михайловича Семяцкого.

— А кто такой? — удивилась она.

— Слышал, что это несуществующий такой человек, его писатели вставляют в свои книжки, когда надо кого-то убить. Ну, чтобы не было претензий потом, «почему человек с моим именем утонул в выгребной

яме». Писатели как-то выяснили, что человека с таким именем-отчеством и фамилией в России нет. Ну и пишут теперь... Это как у американцев Джон Доу — ярлычок на неопознанном теле.

— Ну ты юморист, — покачала головой Лена. — Лучше бы какой-нибудь Иван Смирнов был...

Валентин тем временем прижимал к уху трубку, с удивлением слушая странноватые звуки. До него не сразу дошло, что молодой компьютерщик поставил в качестве звука при дозвоне не музыку, как делают некоторые любители зря потратить деньги, и не сладострастные стоны, как делают глуповатые недоросли. Компьютерщик Олег заставлял дозванивающихся к нему людей слушать звук коннектящегося по телефону модема!

Господи, неужели он еще застал эпоху телефонных соединений с интернетом? Молодой ведь парень...

Хотя... Если увлекся компьютерами с детства, то вполне мог успеть.

— Алло? — задумчивым тоном спросили в трубке — будто не рассчитывая, что и впрямь позвонят.

— Олег?

— Да.

— Это Валентин. Журналист, мы встречались в редакции...

— Да, да... Игры, реклама... — чуть оживился компьютерщик. — Ну как, поиграли?

— Поиграл. — Валентин постарался, чтобы его голос звучал достаточно интригующе.

— Ну? — оживился Олег. — И как оно?

— Олег, я сейчас задам вам странный вопрос, — сказал Валентин. — Скажите, мы могли бы встретиться где-нибудь приватно? И поговорить? Есть очень серьезный разговор.

Олег на миг задумался. Потом подозрительно спросил:

— А... это... что за личный разговор-то?

— Об играх компьютерных, разумеется, — ответил Валентин.

— Тогда можно у меня дома, — решил Олег. — Только с вас пиво. Хорошо?

— Да без проблем, — сказал Валентин. — Мне бы тоже сейчас не повредило выпить пива. Где встретимся?

— А вы на машине?

— Да.

— Тогда вы меня подхватите у редакции? Через час? Устроит?

— Устроит. Темно-красная «мазда», шестерка. Через час у редакции. Если я с девушкой — ничего? Она тоже очень любит игры. В смысле —

компьютерные, — покосившись на Лену, добавил Валентин.

— Хорошее дело, — одобрил Олег. — Тогда пива побольше. А если у девушки есть подруга — то будет совсем здорово!

— Я спрошу, — уклончиво ответил Валентин. — Как выйдете из редакции — наберите этот номер, ладно?

Он закрыл телефон и вернул Лене.

— Ну вот, у нас есть консультант. С которым я практически незнаком.

— Думаешь, у него можно будет и остановиться? — спросила Лена.

— Посмотрим.

— Ох, не хочется мне в центр сейчас ехать, машина больно приметная, — вздохнула она. — Кто знает, может, по нам уже ориентировка в ГАИ ушла...

— Если ушла, тогда ты уйдешь от гаишников, — сказал Валентин. — Я в тебе не сомневаюсь.

Ему показалось, что на губах Лены на миг мелькнула гордая улыбка.

То ли их преследователи не могли привлечь к слежке ГАИ, то ли им просто повезло, но через час, подхватив у издательства Олега, они двигались в Строгино, где жил компьютерщик.

— Очень удачно вы позвонили, — жизнерадостно сказал Олег, устраиваясь на заднем сиденье. — Хотелось вечером пивка попить, но не складывалось...

— Ты что, дурак? — неожиданно спросила Лена. — В твои годы надо с девушками гулять, образованием заниматься, по музеям ходить... книжки читать, в конце концов. А не пиво пить посередине недели.

— Интересный взгляд на жизнь! — Олег ничуть не обиделся. — Чем-то напоминает точку зрения моих родителей. Но с девушкой я поссорился, а природная застенчивость мешает мне немедленно познакомиться с новой. Музеями меня накормили до тошноты в раннем детстве, вряд ли в Москве есть музей, где я не провел несколько томительных часов. Что же касается образования — то институт я уже окончил, не получив, кроме аттестата, ничего полезного. Самообразованием же я занимаюсь на работе, поскольку за исключением срочной помощи секретаршам, которые ухитряются порой угробить даже «Висту», мне делать совершенно нечего. Что у нас осталось?

— Книги, — невольно веселясь, ответил Валентин.

— Книги — это важно, — согласился Олег. — И я их очень люблю. Но не несчастные трупы деревьев, расчлененные и спрессованные в сухие маркие листы под названием «бумага». Нет, их мне противно даже взять в руки! Я читаю книги в метро по пути на работу и обратно, со своего КПК.

Час утром — и час вечером.

— М-да, — задумчиво сказала Лена. — Как я понимаю, дома у тебя биде. Чтобы не осквернять погибшие деревья.

— Увы, я не столь обуржуазился, — не смутился Олег. — Но я работаю над этим вопросом. Через три года, по моим расчетам, я сумею купить маленькую квартиру в Москве — ну, или большую в Париже. Но я не знаю французского, так что придется выбрать Москву. Вот там я обязательно устрою биде! Ставить же его в съемной квартире — непозволительная роскошь для простого сисадмина.

— Очень собранный и целеустремленный человек, — сказал Валентин. — Ты его, Лена, с толку не собьешь. Тем более нам очень повезло, что Олегу хотелось выпить пива... и поговорить с нами об играх.

— Да, кстати, — оживился Олег. — Вы там что-то нарыли, да? Будет разгромная статья? Кстати, а что у вас с машиной? — Он ткнул пальцем в выгнувшуюся внутрь крышу. — Это такой дизайн, или сигнализация сработала посреди ночи и соседи с верхних этажей выразили свой протест путем бомбардировки старыми гантелями?

— Это мы спрыгивали на крышу машины с пожарной лестницы, — любезно сказала Лена. — Понимаешь, Олег, за нами гнались киллеры и пришлось уходить через крышу.

— Лена... — попросил Валентин. — Не надо сейчас.

— Нет, я думаю, что надо сказать все честно, — твердо сказала Лена. — Понимаешь, Олег, мы тут влезли в какую-то очень нехорошую историю с одной компьютерной игрой. И на нас, можно сказать, идет охота. Так что если ты боишься оказаться замешанным — то скажи. Мы тебя высадим у твоего дома и поедem дальше. Даже пива оставим, холодненького. Валентин гуляет, купил настоящего чешского, не нашего разлива... К тебе никаких претензий не будет. Только учти... — Она помолчала. — Ты избежишь от возможных неприятностей. Но ты пройdeшь мимо самого удивительного приключения в твоей жизни. Никогда больше тебе не выпадет шанс изменить судьбу... наверное, всего человечества.

— Но зато через три года ты поставишь в новой квартире биде, — любезно добавил Валентин.

— Ребята, во что вы ввязались? — настороженно спросил Олег. — Это спецслужбы, да?

— Это инопланетный разум. Чужие, — сказала Лена. — Но это все, что я могу тебе пока сказать. Остальное — у тебя дома. Если пригласишь.

— Чужие? — Олег задумался. — Нет, честно, да?

— Честно.

— Чужие — это еще ничего, — сказал Олег. — Давайте... поговорим.
И вообще, я в одиночку пива не пью!

ГЛАВА ПЯТАЯ, в которой я сжигаю жука

Хорош или плох был план Фантома — я не знал. Мы действительно прижали жуков — заходили на них с тыла в тот момент, когда они сцепились с первой и третьей флотилией... может быть, вернее сказать — остатками флотилий.

Но меня не оставляло ощущение, что во всем этом есть какой-то самообман.

Это при обычной, наземной войне кавалерийский удар в тыл способен опрокинуть могучую армию. Это на Земле зашедшие сзади танки могут удачно атаковать противника.

Но здесь, в космосе?

Если в каждом жуцином корабле сидит по инопланетянину, если они воюют так же, как и мы — один пилот на одном корабле, то у нас есть шансы. Им просто трудно будет воевать на два фронта.

А если там хотя бы двое жуков?

Один пилотирует корабль и стреляет «вперед».

Другой контролирует тыл.

В нас тогда полетят ракеты, ударят разнообразные «лучи смерти» — и атака захлебнется мгновенно.

Но ведь Фантому уже приходилось драться с жуками? Он знает их тактику. Значит, такого не будет... значит, и впрямь — один пилот на один корабль...

Почему?

В свое время появление стрелка на штурмовике ИЛ-2 кардинально изменило картину боя — немецкие истребители уже не могли безнаказанно расстреливать советские самолеты. Наши корабли достаточно большие, даже в «Сильвану» можно запихнуть несколько человек. Наверняка то же самое и у жуков... вон какие монстры постепенно вырастают на экране.

Посади помимо пилота еще пять-шесть стрелков. В конце концов, научи стрелять компьютер!

И все! Обходы, удары с тылу — все это потеряет смысл...

Но мы приближались к кораблям жуков все ближе и ближе — а в нас не стреляли. Заметили — часть малых кораблей начала перегруппировываться, но пока не стреляли. Один мегажук был уже довольно близко.

— Катран, выбирай цель. Бегун.

— Бегун, идем к дальнему мегажуку, — сказал я, захватывая его в прицел. Мегажука тут же подсветило красным ободком целеуказателя. Рядом побежали цифры — расстояние. — Выходим на дистанцию ракетного удара, стреляем, разворачиваемся и возвращаемся к ближнему. Катран.

Тут же послышался голос Фантома — и как он успевает всех контролировать?

— Катран, Бегун, план одобряю. Но стреляйте не с максимальной дистанции, зря потратите ракеты. Приближайтесь до двадцати, двадцати пяти километров, начинайте разворот, стреляйте в момент, когда начнете удаляться. Вас прикроет двойка Хемуля. Я с Рамией работаю по ближнему мегажуку. Кто нас поддержит из мелочи?

И снова забормотали голоса пилотов — едва слышные, если не обращать внимания.

Интересно, жуки понимают, о чем мы говорим?

Вражеские корабли сейчас сбились кучей, будто исполинским шаром продавливая позиции двух флотилий. Уроните свинцовый шарик в сплетенную из резины сетку — и это будет на то, как сверкали на экране красные и зеленые огоньки.

А между ними и среди них полыхали цветные всполохи. Рвались ракеты — пожалуй, это было самым заметным эффектом сражения. Лучевые залпы, как я уже понял, зрительно были не видны, компьютер рисовал их на экране...

— Катран, не пора тормозить? Бегун.

Да, я, пожалуй, увлекся. Тот мегажук, что был дальним, уже виднелся совершенно отчетливо — две пупырчатые сферы, оплетенные оранжевыми трубами, между ними сфера поменьше — и хищно вытянутый вперед боевой отсек. Я потянул штурвал, уводя корабль назад — это, пожалуй, выглядело как трусливое бегство. В тот же миг «Феникс» дважды тряхнуло, стекло на миг потемнело, прикрывая мои глаза от вспышки.

Ракеты? Лазерный удар?

Не важно, защитное поле выдержало.

Мегажук, похоже, мной всерьез не заинтересовался. Возможно, потому, что решил, будто я выхожу из боя. Так что это был скорее презрительный плевок вслед, чем полновесная оплеуха.

Когда индикаторы показали, что расстояние увеличивается (мы подошли к врагу почти до семи километров), я крутанул корабль, разворачивая его носом к мегажуку. И вжал гашетку «Смерча». Меня

тряхнуло раз, второй, после чего компьютер понял, что я не собираюсь мелочиться — и четыре ракеты сорвались с подвески одновременно.

Мама родная, я же в семи километрах от ядерного взрыва!

Нет, уже в восьми... в девяти...

Корпус мегажука расцвел яркими вспышками — он палил в приближающиеся ракеты. Три тут же смело с экрана. Никакого ядерного взрыва не последовало — ракеты просто испарились вместе со своей начинкой.

Четвертую расстрелял в упор вынырнувший навстречу маленький жучиный корабль.

А две взорвались.

Рядом с мегажуком забурлили, расширяясь, два огненных шара, слились в колышущееся огненное облако, опали... Мегажуку, похоже, ничего не сделалось, защита выдержала.

Зато прикрывавший его мелкий корабль исчез. Он не успел отвернуть и влетел прямо в плазменное облако.

— Бегун, почему не стреляешь?

— Катран, я не успел выйти на дистанцию залпа. У меня «Команчи», они только на трехкилометровой дистанции... Повторить заход?

— Не надо, успеешь. Прикрывай.

— Катран, благодарю, — возник голос Фантома. — Ты его отвлек.

Я увидел, как к мегажуку приближается «Прайм» — хотя бы слегка соизмеримый с ним габаритами. Вокруг «Прайма» кружили четыре наших мелких корабля. Чуть ли не «Сильваны». Следом шел еще один крупный корабль.

— Вонк, Чавес, работайте с ним... — скорее попросил, чем приказал Фантом.

— Сделаем, Фантом, не бзди, — откликнулись в эфире.

Да, сомнения пилотам было не занимать. Безумству храбрых поем мы песню...

В эфире орали, матерились, проклинали, звали на помощь. «Шар» из жучиных кораблей раскрылся, будто апельсин разломали на дольки. Они все еще двигались к Плюшке, но им уже было не до боевых порядков — все превратилось в кучу малу. Мне на хвост сели два жука, игнорируя выстрелы Бегуна — но пролетающий мимо корабль сжег их двумя залпами.

— Спасибо! — закричал я. — Это Катран, спасибо!

— Это Антибиотик, — хрипло ответили мне. — Сейчас — пожалуйста, но как-нибудь потом поговорим о Сасе Боссе...

Вот так... мне помог кто-то из Рыцарей Удачи. Налет жуков отменил

старые счета... во всяком случае, на время их отложил.

А тем временем мы с Бегуном приближались ко второму мегажуку, с которым сейчас обменивались залпами два больших человеческих корабля. Мы были все ближе и ближе, навстречу нам выскочили два мелких жука — и я с удовольствием открыл огонь из лазерной пушки. Пару секунд мы сближались, паля друг в друга, стрекотал индикатор расхода энергии, символы силовых щитов на пульте наливались красным — моя защита теряла способность поглощать удары.

И когда один из кораблей начал выходить на меня в лобовую — то ли и впрямь решив таранить, то ли пытаясь сбить с курса, я ударил в него из плазменной пушки. Не накачивая энергию, как с Сасой, а обычным залпом.

Вот это было зримо!

Вперед протянулась огненная струя, извивающаяся, покачивающаяся из стороны в сторону, будто ищущая добычи змея. Жук стал уходить — но струя потянулась за ним и ударила в борт.

Корабль как-то сразу весь смялся, сложился и оплавленным комком промчался мимо. Второй жук стал уходить — и вслед ему Бегун всадил две свои ракеты ближнего радиуса.

Ракеты оказались быстрее, чем жук.

— Есть! — закричал я, почему-то обрадовавшись успеху ведомого больше, чем своему. А ведь я сбил уже двоих! Пусть первого случайно, но второго-то абсолютно сознательно.

— Есть! — радостно подтвердил Бегун.

А мегажук уже занимал полнеба. Невооруженным глазом было видно, что корабль окутывает светящаяся пленка, наливающаяся алым, когда в нее попадали выстрелы, несколько секунд мерцающая — и вновь набирающая бело-голубой цвет.

— Бегун, что у тебя осталось?

— Плазменник! «Секач»!

— Он хорошо бьет?

— Нет! Только вблизи!

— Попробуем!

В общем-то я понимал, что этому монстру наши выстрелы совершенно фиолетовы. Но мной овладел какой-то веселый бесшабашный азарт. Перекинув мощность щитов с задней полусферы на переднюю — на что мне ведомый, если не прикроет? — я с энтузиазмом палил в приближающийся корабль.

И, кажется, у жука не выдержали нервы — или что там у него вместо них имелось.

Мегажук неожиданно быстро развернулся к нам. В вытянутом вперед «клюве» гигантского корабля разгорелась алая точка — и плюнула в меня столбом света. Опомнившись, я потянул штурвал, уходя в сторону.

К счастью, не успел.

К счастью — потому что выстрел мегажука пришелся в переднюю, накачанную энергией полусферу силового поля.

По «Фениксу» будто стукнули чугунной чушкой. Иллюминатор полыхнул алым — и долю секунды мне казалось, что «стекло» разлетится вдребезги — хотя я и знал, что это никакое не стекло, точно такой же материал, что и у всего корпуса — просто прозрачный.

Искусственная гравитация отказала в то же мгновение. Мне повезло, что первый удар вдавил меня в кресло, а швырять корабль (и меня внутри кабины) стало уже на излете — когда помятый, с отключившимися щитами «Феникс» по касательной прошел мимо мегажука и понесся сквозь боевые порядки жуков и людей.

По мне не стреляли только потому, что сочли убитым.

Я пришел в себя минуты через три, витая посреди кабины. Лицо было разбито в кровь, во рту было солоно. Один глаз заплыл и не хотел открываться. Безумно болел палец — я вспомнил, что цеплялся им за кресло и как минимум вывихнул.

Кресло было надо мной. Я потянулся, схватился за спинку, начал втягиваться внутрь. В этот момент включилась гравитация — не на полную мощность, от силы на треть земной.

Это помогло мне не сломать себе шею.

Оказавшись в кресле, я первым делом расстегнул пояс, вытянул его из джинсов и попытался пристегнуться вместе со спинкой. Не вышло. Тогда я снял свитер и, забросив за спинку, привязал себя к креслу рукавами. Только потом уставился в иллюминатор.

Экран не работал, но и без него вокруг было много чего занятного. Вспышки света — один за другим сгорали корабли, и я даже не знал чьи. Битва внезапно вступила в решающую фазу, судя по всему, минуты через две-три никого просто не останется.

Внезапно зажегся экран. Померцал — и выдал картинку, на которой остатки красных точек пытались перегруппироваться и уйти от зеленых. Бегство возглавлял один мегажук.

Второго не было.

Плюшка была совсем рядом, и я понял, что решило исход сражения. Сцепившиеся корабли приблизились на расстояние прицельного огня с Плюшки. Наверное, это и было той целью сражения, которую не стали

доводить до рядовых пилотов.

И Плюшка выдала все, на что была способна. Потом мне рассказали, что за полминуты боя было уничтожено двадцать с лишним жуков. От этого удара вражеская эскадра уже не оправилась.

В эфире была тишина, но я все-таки потряс звеневшей головой и позвал:

— Бегун, это Катран. Ты где?

Тишина.

И вдруг — голос Фантома.

— Жив, Катран?

— Да... кажется. Меня подбили, но корабль оживает. Что делать?

— Ползи к Плюшке. Ты и так сделал достаточно.

— Да? — удивленно спросил я.

— Вы с Бегуном отвлекли на себя мегажука. Он сосредоточился на вас — и мы с Рамией его сожгли.

— А где Бегун? — спросил я.

— У него щиты были куда слабее твоих, — просто ответил Фантом. — Все, уходи к Плюшке. Отбой.

Некоторое время я молчал, глядя на экран.

Потом услышал голос Лены.

— Катран, ты как? Водила.

— Жив, — ответил я. — Ты где?

— Ползу к Плюшке. Вижу тебя. У тебя правый бок весь в пробоинах. Летим, Катран. Мы на сегодня свое отвоевали.

Я взялся за штурвал и стал разворачиваться к Плюшке.

«Феникс» слушался плохо.

Но все-таки мне удалось направить его к станции.

Из чужих кораблей ушел только один мегажук. Всю мелочь доклевали наши корабли, преследовавшие налетчиков некоторое время.

У нас не вернулось тридцать кораблей. Большой частью мелочь с пилотами-новичками, но было и несколько опытных пилотов на хороших кораблях. Пятерых удалось вытащить — они катапультировались из сбитых кораблей в жилых отсеках.

Администрация Плюшки заявила, что все корабли будут отремонтированы за счет станции, а лишившейся кораблей пятерке предоставят новые — в пределах того же класса. Также были обещаны призовые начисления, повышения в уровнях, медали и ордена, праздничный банкет для участников «Битвы при Плюшке» и прочее,

прочее, прочее...

Я долго допытывался у всех, кем был Бегун. С трудом удалось выяснить, что ему было лет двадцать с небольшим, что фамилия его была Бегунов, что пилот он был средненький, но азартный и вполне довольный тем, что попал на Плюшку. В общем — рядовой этой странной космической войны.

Потрепали и мой «Феникс», и «Мурену» Лены. Восстановить корабли обещали не раньше, чем через два-три дня.

Вечером мы сидели в баре. Вопрос о том, виноват я или нет, надо ли у меня отбирать корабль, больше никто не поднимал. Я видел Инну, видел Вадима Эдуардовича — мы поздоровались за руку, но ничего друг другу не сказали.

Надо было понимать так, что я доказал свою полезность и право владеть хорошим кораблем.

— Когда напарника убивают, это всегда неприятно, — сказала Лена. — Даже если совсем его не знал... Давай... покой ему среди звезд... ему и всем остальным.

Мы выпили не чокаясь. Бар сегодня пользовался повышенной популярностью, заняты были почти все столики. К Плюшке слетались пилоты, прослышавшие о случившемся, ангар был уже полон и корабли швартовались к корпусу станции.

— Они еще никогда не приближались к станции, — задумчиво сказала Лена. — Раньше жуков встречали на границах освоенной зоны.

— На каких именно границах?

— Да на любых.

Я задумался.

— То есть мы где-то посередине их территории?

Лена пожала плечами.

— Возможно. Или на пути миграции.

— Или им не нравится, что вы тут в астероидах ковыряетесь, экологию нарушаете... — в тон ответил я. — Понятно. В общем, вы такими мелочами, как контакт с чужим разумом, не озадачиваетесь. Подумаешь — оранжевые жуки...

— Не заводись, Катран, — миролюбиво сказала Лена. — Они появляются редко и непонятно откуда. Они не идут на контакт. Как нам с ними общаться? Как изучать? Вот, сбитые корабли сейчас буксируют к Плюшке, станут в них ковыряться... может, поймут чего... Хорошо то, что мы вообще отбились! Да и повод отдохнуть теперь есть, пока починят корабли...

У нее на руке пискнул комм. Лена поднесла браслет к уху, послушала несколько секунд, потом ответила:

— Да. Со мной. Сейчас.

Она встала и кивнула мне:

— Пошли, Валентин. Начальство зовет. Говорят, к нам есть разговор...

— Продолжат отбирать корабль? — спросил я сердито.

— Да не бойся, никто теперь у тебя ничего отбирать не станет. Слишком хорошо себя проявил.

В этой части станции я еще не был. Да и не смог бы сюда пройти, если бы меня не пригласили — двери на мой комм не реагировали, открывались только по команде Лены — и то потому, что ей дали временный допуск.

Научный и административный сектора занимали центр Плюшки. Сюда собирали тех прибывших, кто имел более или менее подходящее образование — физиков, химиков, математиков, программистов. Некоторые, как я понимал, от этого были не в восторге.

Отгороженные от общих помещений, нечасто туда выходящие, они получили взамен уникальную возможность — исследовать чужие технологии. И пытаться их воспроизвести.

— Это банк матриц, — сказал Вадим Эдуардович. — Впечатляет?

Да, это впечатляло.

Представьте себе помещение длиной метров сто и высотой метров десять. Стены — от пола до потолка — закрыты решетчатыми стеллажами с ячейками примерно полметра шириной — метр высотой.

И в каждой ячейке — закрепленный в прочных зажимах — прозрачный цилиндр с синеватой опалесцирующей жидкостью внутри.

— На Плюшке три синтезатора, — сказала Инна. Они привели нас сюда вдвоем с Вадимом Эдуардовичем. — Один пищевой — он производит только пищу. Второй создает вещи. Третий, самый большой, производит корабли. Как они работают — мы даже не пытаемся понять. Мы можем создавать малые синтезаторы, их покупают кланы и альянсы, ставят на своих планетарных базах. Так вот, наши ребята пытались один такой разобрать... в общем, это не для наших мозгов.

— Классический «черный ящик», — добавил Вадим Эдуардович. — С одного конца подается энергия и материя... никакой трансмутации материи нет, конечно, если тебе нужен предмет, в котором на десять частей углерода приходится одна часть железа — изволь засунуть в люк мешок угля и железную чушку. В матрице огромное количество программ, но оно конечное. Скажем, матрица корабля типа «Прайм» занимает банку целиком.

В большом синтезаторе двадцать гнезд и все они заняты. Если мы найдем какой-то новый тип корабля, то что-то придется убирать на склад.

— И сколько матриц вы уже проверили?

— От силы одну двадцатую. Но и тут сюрпризы... часть матриц — запасные, и совершенно случайно обнаружилось, что в запасной матрице оружия на одну единицу больше.

— Гасильник.

— Именно. Сейчас мы начали перепроверять запасные матрицы, возможно, там есть и еще сюрпризы.

— Нормальный кофе, например, — вздохнула Инна. — Синтезатор производит кофе, он вкусный... только знаете, в чем беда?

Я покачал головой.

— Он без кофеина. Нормальный кофе у нас только тот, что иногда забрасывают с Земли.

— Отсюда и похитили гасильник? — спросил я.

— Нет. — Вадим Эдуардович покачал головой. — Уже из лабораторий... Мы не ожидали такого, если честно. Еще никто не пробовал идти против Плюшки. Пробиться к власти — да, а вот обворовать... по сути — объявить войну...

— Вы их не нашли?

— Нет. Они покинули систему через несколько часов после вас. Бросили свою базу, даже большую часть оборудования... У них явно была приготовлена запасная позиция.

— А много времени им понадобится, чтобы сделать гасильник?

— Все зависит от материалов, которые у них есть. — Он явно ждал этого вопроса. — Большая часть элементов добывается просто. Углерод, железо, кремний... даже гафний и рубидий — все это можно добыть во многих местах. Проблемы у них могут возникнуть с металлами платиновой группы. Прежде всего с рутением.

— Его не так уж и много надо, — вставила Инна. — Плюшка потребляет в год два-три килограмма рутения. В малых количествах его добывают вместе с платиной...

— Проблема в том, что для гасильника им нужно много рутения. Очень много. Больше четырех килограммов. Вряд ли у Ищущих есть разведанные запасы платиновых руд. — Вадим Эдуардович скептически улыбнулся. — Мы же с ними нормально торговали все это время... они бы не преминули продавать нам редкоземельные металлы. А они, напротив, покупали... по чуть-чуть. Для своих синтезаторов, для производства оружия и боеприпасов.

— Значит, они попробуют обчистить известные нам месторождения платиновых руд, — снова заговорила Инна. — Их по большому счету три. Одно в этой системе, в поясе астероидов. Оно уже изрядно вычищено, но в любом случае Плюшка контролирует эту зону, им тут ничего не светит. Второе месторождение находится на одной из планет ГТК.

— Клан Первого Альянса, — пояснила мне Лена. — Фантом один из их лидеров.

— Там Ищущим тоже мало что светит, — сказала Инна. — Мы предупредили ребят, они в курсе ситуации. Ни грамма рутения на сторону не уйдет. Захватить планету ГТК у Ищущих не получится, расклад сил совсем не в их пользу.

— Значит, третье месторождение? — спросил я.

— Да. Его контролирует клан Ангелы Деймоса. Это достаточно слабая команда и система, в которой они базируются, находится достаточно далеко. Мы боимся, что если Ищущие решат захватить их рудники — они добудут рутений за достаточно короткое время.

— Подождите, — я поднял руку, — вы говорите, рутений добывать долго и трудно...

— Если добывать нормальным путем, — кивнула Инна. — То есть ставить завод, выковыривать всю руду подчистую... Но есть еще такой путь, как диггерство — извлекать нужные элементы с помощью «диггера», лучевой «копалки». Порода перерабатывается с крайне низким КПД, из нее извлекается, дай бог, процентов десять руды. Но зато быстро.

— Диггерством занимаются начинающие пилоты, у которых нет денег на постройку автоматической шахты, — кивнула Лена. — Но, конечно, такие ценные руды, как платина, стараются разрабатывать нормальным образом...

— Если Ищущие решат разработать рудник с помощью копалки, то три-четыре корабля выработают его за несколько дней. И нужное количество платиноидов наберут, — сказала Лена.

— Что вы хотите от нас? — в лоб спросил я.

— Вы с ними знакомы. Более того, у вас вроде бы неплохие отношения. — Вадим Эдуардович развел руками, как бы признавая всю удивительность этого факта. — И вы показали себя неплохим пилотом. Мы бы попросили вас с Леной отправиться на территорию клана Ангелы Деймоса. Побывать там некоторое время. И если произойдет нападение... во-первых, оповестить Плюшку. Во-вторых, постараться задержать Ищущих. Нельзя позволить этим ненормальным овладеть таким оружием!

С этим я был согласен. Но отвечать не спешил — посмотрел на Лену.

— Оплата? — коротко спросила она.

— Водила! — Инна удивленно подняла брови. — Да ты что? Это же вопрос общей безопасности!

— Общая безопасность всегда оплачивается по индивидуальным тарифам. Головами будем рисковать мы с Катраном... так что не скупитесь.

Инна и Вадим Эдуардович переглянулись.

— Не обидим, — коротко сказал Вадим Эдуардович.

— Отдельная плата за дежурство, отдельная — за сообщение на Плюшку, отдельная — если придется вступать в бой, — продолжила Лена.

Инна поморщилась и кивнула. Но тут же с иронией добавила:

— Но зато отправляться вам придется спешно! Ваши корабли поставили в приоритетную очередь на ремонт, часа через два-три они будут готовы.

Вот и отдохнули.

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

в которой я попадаю в место, которое считают похожим на рай

«Мурена» шла метрах в пятидесяти от меня. Для космоса — совсем близко. Опасно, непозволительно близко, если бы я управлял кораблем.

Но поскольку я лишь задавал общее направление и скорость — можно было лететь как угодно близко. Наверное, если бы я однозначно направил свой «Феникс» на таран — корабль бы согласился с этим решением. Но сейчас он понимал, что мы просто хотим лететь параллельными курсами.

Мы уже совершили гиперпрыжок и вышли в пространстве звезды Деймос, где базировался маленький независимый клан.

И тут же обнаружили идущий нам навстречу корабль — явно спешивший к зоне гиперперехода.

— Опасно? — спросил я.

— Сейчас пойдем, — отозвалась Лена. — Внимание! Незвестный пилот на «Грифоне», ведущий сближение, назовитесь!

— Водилка! Ленусик! — Женский голос в динамиках был полон такой радости, будто встретились после долгой разлуки две любящие сестры. — Ой, как я тебе рада! Как дела? Кораблик твой как? Слышала, ты нового мужичка завела, хороший?

— Привет, Лав, — как-то не очень восторженно отозвалась Лена. — Все в порядке. А ты какими судьбами?

— Ой, да какие у меня судьбы? Летала к Рыжей, посидеть, помолчать, о жизни нашей погрустить... Ленусь, ты знаешь, они там хотят СПА заделать! С целебными грязями, ваннами, травяными отварами, массажем! Ой, здорово, правда? А я тут с одним ухарем поцапалась, такой козел! Я астероид нашла гламурный, сплошь золотишко, подлетаю — а он уже его долбит, подлец! Я ему говорю: «Вали отсюда, придурок!» А он кричит, что целый год его разрабатывает, что это его! Ну какой же он его, если я его уже нашла? Пришлось расстрелять... жалко, астероид тоже развалился...

«Грифон» словоохотливой пилотессы промчался мимо нас, устремляясь к зоне гиперперехода. А в динамиках еще гремел ее голос:

— И представляешь, зовет меня в клан, но при этом говорит, что стреляю я плохо, летаю и того хуже. Я говорю: «А зачем тогда зовешь?» Он отвечает: «По приколу, а то ночью поболтать не с кем». Я ему в ответ:

«Откуда у меня время-то с тобой болтать?» А он...

К счастью, в следующее мгновение «Грифон» ушел в гиперпрыжок и наступила тишина. Продолжение истории, наверное, услышали те, кому посчастливилось оказаться в точке выхода.

— Какая... интересная девушка, — дипломатично сказал я. — Из какого клана?

— Да не из какого, — усмехнулась Лена. — Она сама по себе. Болтать любит, тем и знаменита... Давай делай как я. Курс к Деймосу.

— Лена, а почему они называли звезду «Деймос»? — спросил я. — Это же спутник Марса.

— А почему одну звезду называли «Шушундра», а другую — «Полянка»? — ответила Лена. — Ну вот, взбрело человеку такое в голову... Название традиционно дает пилот, который первым прилетел в систему. И уж что он ляпнет и почему... Вот я одну звезду назвала ПМС.

— Что это такое?

— Догадайся, — фыркнула Лена.

— А почему они отделились от остальных?

— Это обычное дело. Без Плюшки, конечно, никто существовать не может. Только Плюшка производит корабли. Некоторые виды снаряжения и оружия тоже только на ней можно купить. Но жить-то на станции никто не заставляет. Есть планеты. На них хорошо...

— Разумная жизнь там есть?

— Не встречали. Даже животных не попадалось. Пока максимум, с чем столкнулись — растительность. У Ангелов Деймоса очень зеленая планета, кстати. Очень комфортная. Обратная сторона — плохо с минералами. Но они добывают их в поясе астероидов.

Система Деймоса была небольшой. Три планеты — две маленькие, раскаленные, очень близкие к похожей на Солнце звезде. Третья и впрямь похожа на Землю, даже из космоса — зеленая, с белыми облаками, с огромными водными пространствами. Дальше простирались астероидные пояса — строительный материал, так и не собравшийся в планеты. Чтобы не рисковать, мы летели над плоскостью эклиптики, где было невозможно столкнуться с мчащимся в пространстве булыжником. И все равно передние щиты по совету Лены я вывел на боевую мощность.

— Интересно, почему так, — задумчиво сказал я. — Если есть растительность, то как-то ожидаешь увидеть и животную жизнь... А что, растительность примитивная? Может быть, тут просто не успели возникнуть животные?

— Да нет, растения тут очень даже... интересные. — Лена

помолчала. — Я как-то разговаривала с одним парнем, ботаником. Он долго шатался с планеты на планету, исследовал как раз те миры, где была растительность. Очень увлеченный... таких любят вообще-то. Его и подкармливали, и топливом снабжали. Звали «наш Мичурин»... потом он где-то сгинул. Может, на жука нарвался, может, на уroda какого, который на его кораблик позарился. А может, с дерева упал и разбился, или какой-нибудь злобный укроп ему голову откусил... Так вот, этот парень всех уверял, что растения в целом похожи на земные, что говорит об общности эволюции, а может быть, и о происхождении из какого-то одного источника. И что эти растения изначально были приспособлены сосуществовать с животными.

— Неужели? — поразился я.

— Вот именно. Цветы вроде как привлекают насекомых... пытаются привлекать. Плоды есть съедобные... он на многих планетах ввел в рацион местную зеленюку. А съедобные плоды для чего? Чтобы человек или зверь их слопал, а косточки выплюнул и они проросли... Есть колючие семена. Они должны цепляться за шерсть, понимаешь? И много всего такого... Где-то больше выражено, где-то меньше. Он еще составлял карту. Говорил, что есть закономерность — какие планеты дольше лишены животного мира. Что картина такая, будто кто-то или что-то двигалось от звезды к звезде... и убивало животную жизнь. Аккуратно так, без катаклизмов, взрывов, радиации... Он все пытался составить схему — откуда это что-то пришло и куда ушло...

У меня по спине забегали мурашки. Я как-то очень ярко представил — над планетой, зеленой и цветущей, зависает звездолет — бесформенный, колышущийся будто туча... И птицы начинают падать с веток, пчелы замирают на лепестках цветов, всплывают кверху брюхом рыбы...

А потом я вдруг понял, что все это было совсем не так.

— Он выяснил? — спросил я.

— Вроде как нет, не успел. Пропал.

— Я знаю, как их убили, — сказал я. — Как... или что.

— Ну? — заинтересовалась Лена.

— Они перестали размножаться. Бегали, прыгали, летали. Чавкали плодами. Спаривались в положенный срок. Только они не приносили потомства. И через сотню лет вымерли. Может, черепахи какие-нибудь плескались в морях... или безумный попугай летал среди пальм и орал, выискивая самку... А потом все. Стало тихо и спокойно.

— Б-р-р! — с чувством сказала Лена. — С чего ты... А! Поняла. Ты думаешь...

— Если тут не размножаются люди, почему бы не предположить, что это все явления одного порядка? — сказал я. — Не умножай числа сущностей сверх необходимого, как завещал нам мудрый Оккам. Этот район космоса зачистили. Гуманно так... никого не убивая. Все сами вымерли. Может, тут и разумные существа были.

— Зачем? — спросила Лена.

— Вот чего не знаю... Чтобы освободить пространство. Планеты земного типа — они ведь не на каждом шагу встречаются? Чтобы обезопасить себя от конкурентов. А может, им просто не нравится животная жизнь? Может быть, это разумные растения? И любая мышь или воробей — для них страшный и жестокий вредитель.

— Не хочется, чтобы ты был прав, — как-то очень жалобно сказала Лена. — Слушай, но если планеты зачистили те, кто и нас сюда привез, то мы им зачем? Мы ведь тоже живые!

— Значит, для чего-то нужны... Лена, а собаки и кошки? Когда я сюда попал, Инна мне сказала, что порой с Земли передают...

— Они тоже не размножаются, — печально сказала Лена.

Дальше мы летели молча. Каждый думал о своем. Я — о том, как хорошо было бы найти наших «хозяев» и начистить им рыло. Ну или ободрать все тычинки, если они и впрямь — растения.

О чем думала Лена — не знаю. Но подозреваю, что мысли ее шли примерно в том же направлении.

Уже когда мы подлетали к планете, Лена снова вышла на связь.

— Кстати, «Ангелы», собравшиеся здесь, — это люди, которые хотят построить цивилизацию. Они пытаются найти причины, мешающие размножению. Здесь довольно много биологов и врачей... на Плюшке из-за этого вечно ворчат. Но если кому-то требуется серьезная медицинская помощь, его стараются доставить сюда, в Эдем.

— Эдем?

— Они так называли планету. Она такая... райская. На самом деле.

Через несколько минут с нами вышли на связь. Лена представилась — ее узнали. Мы попросили разрешение на посадку, получили пеленг — и наши корабли синхронно ушли с орбиты вниз.

Никакого сравнения с «Сильваной» и посадкой на Нигредо не было и в помине. «Феникс» садился сам, ему не требовалось никакой взлетно-посадочной полосы — после снижения он перешел в горизонтальный полет, потом завис на километровой высоте и стал медленно опускаться. Я с жадностью смотрел в обзорный иллюминатор.

Лес. До самого горизонта — зеленый колышущийся полог. Кое-где

проглядывали блюдца озер, голубые, но подернутые бело-зеленой ряской. Впрочем, на приют сумасшедших экологов Эдем ничуть не походил — посадочное поле космодрома было безжалостно выжжено в лесной чаще. Тут явно не обошлось без какой-то тяжелой плазменной пушки, испепелившей вековые деревья. Кораблей было немного — меньше десятка, причем небольших. Видимо, большая часть пилотов отсутствовала.

Уже когда мы совсем снизились, я увидел поселок. Небольшой — десятка три-четыре домов, самые большие — в два этажа. Единственная улица вела от космодрома к ближайшему озеру.

Когда корабли приземлились, я заглушил двигатели, похлопал рукой по пульта. «Феникс» становился мне все ближе и роднее, будто обжитой дом или старая машина, выносившая из многих передряг.

Может, собственное имя ему дать?

Выйдя из корабля, я поковырял носком ботинок землю — черную, спекшуюся. Кое-где в ней пробивалась свежая трава. Наверное, приходится регулярно выжигать поле...

Но пахло здесь не гарью. Пахло цветами и травой. Воздух был удивительно свежий, вкусный — иногда такой чувствуешь в густом лесу или тайге, но часто ли горожанину удастся выбраться в настоящий лес...

— Нравится? — окликнула меня Лена, подходя.

— Да... здесь хорошо... — Я посмотрел в чистое голубое небо. — И климат мягкий, да?

— Зима бывает, но очень теплая. Говорю же — райская планета.

Мы стояли, с удовольствием дыша воздухом Эдема — здесь это было отдельным развлечением, своего рода пиршеством. И смотрели, как приближается к нам маленькая открытая машинка — рама из металлических труб, маленькие колеса, пластиковый капот, небрежно прячущий двигатель и прочую машинерию, два ряда сидений. По лесу, конечно, на такой не проедешь, проходимости никакой.

Вела машину рыжая женщина средних лет. Обаятельная, улыбчивая, в брюках и светлой блузке без рукавов. С копной ярко-рыжих, солнечных волос на голове. Подъезжая, она помахала нам рукой, остановила машину, выпрыгнула и пошла навстречу.

— Привет, Рыжая! — окликнула ее Лена. И пояснила мне: — Это их лидер. Очень хороший пилот, кстати...

— Привет, Водила! — Женщины обнялись.

Я поздоровался с ней за руку. Представился:

— Катран. То есть Валентин.

— Слыхала, — кивнула Рыжая. — Добро пожаловать в Эдем! Вы надолго?

— Нам бы заправиться... перекусить...

— С этим проблем не будет, — кивнула Рыжая. — Забирайтесь в машину. Лена, но ты помнишь наши правила?

— Я полгода назад сдавала, — непонятно ответила Лена. — В прошлый визит.

— К тебе никаких вопросов. Но твой друг...

Лена вздохнула. Посмотрела на меня:

— Катран, извини, мне надо было заранее предупредить...

— Я думаю, он не обидится, — улыбнулась Рыжая.

— Вы о чем? — насторожился я, забираясь за ними в машину. Тоже явная самоделка, грубоватая, но надежная.

— Мы же тут все немного чокнутые, — усмехнулась Рыжая. — Пытаемся возродить человечество. Найти причину, по которой люди здесь не размножаются.

— Ну и? — уже понимая, произнес я.

— Каждая женщина, посещающая Эдем, должна раз в год сдавать несколько яйцеклеток. Если нет противопоказаний, конечно.

— А каждый мужчина — сперму? — спросил я.

— Да. И если в этот момент у кого-то из наших женщин овуляция — то мы будем очень признательны... — Рыжая не договорила, сделав вид, что сосредоточилась на управлении.

Хотя я думаю, она бы этой дорогой проехала с закрытыми глазами.

— Рыжая, это уже свинство! — воскликнула Лена. — Ты извини, но мы с Катраном...

— Я понимаю, — кивнула Рыжая. — Если это вам претит... если абсолютно исключено — мы не будем настаивать. Но мы были бы очень признательны.

— Пусть решает Катран, — резко ответила Лена.

— А вот это нечестно, — сказала Рыжая. — Ты же понимаешь, в какое положение его ставишь?

— Рыжая, ну свинство это! — жалобно сказала Лена.

— Водила, ты же понимаешь, что стоит на кону.

— Да ничего у вас не выйдет, — мрачно сказала Лена. — Мы все стерильны. Мы можем только летать и убивать.

— Лена... Твой друг прибыл недавно. Это может быть важным фактором.

— А искусственное оплодотворение отменили? — воскликнула Лена.

— Знаешь, всегда лучше добиться результата естественным путем.

Лена посмотрела на меня. Покачала головой:

— Валя, извини. Но Рыжая, наверное, права. Тебе... придется. Придется переспать с кем-то из местных женщин... — Она на секунду замолчала. Потом добавила: — И если ты, зараза, не сделаешь немедленно скорбное лицо и не скажешь, что идешь на это только ради науки и спасения человечества — я тебе глаза выцарапаю!

— Я надеюсь, это... произойдет как-то в рабочем порядке? — спросил я Рыжую. — Или вы меня сейчас сразу повезете на случку?

— Валентин, извините, если это стало для вас неожиданностью, — ответила она. — Нет, мы пообедаем, поговорим. Отдохнем, если хотите. Определимся, с кем именно вы встретитесь. Ученые подберут те условия эксперимента, который они хотели бы с вами провести...

— Если это все будет происходить на сцене, то я улетаю, — твердо сказал я. — Знаете... хочется хотя бы иллюзии интимности.

— Мы не вуайеристы и не эксгибиционисты, — пожала плечами Рыжая. — Мы ученые. Не беспокойтесь, Катран.

Обед нам накрыли в доме, где жила Рыжая. Дом был простенький, деревянный, такие садовые домики можно увидеть вокруг любого российского города. Две комнаты — одна небольшая спальня, другая гостиная. Кухня помещалась на открытой веранде — видимо, зимой ее утепляли.

Симпатичная молодая девушка молча и деловито сновала между верандой и столом, выставляя какие-то салатики, закуски, соки и компоты в стеклянных кувшинах, мясо в горшочках. На комод в углу стоял айпод с маленькими колонками, негромко играла классическая музыка. Окна были открыты, свежий ветер шевелил занавески. Что-то похожее на орхидеи цвело в горшках на подоконнике.

— Вся растительная пища — настоящая, местная, — с гордостью сказала Рыжая. — Мы синтезируем только мясо. В принципе наш клан мог бы прокормиться и местными ресурсами, мы открыли три вида бобовых... точнее, их аналогов. Очень богатые белком, довольно вкусные... Если бы была решена проблема воспроизводства — мы построили бы здесь цивилизацию куда лучше, чем на Земле. У нас собрались умные, хорошие люди. Это было бы совершенное и гуманное общество...

Я улыбнулся. В истории были сотни и тысячи утопистов, которые мечтали стать прародителями нового мира. Они собирали энтузиастов и единомышленников, покупали острова или огромные участки земли где-

нибудь в Америке или Австралии, принимали устав своих коммун... И первое время все было хорошо. А потом начиналось все то же, что и везде — зависть, лень, злоба, интриги. Человеческую природу не встрясешь, переехав на новое место.

Вряд ли и новая планета способна что-то изменить.

— Я реалистка, — неожиданно сказала Рыжая. — Это мечты, конечно, построить общество лучше, чем на Земле.

Наивные мечты. Но мы бы попытались. Если только... — Она замолчала.

— А что говорят ваши ученые? — спросила Лена. — У вас же собрались лучшие биологи... администрация Плюшки уже грозит закон принять, запрещающий эмиграцию на Эдем лиц с биологическим и медицинским образованием.

— Пусть попробуют, — усмехнулась Рыжая. — Кто им будет язву и геморрой лечить, если они с нами поссорятся? Наши ученые... наши ученые в недоумении. Они точно установили, что здесь была животная жизнь. Примерно тысячу лет назад. А потом все животные вымерли.

— Нашли останки? — спросил я.

— Кости. Окаменелости.

— Давайте догадаюсь, — предположил я. — Все кости принадлежат взрослым особям животных. Даже старым, пожалуй.

Рыжая удивленно посмотрела на меня.

— Они перестали размножаться. Потому и вымерли.

— Молодец, — просто сказала Рыжая. — А ты молодец.

Верно. Мы считаем, что животная жизнь на планетах в этом районе космоса была уничтожена именно так — нарушением репродуктивной функции. Но чем это вызвано — вопрос.

— Излучение?

— Действующее тысячу лет? Вызывающее стерильность, но не убивающее при этом? Сомнительно, если честно. Но эта версия тоже рассматривается.

— Рыжая, мы ведь к тебе не просто за горючкой прилетели, — сказала Лена. Тема, очевидно, была ей неприятна.

— Да я догадываюсь, — кивнула Рыжая. — Ко мне вчера прилетал человек с Плюшки... Бледный Лис, знаете такого?

— Встречались, — коротко ответила Лена.

— Беспокоитесь за наши рудники?

— Очень беспокоимся.

— Прилетят — получат по рогам, — спокойно сказала Рыжая. — Да и

не станут они с нами ссориться. У Зямы-Мастера — диабет. Лекарства ему только мы сумели синтезировать. У Романа — астма. У Орды — гиперацидный гастрит с изъязвлениями. К нам же все кланы лечиться приезжают. Вон, у озера больничку построили, двухэтажную.

— Даже догадываюсь, чем вы берете оплату, — мрачно сказала Лена. — Рыжая, но это действительно серьезно. Им нужны редкоземельные металлы платиновой группы. Тогда они соорудят свою гасилку... они надеются этим шантажировать тех, кто нас сюда забросил.

— Что я могу сделать? — просто сказала Рыжая. — Наши предупреждены. Своего мы не отдадим, прилетят Ищущие — будет свара. И за помощью я пошлю сразу. Но держать всех людей в поясе астероидов я тоже не могу. Это ведь не более, чем предположение, что они пойдут к нам, верно?

— Верно. — Лена вздохнула. — Ты нам позволишь у вас остаться?

— Поддержать в случае чего? Позволю. Кто же отказывается от двух пилотов на хороших кораблях. Только я тебя уверяю, ничего не случится. Погостите... сейчас малина пошла хорошая... Угощайтесь.

Блюдо с малиной стояло на столе. За исключением цвета ягода на малину ничем не походила — размером с очень крупную виноградину, покрытая тонкой блестящей кожурой, овальная. Но когда я забросил пару ягод в рот, то невольно кивнул.

Вкус был похож.

— Варенье вообще не отличить, — гордо сказала Рыжая. — А вы бы знали, какую пшеницу мы тут нашли! Хлеб из нее, попробуйте. Растет кустами, зерна собраны в гроздь...

— Ты как хозяйка дачного участка, — засмеялась Лена. — Откушайте моих помидорчиков, не на базаре купленные...

— Ага. — Рыжая гордо кивнула. — Так и есть. Нам бы людей побольше — мы бы натуральными продуктами могли и других снабжать...

В этот момент девушка, хлопотавшая за столом, тихонько подошла ко мне и прошептала на ухо:

— Извините, можно вас на минутку?

Я кивнул, встал из-за стола, вслед за девушкой вышел из домика.

— Да?

Она посмотрела на меня и чуть смущенно сказала:

— Нам пора. Все уже готово.

— Что готово?

— Для эксперимента.

— Черт... — прошептал я.

Еще никогда меня не звали заняться сексом таким деловым образом.

— Тебя как зовут?

— Катя.

Девушка была совсем молодая, лет восемнадцати от силы. Темноволосая, загорелая, стройная. Ноги длинные, грудь высокая.

Черт возьми, в Москве я бы завел с ней роман, не колеблясь.

Но вот так... для нужд науки...

— Ты хоть совершеннолетняя? — спросил я.

Катя усмехнулась:

— Если бы мне было семнадцать, это имело бы какое-то значение? Совершеннолетняя, не бойтесь. Сюда не попадают те, кому меньше восемнадцати. Говорят, чужие стараются соблюдать земные законы, дожидаясь формальной дееспособности.

— Пошли, — обреченно сказал я.

— Это не больно, — подбодрила меня Катя и засмеялась. — Да вы хоть за руку меня возьмите... идете как чурбан...

Я и впрямь чувствовал себя скованным, как подросток на первом свидании. За руки мы так и не взялись — чинно, «по-пионерски», прошли по улице к одному из зданий — побольше других.

Здесь нас уже ждали. Двое мужчин в белых халатах, вызвавших у меня невольную ухмылку, все немолодые, очень серьезные. Комната, в которой они сидели, сильно напоминала врачебный кабинет.

— Попрошу отнестись к эксперименту серьезно, — неодобрительно глядя на мою улыбку, сказал один из них. — Сегодня мы проверяем возможность зачатия в экранированной камере. Катюша, ты в курсе, что будешь оставаться там до получения положительного или отрицательного результата?

— В курсе, — без восторга ответила Катя.

— Постарайтесь провести эксперимент два-три раза, для гарантии. — Мужчина снова обратился ко мне: — Ну и, конечно же, ждем вас завтра и послезавтра. Контрольная... контрольный эксперимент.

Другой ученый незаметно подмигнул мне и открыл дверь в стене. Странно, но подмигивание было не скабрёзным, а скорее грустно-понимающим. И это меня чуть-чуть примирило с происходящим.

За дверью оказалась уходящая вниз деревянная лестница. На стене тускло светила лампа.

— Экспериментальный зал экранирован металлическими пластинами и емкостями с водой, — любезно сообщили мне. — Не спешите. Как закончите — поднимайтесь и постучите.

Я молча начал спускаться, Катя шла следом за мной.

Спуск кончился тяжелой металлической дверью, вроде тех, которые ставят в бомбоубежищах. Я с натугой отодвинул ее, мы вошли.

Экспериментальный зал выглядел довольно своеобразно. Как будуар в провинциальном борделе.

Стены были задрапированы розовой тканью. Светилось задернутое шторой окно — я отдернул штору и обнаружил за стеклом лампы — окно, конечно же, было фальшивым. Имелась широкая кровать — или ее вернее было называть экспериментальным полигоном? На тумбочке у кровати лежала стопка книг, лежал плеер с наушниками. Стол у фальшивого окна был заставлен судками с едой, стояло и два кувшина — с морсом и водой. На стене висел проводной телефон. В углу ширмой был отгорожен душ и биотуалет.

— Мне тут две недели жить, — сказала Катя. — Как минимум. Пока не станет понятно, получилось или нет.

Она стояла, опустив руки, и вся ее веселая бравада куда-то ушла. Смущенная девчонка в простом ситцевом сарафане до колен...

— Неправильно это, — сказал я. — Не по-человечески.

— Я знаю, — согласилась она. — Но все, что с нами случилось, — не по-человечески. Надо же попробовать... — Она осеклась, потом заставила себя улыбнуться. — Хорошо, что вы симпатичный.

— Ты тоже очень красивая, — не особо кривя душой, сказал я.

Катя молча стянула с плеч лямки сарафана, стоптала его. И осталась абсолютно обнаженной.

Я стал молча расстегивать рубашку.

— Поцелуйте меня, — зябко обхватив себя руками, сказала Катя. Мне показалось, что ей очень неуютно под моим взглядом и очень хочется прикрыться.

Я подошел, обнял ее и поцеловал в губы. Наверняка у нее было уже много мужчин — но целовалась она до сих пор неумело.

Подхватив девушку на руки и не отрываясь от ее губ, я бережно отнес ее на кровать.

— Все прошло удачно? — деловито осведомился старший из ученых, когда я поднялся наверх. — Вы как-то очень быстро...

Его товарищ, то ли более умный, то ли более чуткий, незаметно дернул его за руку.

— Слушай, не зли меня, а? — попросил я. — А то ведь могу и в зубы дать. Тебе только ветеринаром-осеменителем работать... эскулап хренов.

— Вообще-то я и есть ветеринар, — неожиданно обиделся

мужчина. — И то, чем здесь приходится заниматься, восторга у меня не вызывает...

— Ну так думай головой, что перед тобой не корова с племенным быком, а два человека... и что девчонке восемнадцать лет, а она из-за ваших прожектов... как проститутка в публичном доме... — зло выпалил я и вышел.

Второй ученый догнал меня на улице. Молча протянул пачку сигарет.

Курить хотелось зверски. Я взял сигарету, остановился. Мы закурили.

— Не сердись, — сказал ученый. — Петрович — он нормальный мужик. У него подход просто такой... он этой манерой общения закрывается от сути происходящего.

Я кивнул, жадно затягиваясь.

— Мы действительно хотим, чтобы те, кого сюда занесло, могли построить нормальное общество. И Катька не дура... и не проститутка. Она вообще моя девушка. Мы с ней живем, понимаешь? И когда ты с ней стал вниз спускаться, мне очень хотелось дать тебе пинка в задницу... чтобы ты загремел по лестнице и сломал себе... что-нибудь.

— Черт, — выругался я. — Извини.

— Не за что. Просто не считай нас маньяками или развратниками. Что можем — то делаем... Эта идея с излучением — фигня, конечно. Нет такого излучения, чтобы избирательно блокировало оплодотворение, никак не влияя ни на соматические клетки, ни на половые...

— А что тогда? — спросил я.

— Какое-то вещество, наверное. Я полагаю, планеты просто опыляли какой-то хренью, которая оказывала такое действие... и нас, вероятно, тоже ею кормят. Только мы пока не можем понять, что это за вещество, как от него закрыться... пробовали фильтровать воздух, воду... все без толку. Непонятно, что именно искать.

У меня вдруг возникла совершенно сумасшедшая мысль.

— Кормят, говоришь... — пробормотал я. — Попробуйте не есть мясо.

— Что?

— Попробуйте с Катей не есть мяса. И вообще ничего, что выходит из синтезатора пищи. Питайтесь местной растительностью. Какой смысл подмешивать отраву в воздух или воду, если каждый человек должен питаться — и питаются все именно из синтезаторов.

Ученый ошарашенно смотрел на меня, сигарета дотлевала у него в пальцах.

— А это... это может быть... Это вариант, — пробормотал он.

Я кивнул, затоптал окурок и двинулся к дому Рыжей.

Но не успел сделать и нескольких шагов, как меня окликнули:

— Эй! Меня зовут Андреем!

— Очень приятно, Валентин.

Андрей вдруг улыбнулся. И заговорщицки произнес:

— Слушай... а ведь правда, Катька очень сексуальная?

Нет, черт возьми, все-таки они здесь все сумасшедшие!

...Когда я вошел в дом Рыжей, и она, и Ленка были слегка подвыпившие и о чем-то оживленно болтали. Стараясь вести себя так, будто я отлучался на пару минут подышать воздухом, я сел за стол и потянул к себе салат.

— На, попробуй. — Лена протянула мне блюдце с нарезанным на дольки оранжевым фруктом.

Я взял кусочек и отправил в рот.

Чудовищная, нестерпимая кислятина! Лимон по сравнению с этим фруктом показался бы сладким!

— Что ты мне дала? — выплевывая надкушенный фрукт, воскликнул я. — Зачем?

— Чтобы морда не такая сладкая была, — ехидно ответила Лена. — А то лыбишься... будто кот после прогулки по крышам.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ, в которой Валентин ищет Солнце

— Знаешь, Олег, — сказала Лена, — ты сейчас являешься наглядной иллюстрацией выражения «и хочется, и колется».

Компьютерщик мрачно посмотрел на нее и вздохнул.

Квартирка, которую Олег снимал в Строгино, была более чем скромной. Однокомнатная, обставленная древней мебелью, явно оставленной хозяевами — лакированная (когда-то) «стенка», мечта советского человека в семидесятые годы; скрипучая кровать тех же лет, громоздкий телевизор «Рубин» времен, когда фраза «цветной телевизор» вызывала неподдельный восторг и восхищение.

Телевизор, впрочем, стоял в углу, накрытый половичком, и использовался в качестве табуретки. Сам хозяин если и смотрел эфирное телевидение, то делал это через компьютер — в последнее время у молодежи было модно телевизора вообще дома не иметь и эфир не смотреть.

— Если трусишь, мы уйдем, — продолжила Лена. — Но ты теперь знаешь все, что знаем мы сами.

— Мне интересно, конечно, — пробормотал Олег и глотнул пива прямо из бутылки. — Я, между прочим, что-то подобное и подозревал!

— Ну? — Лена продолжала давить.

— Как они могут вам помочь?

— Прилететь, — коротко ответила Лена.

А Валентин попытался разъяснить:

— Если мы правы, то на Земле есть база этих пришельцев, которые вербуют людей и выставляют их в космос, воевать с этими жуками. Больше ведь никакой разумной цели в их действиях нет?

— Да вроде как нет, — согласился Олег.

— Чего они могут бояться? В первую очередь — огласки. Разумеется, мы сами никому и ничего не докажем. Но если к Земле прилетит корабль...

Олег покосился на монитор своего компьютера, где был загружен сайт «Старквэйка».

— Вы думаете, они сами бы не хотели на Землю? Кому-то, конечно, все равно. Кому-то там даже больше понравится. Но у многих должны были подруги остаться, жены, дети...

— Но ведь не летят, — сказал Валентин.

— Конечно! Вы этот их космос рассматривали? Звездочки все эти? Это не наши звезды. Неизвестные. Навигация в игре, знаете, как происходит? У каждой звезды есть одна или несколько зон гиперперехода...

— Знаем, — кивнула Лена. — Подожди... так ты и сам играл?

— Чуть-чуть. Когда статью писал, надо же было разобраться...

— И кто ты в игре?

— Бегун. — Олег усмехнулся. — Я легкой атлетикой занимался раньше...

— Нет, не встречала. — Лена покачала головой.

— Да не важно, я чуть-чуть поиграл и бросил. Я же никуда не ходил, не вербовался, так что меня там быть не может... верно? — Олег вдруг помрачнел.

Валентин пожал плечами.

— Ладно, оставим. — Олег махнул рукой. — Так вот, войдя в зону гиперперехода, можно прыгнуть к ближайшей звезде. Потом к другой. К третьей. Ну и продвигаться так по галактике. Только солнца там нет, понимаете? Звезды незнакомые. Даже если кто-то захочет — как ему найти Солнце?

— Ну, есть же какие-то особенности у Солнца? — спросила Лена. — Яркость, цвет... еще чего-нибудь?

Олег фыркнул:

— Тоже мне, особенности. Да таких звезд, как Солнце, — вагон и маленькая тележка! Зауряднейшая у нас звезда, ничего особенного!

— То есть связываться бессмысленно? — уточнила Лена.

— Да совершенно!

— Олег, а ты можешь сделать какие-нибудь скриншоты из игры? — спросил Валентин. — Ну, какие-нибудь карты звездного неба?

— Они же тут условные, плоские...

— Все равно.

— Попробую. — Олег без спора сел за компьютер.

А Валентин взял трубку домашнего телефона, взглядом спросив у хозяина разрешения, отошел к окну. Отсутствие мобильного, где он привык хранить номера телефонов, было досадной помехой.

Пришлось идти по цепочке.

Он позвонил на домашний знакомому, подвизающемуся сейчас в какой-то партийной газетке. От него узнал домашний номер Малибу. Стал его набирать.

— Так вам телефон Виктора Романовича нужен? — поинтересовался со своего места Олег. — Спросили бы, я бы дал...

— Я решил не на мобильный звонить, — попытался оправдать свою глупость Валентин.

— У меня и домашний его есть... кто ему компьютер-то настраивал?

Лена засмеялась и налила себя пива.

— Привет, Малибу, — сказал Валентин в трубку. — Это Валентин.

— А... уже статью накропал? — вяло поинтересовался Малибу. — Здорово... ты мог бы мне утречком...

— Малибу, я тебя долго не задержу. Помнишь, года два назад я тебе делал интервью с астрономом? Молодой парень, кандидат наук, все такое прочее... там про звездные атласы было, про то, можно ли «купить себе звезду», или когда твоим именем звезду называют — это надувательство и разводилово...

— Помню, — сказал Малибу. — Слушай, ну а до завтра...

— Не терпит, — жестко сказал Валентин. — Мне нужен его телефон.

— Да ты с ума сошел! — возмутился Малибу. — Два года назад!

— Я же знаю, ты все телефоны записываешь в ежегодник, аккуратный ты наш, — сказал Валентин. — И все их хранишь. Оторви зад от дивана, найди книжечку двухлетней давности и поищи... там самое начало лета было. Или май, или июнь.

Тяжелый вздох в трубке сообщил Валентину все, что о нем думал однокурсник. В ожидании Валентин знаками попросил пива — Лена принесла ему бутылку. Валентин сделал большой глоток.

Пиво пошло хорошо.

— А почему он — Малибу? — спросил Олег, не отрываясь от компьютера.

— Да на втором курсе наклюкался вдрызг кокосовым ромом «Малибу», — пробормотал Валентин. — Мы его потом дразнили... Только не проболтайся!

— Что вы, что вы. — Олег хихикнул. — Как можно...

К трубке вернулся Малибу. Спросил:

— Ты еще здесь, сволочь?

— Здесь, — благодушно ответил Олег.

— Записывай... Зовут астронома Саша. Телефон его...

— Сейчас. — Валентин схватил валявшийся на подоконнике огрызок карандаша и записал номер. Похоже, это было обычной практикой у Олега — подоконник был исписан номерами весь. — Хорошо, что мобильный...

— Только учти, с тех пор код менялся, — любезно уточнил Малибу. — С тебя причитается, в общем. Пока.

— Семейная жизнь затягивает, — глубокомысленно сказал Валентин,

отпивая пиво. — Раньше Малибу любил потрендеть по телефону... Олег, у тебя что-то получается?

— Конечно. Тебе распечатки или файлы нужны?

— Скорее, файлы... — набирая номер астронома, сказал Валентин. — Это, конечно, авантюра чистой воды, но вдруг...

Ответил астроном не сразу, но бодрым и дружелюбным голосом.

— Слушаю вас.

— Александр, добрый вечер, — поневоле переходя на вкрадчивый тон «журналиста в поисках интервью», произнес Валентин. — Извините, что беспокою в нерабочее время. Это Валентин, мы два года назад делали с вами большое интервью о звездах...

— Помню, — без особого восторга ответил Александр. — И что интересует теперь наших умнейших и образованнейших читателей? Когда погаснет Солнце? Превратится ли Юпитер в черную дыру? Не врежется ли в Землю комета Боцман-Гордеевского?

— А она может врезаться? — заинтересовался Валентин. — Простите... это профессиональное.

— Нет, конечно, — печально сказал Александр. — Честно говоря, такой кометы не существует.

— Александр, я понимаю, каково вам, профессионалу, читать наши статьи для непритязательной публики... — покаялся Валентин. — Если честно, то у меня вообще личная просьба к вам.

Как ни странно, но Александра это, скорее, порадовало.

— Спрашивайте, отвечу.

— Есть одна... э... компьютерная игра. В ней есть карта звезд. Плоская такая... — чувствуя себя идиотом, начал Валентин. — И мне очень важно... действительно очень важно выяснить, реальные ли это звезды. Точнее не так! Я знаю, что они реальные. Но не знаю какие. Мне бы надо привязать эту условную плоскую карту к реальным звездным картам. И выяснить, где относительно этой карты находится Солнце.

В трубке царил тишина.

— Вы слушаете? — спросил Валентин.

— Я думаю. Я пытаюсь понять, зачем вам это надо.

— Может быть, там в игре приз обещан? — сказал Валентин.

Александр хмыкнул.

— Мне действительно это очень нужно...

— Что-нибудь про эти звезды известно? Их координаты — склонение, например, прямое восхождение? Наблюдательные свойства — звездная величина, показатели цвета, собственное движение, лучевая скорость,

параллакс? Физические характеристики — спектральный класс, абсолютная звездная величина или светимость, температура поверхности, масса, радиус, особенности спектра? Переменность или кратность, наконец?

— Погодите. — Валентин потер лоб. — Лена! Напомни, что мы там знаем про звезды? Какая информация дается? Координаты?

— Расстояние от Плюшки. И время в пути.

— Не катит... Спектральный класс, масса, цвет, скорость?

— Спектральный класс.

— Есть спектральный класс! — радостно сказал Валентин в трубку.

— Вы меня заинтриговали, — честно признался Александр.

— Вы поможете?

— Сумеете прислать свои... карты?

— Сейчас пришлем. Диктуйте адрес.

— Только учтите, — сказал Александр, — если вам очень повезет, то я смогу ответить сразу. Ну или почти сразу.

Если в этой карте окажется что-то действительно необычное, что я помню. А если нет... я, конечно, поковыряюсь. В свободное время. Но ответа вам придется ждать долго. Возможно, очень долго. До угасания Солнца.

— Я буду надеяться на лучшее, — сказал Валентин.

— Как с вами связаться? Это ваш домашний номер?

— Ну... да, в каком-то смысле. На какое-то время.

— Ладно, отзвонюсь и напишу на мейл, с которого вы мне пришлете карты, — сказал Александр. — Давайте не тяните. Мне уже самому интересно.

Через пять минут, когда Олег отправил по интернету выдернутые из игры карты, они уселись на кухне — уже спокойно выпить пива.

— Надо было просто дать ему ссылку на игру, — заметил Олег.

— А стоит ли раскрывать, откуда информация?

— Он и так поймет. Там же скриншоты, там есть название игры.

— Ну... карты его сильнее заинтересовали. А дополнительную информацию скачает, если этой не хватит...

Лена встала, выглянула в окно. Вернулась.

— Проверяешь машину? — спросил Валентин.

— Ну да. Стоит старина Каспер...

— Каспер?

Лена улыбнулась:

— У меня привычка такая, машинам имя давать. Когда-то был

минивэн — я его звала Годзилла.

— Почему?

— Японский, большой, неуклюжий. А эта машинка Каспер, потому что она — маленькое дружелюбное привидение.

— У меня ноутбук зовут Артошка, — неожиданно сказал Олег.

— Почему? — теперь заинтересовалась Лена.

— Пес у меня в детстве был, Артошка. Маленький, шустрый, но при этом глюкавый. Точь-в-точь, как ноутбук.

— Может, мне авторучку как-нибудь назвать? — спросил Валентин. — К примеру...

Зазвонил телефон. Олег потянулся за трубкой и слегка расслабленным голосом сказал:

— Алло... Да. Сейчас.

Он протянул трубку Валентину:

— Тебя.

Почему-то недавний разговор с астрономом начисто вылетел у Валентина из головы. Он взял трубку с опаской, ожидая услышать тот же вкрадчивый голос, что рекомендовал им никуда не соваться.

Но это был Александр.

— Я вот думаю, попросить с тебя бутылку коньяка за помощь, или потребовать, чтобы ты рассказал, при чем тут «Старквэйк» и карта звездного неба?

— Нашел? — поразился Валентин, тоже переходя на «ты».

— Мне повезло, — скромно сказал астроном. — Ну или точнее — тебе повезло. Видишь ли, начальный этап был понятен сразу. Если известны расстояния между звездами, то можно построить их пространственное распределение: твоя плоская карта — это проекция этого распределения на плоскость. Каждой звезде ставим в соответствие ее спектральный класс. Сравнивая получившуюся трехмерную карту и имеющиеся в нашем распоряжении трехмерные звездные карты, делаем выводы.

— Я так и предполагал, — сказал Валентин.

— Ну да, тут все элементарно. Однако в общем виде мы можем решить эту задачу только компьютерным перебором. Надо писать соответствующую программу, определять допуски... в общем — долгая песня.

— А как ты справился?

— Помочь могли только какие-то зацепки. К примеру, массивные яркие звезды, их в Галактике не так уж и много. Например, голубые сверхгиганты типа Регула или Ригеля, а лучше — гипергиганты типа Эты

Киля или Пи Лебеда, которых совсем уж мало.

В голосе астронома чувствовалось нескрываемое удовольствие человека, показавшего занимательный фокус восторженной публике.

— Можно использовать и кратные звезды, — продолжал он. — Двойные не очень подходят, их довольно много, но чем выше кратность, тем они реже встречаются. Так что даже тройная, типа Альфы Центавра, звезда сильно поможет опознанию. Не говоря уже о четырехкратных, вроде Мицара-Алькора, и уж тем более исключительно редких шестикратных — Кастор. Также, пожалуй, годятся переменные звезды — особенно цефеиды и звезды типа RR Лиры. Впрочем, типа Миры Кита тоже подойдут.

— И что сработало? — спросил Валентин.

— Ригель. Бета Ориона.

— Бета Ориона, — повторил Валентин вслух. — Ригель...

— Это на самом краю той зоны, которая есть на картах. Я соотнес ее с нашими картами, выслал обратно схему. Стрелочку нарисовал — где Солнце. — Астроном хихикнул. — Довольно далеко, кстати. Триста тридцать парсеков.

— Триста тридцать парсеков, — сказал Валентин.

Лена присвистнула и взялась за голову.

— Ну так что? — спросил Александр. — Расскажешь, в чем дело?

— Какой коньяк предпочитаешь?

— Понятно. Ладно, «Полиньяк» VSOP. Впрочем, старый армянский тоже будет разумным решением. Но учтите, Валентин, я готов удовольствоваться честным объяснением — зачем вам это все понадобилось?

— Я подумаю, — сказал Валентин. — Правда. Спасибо большое. Вы даже не представляете, как помогли.

— В том-то и дело! — с чувством произнес Александр. — Что ж, удачи вам.

Валентин положил трубку. Посмотрел на Олега — тот сидел у компьютера.

— Есть файл, — радостно сказал он. — Вот... ага. Чего он такой здоровый-то? Что это за дура вообще...

Они все втроем собрались у дисплея.

Это была не карта. Это была компьютерная программа, моделирующая звездное небо. Когда Олег, прогнав программу через антивирус, установил ее и запустил — на экране возникло звездное небо над Землей. Потом «камера» медленно поднялась и, все ускоряясь, понеслась в небо. Мимо мелькали огоньки звезд. Но вот камера стала тормозить — и остановилась

у гигантской голубой звезды.

— Ничего себе расстояние, — сказала Лена. — Впрочем, большие корабли способны прыгать на два-три десятка парсеков. Возможно, если корабль специально подготовить... меньше оружия и щитов, больше топлива... можно обойтись пятью-шестью прыжками. Только между ними надо заправляться.

— Где? — сразу же спросил Валентин.

— В любой звездной системе, где есть планеты... или хотя бы астероиды. Ставится временная база, диггером колуется какой-нибудь подходящий астероид, синтезируется топливо. База сворачивается, новый прыжок, все повторяется.

— Вы так всерьез об этом говорите, — задумчиво сказал Олег.

— А мы уверены, что это серьезно, — сказала Лена.

— Тогда подумайте, как вы передадите эту программу. — Олег ткнул в экран пальцем.

— В игре можно общаться...

— Ага. А передавать программы? Или хотя бы графические файлы? Если это все всерьез, то у них там нет наших компьютеров. Там что-то другое. Они не смогут увидеть ни джипег, ни гиф. А уж установить этот... планетарий — тем более.

Валентин и Лена переглянулись.

— То понос, то золотуха, — с чувством сказала Лена. — И впрямь... программа замечательная, только чем она нам поможет?

— Им поможет.

— И нам, и им...

Компьютер пискнул.

— Еще одно письмо от твоего астронома, — сказал Олег. — Так-с... Написано «Вероятно, это будет удобнее?» И файл. Маленький...

Файликом оказалась карта из игры. Самая крупномасштабная, какая там была.

На карте была обведена кружочком крошечная звезда в нижнем правом углу. Рядом приписано «Солнце».

— Будто услышал нас... — сказала Лена. — А ведь это уже выход! Гляди... можно просто посчитать... семь, восемь, девять звезд снизу вверх по правому краю карты, потом в глубину... девять, десять, одиннадцать, двенадцать... Вот оно, Солнце! Так что... влезает в игру?

Валентин потер подбородок. Спросил Олега:

— Ты можешь влезть в игру так, чтобы тебя не обнаружили?

— Я что, хакер? — удивился Олег. — Нет, конечно.

— Ну ай-пи подменить, как-нибудь замаскироваться... чтобы не поняли, кто ты и откуда...

— Можно попробовать. Только это все детские уловки, серьезный системщик отследит.

— Попробуй, — попросил Валентин. — Мы не знаем, где там наши... двойники. Значит, нам придется войти в игру под своими именами. Наверняка сразу начнут отслеживать.

Олег демонстративно заложил руки за спину.

— Нет, Валентин! Я так не согласен. Это слишком опасно! Если хотите войти в игру и поговорить... с двойниками... Это одно! А входить под своим логином и паролем — все равно что начать вопить «вот он я!» Никакая смена сетевого адреса не поможет.

— погоди, — сказала Лена. — У меня есть второй аккаунт. Там я только на третьем уровне, корабль плохой, меня тоже мало кто знает. Но чем черт не шутит... войду в игру как «Детка».

— Детка? — иронически спросил Олег, окидывая ее взглядом. — Хорошо, сейчас попробуем. Пока пейте пиво... я поищу свежий анонимайзер...

— Чего? — заинтересовался Валентин.

— Гейт для анонимного серфинга по Сети.

Валентин махнул рукой и они отправились на кухню пить пиво. Лена снова выглянула, проверяя, как там на улице ее «Каспер».

— Странное ощущение, — признался Валентин. — Собираемся просить помощи сами у себя...

— Причем не факт, что им самим не нужна помощь... — кивнула Лена. — Надеюсь, они там не поссорились...

Они понимающе переглянулись.

— Мне так показалось, что им вполне хорошо, — заметил Валентин.

— Но-но! — Лена погрозила ему пальцем. — Это там. А не здесь. Я баба вольная, пойду вон, Олежку соблазну.

— Я не против, — не отрываясь от компьютера, сказал Олег.

— Даже не думай, — сказал Валентин. Так серьезно сказал, что и молодой компьютерщик удивленно посмотрел на него, и Лена недоуменно приподняла бровь. — Это будет неправильно по отношению к ним.

— Все мужики — собственники, — вздохнула Лена. — Хотя это и приятно...

— Прощу к компу, — сказал Олег, вставая из-за стола. — Мы в Сети как честные жители Рязани. А я с вашего позволения тоже по пивку ударю... раз уж пофлиртовать нельзя.

Лена подсела к компьютеру. Валентин налил Олегу пива, закурил. За окнами, в проеме между двумя высотными башнями, неожиданный каприз московского смога позволил появиться звездам.

— Так странно, — сказал Валентин. — Если мы... ну, если не сошли с ума... то там сейчас мой двойник.

— Ригель не там, — покачал головой Олег. — У меня окна неудачно выходят...

— Да я в целом, — сказал Валентин. — В общем. Где-то там, в космосе... за тыщу световых лет...

— Тысяча семьдесят шесть, — сказал Олег. — Или семьдесят четыре...

— Ты что, еще и в астрономический кружок ходил? — съязвил Валентин. — В промежутках между легкой атлетикой?

— Ага, — подтвердил Олег. — А что, интересно же...

— А пиво пить интересно?

— Интересно.

— А с девушками гулять?

— Более чем.

— А в игрушки играть?

— Это даже заработок дает, — ухмыльнулся Олег.

— Ты какая-то удивительно разносторонняя личность, — фыркнул Валентин. — Дитя индиго.

— Не, индиго — они не от мира сего, — поморщился Олег. — Я, скорее, кармин. Я на жизнь смотрю здраво.

— А хотел бы туда? — спросил Валентин.

Олег подумал и признался:

— Хотел бы. Очень интересно. Вот только чтобы можно было вернуться... А что ты будешь делать, когда вернется твой двойник?

— Мне обещали, что его сознание просто сольется с моим, — ответил Валентин.

— Это тебе те обещали, от кого ты сейчас бегаешь? Ты же хочешь, чтобы твой двойник сюда прилетел. На корабле с лазерами и бомбами. Как, сердце-то ёкает при мысли о встрече? Интересно?

Валентин поморщился.

— Честно? Ёкает. Но не от восторга. Я в общем-то еще тот фрукт. А что со мной там случилось за эти дни? Если я стрелял, убивал, ловчил? Боюсь, меня мой двойник не порадует... но что делать.

— Ребята, я нас нашла, — громко позвала Лена. — Вот они, голубчики... Катран и Водила...

Валентин и Олег, не сговариваясь, направились к ней.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ, в которой я говорю сам с собой

Астероид, на котором Ангелы Деймоса добывали металлы платиновой группы, походил на огромную грушу. Два серых металлических сооружения высились на толстом конце астероида, один — на узком. Это были модули «Спектр», предназначенные для автономной добычи ископаемых. На каком-то из них, в крохотном жилом отсеке, насколько я знал, дежурил техник. При необходимости ему нетрудно было добраться и до соседних модулей — в длину астероид не превышал трех километров.

— Удобно разрабатывать такие мелкие астероиды, — сказала Лена. Ее корабль висел в пустоте рядом с моим. — Процент руды очень высок, пустая порода выбрасывается в космос и не мешает. Хотя, конечно, редко встретишь камешек с таким высоким содержанием металлов.

Мы были километрах в ста от астероида, с выключенными двигателями, щитами и даже внутренним освещением. Работал только маскировочный генератор «Химера» на Ленкиной «Мурене», прикрывая нас обоих. Теоретически нас не должны были засечь приближающиеся к астероиду корабли. А вот практически... все могло быть.

— Знаешь, Лена, вот не верится мне, что Ищущие нападут на астероид, — сказал я. — Что-то в этом... неправильное.

— Думаешь, посчитают невежливым грабить?

— Да нет... — Я пожал плечами. — Сама идея неверна. Ну что это такое — прилететь и начать разрабатывать чужую жилу? На это нужно время — раз. А самое главное, в этом не хватает... стиля.

— Стиля? — удивилась Лена.

— Ну да. Для фанатиков... пусть даже они слегка играют в фанатиков, для людей, собравшихся собрать чудо-оружие и тушить звезды — и разрабатывать чужой астероид? Рыться в породе? Нет, это как-то не вяжется. Унизительно.

— Я в такие психологические штучки не верю, — твердо сказала Лена. — Как еще они могут достать нужные им металлы?

Я промолчал. Никаких внятных доводов у меня не было... только ощущения, что компания энтузиастов с Нигредо не станет рыться в потрохах чужого астероида. Мы дежурили возле астероида уже вторые сутки — попеременно спали, разговаривали, обсуждали недавнюю схватку с жуками. Не касались лишь темы «эксперимента», в котором я участвовал.

— Металл им нужен, — неожиданно сказала Лена. — Заранее подготовить запасы они не могли — никто не мог знать, что потребуется этот... хренотений... Два других месторождения хорошо охраняются. Продать им металл никто не продаст — дураков нет. Может быть, у них есть свои тайные рудники? Но помаленьку они платиноиды покупали, зачем бы им тратить драгоценные кредиты...

— А на Плюшке нет запаса рутения?

— Немножко есть, наверняка. Но не в таких количествах. Ангелы Деймоса во многом этим живут, цену ломают — будь здоров... Они почти монополисты, у них самый богатый рудник...

У меня будто щелкнуло что-то в голове.

— Монополисты? А ты уверена, что они продают все, что добывают?

Лена помолчала. Потом сказала:

— Думаешь, придерживают? Искусственно взвинчивают цену?

— Конечно.

— Да легко, — призналась Лена. — Я бы на их месте тоже так поступала. Зачем сдавать весь ценный металл на Плюшку, обрушивая рынок? Если есть возможность, стоит придерживать...

— Свяжись с Рыжей, — попросил я.

— Тринадцать световых минут с хвостиком. Почти двадцать семь в оба конца. Даже если ее быстро разыщут, ответ получим через полчаса.

— Ну и что?

— Хорошо, — сдалась Лена. — Я спрошу. Объясню, чего мы боимся и спрошу напрямик.

Она отключилась. А я встал, подошел к маленькому пищевому синтезатору и заказал себе чашку кофе — пусть и бескофеинового, но довольно вкусного. И мой «Феникс», и Ленкину «Мурену» снабдили портативными пищевыми синтезаторами на Плюшке — для выполнения этой миссии. Штука это была дорогая, а меню более чем скудное — борщ, который почему-то подавался в ледяном виде и его приходилось разогревать, куриные котлеты, греческий салат — овощи с фетой, кофе и яблочный сок. Но зато теоретически синтезатор мог производить эти продукты из любой органики сколь угодно долго. Вспоминая космонавтов, которые в ходе испытаний пили «рециркулированную воду» из собственной мочи, я искренне надеялся, что до такого экстрима ситуация не дойдет.

Попивая кофе, я раздумывал об Ищущих. Глупость ситуации была в том, что какой-то явной антипатии к ним я не испытывал. Да, напали на Плюшку и сперли чертежи новейшего оружия. Кого-то убили при

нападении. Так ведь и своего потеряли... и вообще тут цена жизни крайне невысока. Хотят звезды тушить? Но не злодейства ради, а чтобы вынудить наших тюремщиков выпустить нас из виртуального мира — или вернуть на Землю из космоса. Глупость, конечно, но, если разобраться, ради всех стараются! А по отношению к нам с Леной? Да, вынудили оружием отвезти их домой, но честно расплатились и отпустили обратно.

Вот появятся их корабли у астероида — что я стану делать? Палить по ним? Выслеживать, где скрываются новоявленные «повстанцы»? Как-то очень не хочется стрелять в строящего из себя наполеончика, но на самом деле довольно безобидного Зяму, в грубоватого физика Романа, в добродушного Анвара по прозвищу Орда, в отставного старичка-генерала, при всей его вредности...

Нормальные ведь люди. Ничем не хуже тех, что на Плюшке. Ничем не хуже меня или Лены. Люди вообще по большей части нормальные — кроме тех, кто психи.

Со стороны пульта пискнуло. Я еще не привык к тем сигналам, которые подавал корабль, и первой мыслью было «появились чужие корабли». Но кораблей на экране не было.

Были буквы.

«ПРИВЕТ»

Бросив чашку в приемный лоток синтезатора (прессованная бумага пойдет на переработку и превратится в котлету или салат), я подошел к экрану.

Забавно. Я и не знал, что между кораблями существует система текстовой коммуникации.

Как она вообще возможна — никакой клавиатуры на пульте нет?

— А зачем ты пишешь? — спросил я.

— Что? — немедленно ответила Лена.

— Привет. Зачем ты написала мне «привет»?

— Я не писала. — Голос Лены сразу стал напряженным. — У тебя на экране появились буквы?

— Да. Как это вообще возможно?

— Есть такая линия связи, — признала Лена. — Я и не рассказывала — это совершенно неудобная система. Касаешься пальцем на экране корабля, с пилотом которого хочешь поговорить письменно. Корабль начинает мерцать. Потом — просто пишешь на экране пальцем, рисуешь... все это передается на другой корабль. При этом корабли должны быть неподвижны относительно друг друга... в общем — неудобно.

— Какой корабль? — спросил я. — Ничего на экране не мерцает.

Пусто.

— Станция на астероиде тоже не мерцает? — деловым тоном спросила Лена. — Может, дежурный нас обнаружил и вышел на связь?

— Ничего не мерцает, — вглядываясь в экран, повторил я. — А если это сзади откуда-то? Или сверху-снизу? У меня же экран охватывает полусферу...

— Что-то я никого не вижу, — после паузы ответила Лена. — На радарах чисто. Видимо, тоже маскировка включена. Или издалека... Поговори с этим «приветом», я пока посканирую космос...

Я пожал плечами. Подошел к экрану и провел пальцем.

За пальцем осталась длинная черта.

Да, забавно. Мало того, что экран голографический, он еще и сенсорный...

«Ну, привет», — ответил я.

«Валентин? Ты?»

«Я».

«Слушай внимательно. И постарайся не удивляться».

Буквы появлялись так быстро, словно мой собеседник стучал по клавиатуре. А еще они были очень аккуратными. Как печатные. Не то что мои кособокие строчки.

«Я тут ничему не удивляюсь».

«Понятное дело. Валентин, я — это ты».

Я стоял, глядя в экран и не решаясь к нему прикоснуться.

— Что молчишь? — спросила Лена. — Я нашла один корабль, но он очень далеко. У самой дальней точки гиперперехода, на границе системы. Не существует таких радаров, чтобы он нас заметил в поясе астероидов, даже без всякой маскировки.

— Я разговариваю, — сказал я. — Меня просят не удивляться. И говорят... говорит... что он — это я.

Теперь замолчала Лена.

«Где ты находишься?» — написал я.

«На Земле. Не важно, где именно».

«Где ты здесь?» — Я вдруг понял, что ничуть не удивляюсь. И что я верю собеседнику.

Он — это я.

«В системе Деймоса? Только вышел из гиперпрыжка. На окраине системы».

«Ты же говорил, что на Земле».

«Я — на Земле. Сажу за компом. Играю в игру. Мой корабль вышел из

гиперперехода в системе Деймоса. Я послал вызов на чат с пилотом по имени Катран. Понял?»

«Понял» — ответил я.

«Ты мне веришь?»

«В каком возрасте стал мужчиной?»

«В восемнадцать. Ровно. После дня рождения Оксана осталась».

«Как звали собаку учителя химии?»

«Бензол».

«Что ты потерял и больше всего об этом жалеешь?»

«Азарт».

«А материальное?»

«Ручку „Паркер“, которую подарила мама».

— Катран? Что молчишь?

— Я его расспрашиваю, — вяло ответил я. — О разных вещах... которые должен знать только я.

— Да уж догадываюсь, что ты спросил первым... — фыркнула Лена. — И что?

— Это он. В смысле — я.

— Тогда не валяй дурака! — выкрикнула Лена. — Они могут нам помочь выбраться?

«Нам нужна ваша помощь», — написал я по экрану. По мере того как экран заполнялся, старые строчки уползали вверх.

«Как замечательно. А нам нужна ваша».

— Просят им помочь, — сказал я Лене. — Понимаешь? Они просят нас помочь им!

Лена фыркнула.

«То есть? Какая помощь?»

«Нас с Леной преследуют. В нас стреляли. Тем, кто вас туда отправил, не нравится, что мы пытаемся разобраться в ситуации».

— И что там у них? — спросила Лена.

— За ними гоняются те, кто нас сюда отправил... — пробормотал я. И написал:

«Чем мы можем помочь? Мы здесь, а вы там!»

«Прилетайте. Если боевые корабли прилетят к Земле — они испугаются».

«Кто они?»

«Мы не знаем».

Я вздохнул.

Да, замечательный человек — мой... мой оригинал? Как ни неприятно

это признавать, но да, именно оригинал. Я всего лишь копия.

Но, может быть, благодаря этому я способен посмотреть на себя со стороны?

«А мы не знаем куда лететь. Солнца на картах нет, видишь ли».

«Мы вычислили. Выведи на экран галактическую карту. Самую общую. От нижнего правого угла карты отсчитай девять звезд вверх, потом — двенадцать влево. Эта звезда и будет нашим Солнцем. Вам придется лететь на нескольких кораблях, в пути делать остановки и синтезировать топливо. Но если все сложится удачно, вы доберетесь за пять-шесть прыжков на кораблях класса „Прайм“, модифицированных для дальних перелетов. На ваших — уйдет двадцать—тридцать прыжков. Надо считать».

— Лена, галактическая карта, самое большое разрешение, — сказал я. — От нижнего правого угла девять звезд вверх и двенадцать влево. Это наше Солнце... Скажи, это объяснение имеет хоть какой-то смысл?

— Имеет, — немедленно ответила Лена. — Но это ужасно далеко. Туда никто и никогда не летал. Это... это прыжков двадцать, тридцать, на максимальную дальность. Столько топлива с собой не взять, придется строить временные базы... космодромы подскока.

«Вы уверены, что мы в космосе?» — написал я.

Последовала короткая пауза, после которой на экране появился большой вопросительный знак.

«Мы — живые? Или мы — часть виртуального мира? Записанное в компьютер сознание?» — пояснил я.

«Не знаю. Думаю, живые. А сам-то как считаешь?»

«Вроде как живые... Странно, что нам позволили говорить».

«Невозможно контролировать все. Валя, ты понял, зачем им все это нужно?»

«Нет», — честно ответил я.

«Я вот что подумал... Убийца должен появиться в самом начале детектива».

«Что?»

«Это закон жанра... так, к слову. Я думаю, те, кто во всем виноват, тебе знакомы. Они не могут пустить все на самотек. Не должны».

«Тогда это люди».

«Наверное. И еще. Жуки... зачем они с вами воюют? Что им надо?»

«Не знаю».

«Мы тут думали. Получается, будто у них и нет цели. Никакой цели, кроме как воевать. Странно, да?»

— Катран, — позвала меня Лена. — Слушай... тут такое дело... от Эдема уходят к ближайшему входу в гиперпространство корабли. Десятка два кораблей. Мы их приближение к планете просто прозевали. А сейчас они уходят. И Эдем молчит. Мне должны были ответить, подтвердить сеанс связи. Ответа нет, никакого.

— Лена... у этих чудаков был склад... и о нем знали Ищущие...

— Что будем делать, Катран?

— Надо проверить, что с ними случилось, — сказал я. — С теми, кто на планете.

— Да. Ты еще разговариваешь... с собой?

— Разговариваю. — Я посмотрел на экран. — Слушай, а ведь это какая-то другая связь. Не радио. Задержки сигнала нет совершенно.

Ленка хмыкнула.

— Ну так и мы сюда не тысячу лет летели... Просто никто не использовал этот вид связи для чего-то серьезного, это неудобно. Пользовались иногда для частных разговоров на близком расстоянии.

«Почему молчишь?» — появилось на экране.

«У нас проблемы, — написал я. — Видимо, Ищущие напали на планету. Мы думаем, там был склад. Нам надо возвращаться к Эдему».

«Где вас искать потом? Когда вы отправитесь к Земле?»

«Ищите на Плюшке. Мы поговорим с людьми. Невозможно просто так взять и отправиться к Земле».

«Валя, если вы задержитесь, нас тут убьют».

«А если мы поспешим, нас убьют здесь».

Я взялся за джойстик, опустил ногу на педаль. Метроном застучал чаще — корабль ожил и начал разгоняться.

— Эй, кто тут? — немедленно окликнули нас от астероида.

— Тут никого нет, — ответил я, разгоняясь. Лена уже ушла к Эдему, ее корабль был далеко впереди.

Сверху все выглядело совершенно нормально. Домики целы, корабли стоят на своих местах... и, главное, на улице поселка видны люди! Только из одной точки шел дым — вместо дома была глубокая воронка, на дне которой догорали деревяшки.

Сделали один выстрел для устрашения, что ли?

Я так и не обзавелся личным оружием, поэтому выйдя из корабля спешить не стал, дождался Лену. Та появилась с пистолетом на поясе — и мы торопливо пошли к поселку. Наше появление видели, но встречать не спешили.

— Что у них произошло, почему они не вышли на связь? — недоумевала Лена. — Я уж ожидала увидеть здесь пепелище...

— Лена, насчет нас... тех нас, на Земле...

— Подожди, успеем, — отмахнулась она. Навстречу нам шла Рыжая — злая, перепачканная в копоти, размахивающая руками. — Что случилось? — крикнула Лена.

— Нас ограбили! — ответила Рыжая. — Водила, ты не поверишь, нас ограбили!

— Но хоть не убили, — философски заключила Лена. — Что случилось-то? Почему тишина в эфире?

— По нам жажнули «Теслой»! — выкрикнула Рыжая. — Кто мог ожидать, что «Теслой» будут палить по планете? Вся электроника погорела! Все компьютеры, все станции связи... все синтезаторы! Все накрылось!

— А что горит?

— Лаборатория. — Рыжая глянула на меня с легким подозрением. — Та самая... куда ходил Катран. Они будто знали... да что я несу? Они именно что знали. Разнесли лабораторию диггером. И вытащили экран.

— Экран? — переспросил я. — Вы экранировали лабораторию платиной?

— Сплавом, полуфабрикатом для дальнейшей переработки. Восемьдесят процентов платины, остальное — платиноиды. Мы не хотели выбрасывать на рынок все, что добывали. Надо было где-то хранить металл... а тут еще ученые потребовали экран. — Рыжая развела руками. — Вот и решили убить двух зайцев... обложили лабораторию листами платиновых металлов...

— Все живы? — спросил я напряженно.

— Все, — кивнула Рыжая. — Они зависли над поселком, в мегафоны объявили, чтобы все ушли к озеру. Сразу предупредили, что лаборатория будет разрушена. И когда мы отошли — вычистили лабораторию диггером за четверть часа. Все начисто!

— И что будете делать? — Лена достала сигареты, угостила Рыжую. — Помощь нужна?

— Сообщите на Плюшку, — мрачно сказала Рыжая. — Пусть объявят всем пилотам нашего клана, пусть те возвращаются. Нам нужна электроника для ремонта. Нужны синтезаторы, нужны новые матрицы... черт, все сгорело! Как думаешь, администрация даст нам кредит?

— Думаю, даст, — кивнула Лена. — Все-таки это общие враги... Ну что же ты не сказала, что у вас под боком запас платиноидов?

Рыжая только махнула рукой.

— Не хотела раскрывать информацию... а у них, значит, был агент. Они все про нас знали.

— Ну, знаешь ли... — Лена покачала головой. — Рыжая, ты ли это?

— И на старуху бывает проруха...

Лена посмотрела на меня:

— Может, попробуем догнать?

— И побьем их? — спросил я. — Ой ли?

— Хотя что-то хочется сделать... — пробормотала Лена. — Ну как же так... были рядом...

— Что мы могли сделать? — вопросом ответил я. — Водила, опомнись. Мы рассчитывали, что они примутся колупаться в астероиде. Тогда у нас было бы время смотаться на Плюшку и вызвать помощь. А так... полчаса — и они уже свалили.

Рыжая кивнула и попросила:

— Ребята, летите на Плюшку. Это самое важное, чем вы можете нам помочь.

— Когда увидите, что звезды гаснут в небе — не удивляйтесь, — мрачно подытожила Лена.

В стоящей поодаль толпе я разглядел свою партнершу по эксперименту — Катю. Девушка была заплаканная, но вроде как все с ней было в порядке.

— Может, синтезатор с корабля снять? — спросила Лена. — Будет хоть какая-то еда...

— Ничего, займемся вегетарианством, — ответила Рыжая. — Тем более у Андрея родилась новая безумная идея... что размножение блокирует какая-то примесь в синтезируемых продуктах.

— Какой умный человек, — саркастически сказал я.

Но уточнять, что идея была моя, не стал. Ну его.

Мне все-таки было неудобно перед Андреем.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ, в которой мы попадаем под арест

Когда я увидел Плюшку со стороны в первый раз — покидая ее на «Сильване» с Ленкой и Ищущими, она показалась мне удивительно одинокой. Крошечный стальной островок у бесплодной, лишенной планет звезды...

Сейчас Плюшка напоминала, скорее, космическую крепость, плывущий в пустоте дредноут, вокруг которого собрались корабли поменьше — числом не меньше двух сотен. И в большинстве своем это была не мелочь, доступная начинающим пилотам. Огромные «Праймы», «Вавилоны», «Барлоги», несметное количество «Фениксов», «Мурен», «Грифонов» — впечатление было такое, что на зов вождя явилась могучая рать, способная уничтожить любого врага...

В ангар даже соваться было бесполезно. Мы остановили корабли метрах в пятистах от Плюшки и вызвали со станции такси. Для меня это был совершенно новый опыт.

— А как ты думал? — спросила Лена. — Крупным кораблям вообще не рекомендуется входить в ангар. С другой стороны платформы есть ремонтный док, его иногда тоже используют для приема кораблей. Но сейчас платформа забита под завязку, кто не успел, тот опоздал.

В роли такси выступила хорошо знакомая мне «Сильвана». Вначале она пристыковалась к «Мурене» и взяла на борт Лену, потом к моему кораблю. Пилотом был хмурый толстяк средних лет, явно не из тех, кто был рад оказаться в настоящем космосе. Пока он, лавируя между кораблями, вез нас на Плюшку, мы слышали от него и про повышение цен на топливо, и про то, что администрация вконец обнаглела — вводит штрафы за опасное маневрирование вблизи платформы, и про скотов-террористов, и даже про какую-то бабу, которая накануне что-то обещала пилоту, но обещания своего не сдержала.

В общем, у меня сложилось твердое убеждение, что работа таксистом немедленно приводит любого человека к какому-то особому, «таксистскому», образу мысли и поведению.

Ангар тоже производил другое впечатление. Во-первых, стало ясно, почему все швартуются у Плюшки, а не внутри — ангар превратился в ремонтный док для кораблей, пострадавших во время обороны станции. У каждого корабля возилось как минимум два человека — техник и сам

пилот, бывший «на подхвате». Почти все были в респираторах. Надрывно гудела вентиляция, но в воздухе все равно витала пыль, пахло дымом, озоном, горячим металлом, едкой химией. Повсюду были разбросаны какие-то агрегаты — снятые или подготовленные для монтажа, листы металла, балки, трубы, мотки кабеля. Два человека ругались, выясняя, кому достанется какой-то дефицитный механизм. Я с содроганием увидел, что некоторые механизмы — и не механизмы-то вовсе. Это было что-то *живое* — медленно шевелящееся, колышущееся, вздрагивающее, напоминающее то ли растения, то ли, скорее, морских беспозвоночных гадов, вроде кораллов или губок.

А ведь и в моем корабле полно такого!

— Ленка, это что, биоустройства чужих? — спросил я.

— Это? — Она ткнула рукой в бурый, медленно шевелящийся, будто вздыхающий, ком размером с большой шкаф. Сверху бурую массу охватывала металлическая дуга, из которой в глубину шли провода. Из основания кома торчал кабель, заканчивающийся разъемом. — Да. Радар «Кронос» с использованием биотехнологий. Ничего так штука. Радиус действия только небольшой...

Я оставил при себе свое неизменное замечание, что вот так вот взять и совместить инопланетную живую органику с непонятной инопланетной электроникой — задача нереальная. Что толку спорить... совмещают ведь как-то.

Мы вышли из ангара, переглянулись... и совершенно не сговариваясь, двинулись в сторону бара.

— Полчаса ничего не изменят, — рассуждала Лена на ходу. — А нам бы стоило кое-что решить между собой...

— Только надо предупредить администрацию, что мы на Плюшке, — заметил я.

— Это легко. — Лена поднесла к лицу комм. — Первый, привет. Это Водила. Мы с Катраном вернулись от Ангелов Деймоса.

— Что так рано? — донесся до меня слабый голос диспетчера.

— Там больше нечего делать. У Ангелов был склад металлов, которые они добывали. Ищущие разграбили склад за полчаса и ушли в неизвестном направлении. Мы с Катраном зайдем в бар, пропустим по рюмочке. Потом готовы доложить.

— Хорошо, — ответили Лене после паузы. — Только не задерживайтесь.

В баре нас встретил шум и дым коромыслом. Дым в прямом смысле слова — почти все столики были заняты и почти все посетители курили.

— Мать, мать, мать! — воскликнула Лена с неожиданным пылом. — Я не верю своим ноздрям! Научились синтезировать табак?

— Нет, — печально сообщили нам со спины. — С Земли прислали два ящика сигарет. Администрация велела поровну раздать их пилотам. Каждому досталось по три пачки.

Мы обернулись. Это был бедолага-скрипач. Лицо юноши было какое-то перекошенное, скрипку он бережно прижимал к груди.

— Ты чего, Ленчик? — спросила Лена. — Дым не выносишь?

— Ага, — печально сказал Левинсон. — Да и инструменту вредно...

— Не переживай, — утешила его Лена. — Такими темпами им надолго сигарет не хватит. Уже завтра сядут на голодный паек.

Левинсон только вздохнул.

Мы прошли к барной стойке, взяли по две рюмке водке и блюдец оливок — больше никакой закуски не наблюдалось. Ленка расплатилась со своего комма. С трудом найдя свободный столик, мы уселись, сдвинули рюмки и выпили.

— Жалко парнишку, — сказала Лена, явно имея в виду Левинсона. — Болтала тут с ним, он мне рассказывал назидательную сказку из «Тысячи и одной ночи». Про юношу, который искал приключений, а найдя не обрадовался. Там еще смешная фраза была: «А в бою я устойчив как кол в навозе».

Я усмехнулся:

— Мне, напротив, жаловался, что его воевать не пускают.

— Ну, на это он и мне жаловался, — сказала Лена. — Одно другому не мешает. Говорил, что надеется на своего двойника на Земле. Что тот поймет, как их обманули, придет в агентство и закатит скандал. Или вообще — перестреляет там всех. У него неприспособленность к жизни и воинственность сочетаются, как у всех интеллигентных мальчиков.

— Угу, — кивнул я. — Но обычно такие мальчики подрастают и выбирают что-то одно. По себе знаю... хоть на скрипке и не играл.

— А на чем?

— Исключительно на родительских нервах, — признался я.

Мы выпили по второй рюмке. Вокруг шумели, орали, спорили — но все это веселящееся и грустящее человеческое варево совершенно нас не волновало.

— Будешь говорить администрации, что связался с Землей? — спросила Лена.

— А ты как считаешь? У меня есть сомнения.

Лена пожала плечами:

— Странно это все. Если они просто вошли в игру и стали нас искать... то, выходит, тот корабль у окраины системы был пустой? Без экипажа?

— Очевидно.

— Значит, помимо тех, кто сюда попадает через агентство по найму, здесь должны быть и обычные игроки? С Земли? И часть кораблей летает пустыми?

— Ленка, а сколько здесь реально людей? — спросил я. — Мне сказали шестнадцать тысяч, тысяча на станции, пятнадцать в космосе. Сейчас, как я понял, собрались представители всех кланов и альянсов. Это сотни две кораблей...

— Снаружи сотни три. И сотня в ангаре.

— Хорошо, — кивнул я. — Тысяча — те, кто живет на станции. Прилетели четыре сотни. Допустим, на самом деле прилетел каждый десятый. Получается пять тысяч человек. Верно?

— Ну?

— Значит, еще около десяти тысяч пилотов не удосужились посетить Плюшку? Даже после всех событий? Кораблю необходимо становиться в ангар на заправку и пополнение боезапаса?

— Нет. Можно пришвартоваться к обшивке, к узлу снабжения. Если человек спешит и не хочет выходить на Плюшке, то так и делается. Это быстрее и дешевле.

— Так, может, на этих кораблях и нет никого? И управляют ими с Земли?

— Но тогда администрация Плюшки должна быть в курсе, — сказала Лена. — Это для рядового пилота годится объяснение: «все в космосе». У администрации должны быть как минимум списки прибывших с Земли. Должны быть данные по производству синтезаторами пищи, одежды... все это позволяет понять, что часть кораблей летает без экипажа.

— Вот. — Я кивнул. — Вот мы и подошли к самому главному вопросу. Все пилоты считают, что рассказанная Инной версия — правда. Что коварный начальник... как там его звали? Ладно, не важно. Коварный начальник вначале отправил ее на Плюшку. Потом других сотрудников. Для комплекта. Потом начали посылать сюда игроков. Версия хорошая, спору нет. Но зачем такие сложности? Зачем полагаться на то, что заброшенные на станцию случайные люди сумеют навести там порядок, организовать в какое-то общество, научиться строить корабли, добывать полезные ископаемые, воевать... Если у них есть на Земле свои сотрудники, люди — или неотличимые от людей гуманоиды, то куда проще отправить их и сюда.

Их — или их копии.

— Тогда мы приходим к очень неприятному выводу, — сказала Лена. — Мы тут все пляшем под чужую дуду. Мы исходим из совершенно неверных посылок.

Я кивнул.

— Итак, эту историю пока никому не рассказываем, — подытожила Лена. — Где Солнце, знаем только мы.

— А добраться мы туда можем?

Лена покачала головой.

— Нет. Чтобы это не превратилось в сумасшедшую многолетнюю экспедицию, нам нужно два-три больших корабля, специально укомплектованных для такого полета. Выделить нам их может только Плюшка. Говорить администрации нельзя. В общем, замкнутый круг.

— А ведь нам на Земле нужна помощь, — напомнил я.

— Справятся как-нибудь... — пробормотала Лена. — Тоже мне, нашли у кого помощи просить... у похищенных и находящихся черт знает где...

У нее на руке звякнул комм. Лена поднесла его к уху, кивнула. Сказала:

— Да, уже...

Повернулась ко мне:

— Пошли, Катран. Нас ждут. Обещали налить чего-нибудь.

Это было еще одно незнакомое мне помещение в административном секторе станции. Небольшой овальный зал с овальным стеклянным столом посередине. Потолок оказался прозрачным — выпирающий из станции купол, слегка затемненный с той стороны, куда светило солнце.

Встречали нас трое — Инна, Вадим Эдуардович и Бледный Лис. Вадим Эдуардович картинным жестом пригласил к столу — посередине стояла ваза с фруктами, бутылка виски «Джеймсон», несколько бутылок минералки, вазочка с кубиками льда, стаканы.

— Какая честь, — восхитилась Лена, беря бутылку в руки. — И много у администрации таких заначек?

— Не очень, но для хороших людей найдем, — серьезно ответила Инна. — Боря, разлей всем. Мне со льдом, без воды.

— А мне просто воды, — поморщился Вадим Эдуардович.

Мы расселись — я с Леной с одной стороны стола, троица администраторов напротив. Молча выпили.

— Итак? — спросил Вадим Эдуардович. — Что стряслось на Эдеме?

Докладывала Лена. Сухо описала нашу встречу с Рыжей, дежурство у астероида, появление кораблей Ищущих, наше возвращение на Эдем...

— Задание провалено, — подытожила Инна. — Что ж вы так? Мы надеялись на вас. Неужели нельзя было сразу выяснить, что у них есть запасы рутения?

— Каким образом? — Лена пожала плечами. — Они молчали, как партизаны на допросе.

— И у вас даже не зародилось подозрений?

— Слишком поздно. Собственно говоря, мы по этой причине и пытались связаться с Ангелами Деймоса. Но было уже поздно — всю их электронику выжгли.

— Очень неудачно, — поморщился Вадим Эдуардович. Посмотрел на Бледного Лиса. Кашлянул.

— Весьма неудачно, — поддержал его Бледный Лис. — Вначале вы помогли этим идиотам похитить с Плюшки схему оружия. Потом прозевали их налет на склад...

— Борис, вы нас в чем-то обвиняете? — резко спросила Лена. — В конце концов, мы вас вытащили с Нигредо... где вы замерзли бы в метель через пару часов...

— Я ни в чем не обвиняю! — Бледный Лис развел руками. — Только один вопрос... а что делал Катран на складе металлов платиновой группы? Перед тем как вы улетели к никому не нужному астероиду?

Вот это номер!

— Если ты посещал Эдем, — Лена мгновенно перешла на «ты», — то должен помнить их обычаи. Мужчины, как правило, их не забывают. Катрану пришлось переспать с местной жительницей. А эти металлы как раз использовались для экранировки спальни, они проверяли теорию, что стерильность у людей вызывает какое-то излучение.

— И Катран не знал, из чего состоит экран? — насмешливо спросил Бледный Лис.

— Нет, — ответил я. В этот момент я очень жалел, что не бросил его замерзать. — Еще есть вопросы?

Троица администраторов переглянулась.

— Разве что один, — сказал Вадим Эдуардович. — Согласно данным, снятым нами с вашего «Феникса», Валентин, примерно в то же время, как Ищущие атаковали Эдем, вы имели контакт по прямому лучу с неизвестным кораблем.

— По какому еще прямому лучу? — возмутилась Лена.

— Я имею в виду текстовый канал связи, — пояснил Вадим Эдуардович. — Принцип его действия мы не знаем, есть только проверенные данные, что связь осуществляется мгновенно на любом

расстоянии. Или вы не знали об этом, Лена?

— Знала, — твердо сказала Лена. — Но это вас не касается. Никакого отношения к Ищущим тот корабль не имел.

— А к кому имел?

Теперь все смотрели на меня. Включая Лену. Она едва заметно покачала головой.

— Это мое личное дело, — сказал я.

— Очень удобно, — саркастически сказала Инна. — И матрицу вы им отвезли. И при похищении единственного редкого компонента оружия присутствовали. И где искать рутений вполне могли знать. И с незнакомым кораблем общались... Катран, что за чушь вы нам несете? Какое еще «личное дело»? Вы здесь меньше недели, у вас просто нет никаких знакомых... кроме Ищущих? Верно?

Я поболтал стаканом, где последние льдинки таяли в желтоватом виски. Отхлебнул глоток.

— Итак? — спросила Инна.

— Кажется, вы твердо записали нас в предатели, — сказал я.

— Нет, мы лишь требуем объяснений. Как правило, администрация Плюшки не вмешивается в отношения между кланами, альянсами и отдельными пилотами. Что хотите, то и делайте. Играйте в шпионов, если вам нравится. Но сейчас ситуация угрожающая. С одной стороны — активизировались жуки. С другой — толпа безумцев угрожает гасить звезды. Если вы не объясните, с кем общались, мы вынуждены будем принять какие-то меры.

— Кстати, вы никогда не говорили, что способны считывать информацию с чужих кораблей, — заметила Лена.

— Особая ситуация, — отрезала Инна. — Извини, Водила, ничего личного. Но меня поражает твоя... твоё безоговорочное доверие Катрану. Что он, так хорошо себя показал в постели?

На лице Лены заиграли желваки.

— Да уж, неплохо, — сказала она задумчиво. — А ты опять без мужика? В наших условиях и не найти себе хахаля — надо быть редкостной стервой.

— А ну тихо! — гаркнул Вадим Эдуардович, вставая. — Вот только бабских разборок нам тут не хватало... Инна, ты распустила язык! Лена, не ведись на провокации!

Он достал сигареты, подошел ко мне:

— Пошли на два слова, Катран...

Мы отошли от стола достаточно далеко, чтобы нас не было слышно. Я

взял предложенную сигарету, мы закурили.

— Не хочешь говорить при Бледном Лисе? — тихо спросил Вадим Эдуардович. — Верно?

— При Инне, — ответил я. Была не была... а то и впрямь запишут в шпионы. — Вадим Эдуардович, вы разумный человек. Ну с какой стати мне быть агентом Ищущих? Я же с Земли только прибыл...

— Так с кем ты тогда общался?

— С самим собой. С собой, который на Земле.

Вадим Эдуардович посмотрел мне в глаза. Кивнул. Затянулся поглубже.

— Там тоже черт знает что творится... — сказал я. — За ними гоняются... видимо, те, кто отправил нас сюда. Они просят нас помочь... Им удалось выяснить, где на наших картах Земля!

— Seriously? — Вот теперь он по-настоящему поразился. — Как?

— Не знаю. Но они сообщили, как долететь до Земли. Можно организовать экспедицию из нескольких тяжелых кораблей и долететь за две-три недели. Думаю, желающие найдутся. И им поможем... и разберемся, что происходит.

— А почему ты не доверяешь Инне? — спросил Вадим Эдуардович.

— Она первой прибыла на Плюшку. Логично предположить, что первые прибывшие — агенты чужих. Они знали, что к чему, и установили тот порядок, который и существует поныне...

— Логично... — сказал Вадим Эдуардович. Повернулся к столу. Посмотрел на Бледного Лиса — тот напряженно следил за нами. Кивнул. Пробормотал: — Она прибыла первой... я — вторым, Боря — третьим.

В следующий миг мир будто взорвался.

Давненько мне не доводилось получать такого быстрого и сильного удара по голове. С подростковых драк, пожалуй.

Ну кто бы мог предположить в этом спокойном, небогатырского сложения человеке такую скорость и четкость движений?

Впрочем, с чего это я взял, что он вообще человек?

Пол метнулся к моему лицу, ударил по щеке — и я погрузился в темноту.

— Я вот думаю, а может, права Инна? — послышался голос Лены. — Может, я дура, что тебе доверяла?

Застонав, я открыл глаза. На лице лежало что-то белое, влажное, прохладное. С трудом подняв руку, я стянул с лица мокрый носовой платок.

— Давно очнулся? — спросила Лена.

Выглядела она... не очень. Под правым глазом был фингал. На левой щеке кровоточащие следы царапин — пяти параллельных царапин.

— Ты бы на Инну посмотрел, — сказала Лена удовлетворенно. — Я ей клок волос вырвала и губу нижнюю разодрала.

— Зачем? — пробормотал я.

— Подумала, вдруг это не лицо, а маска? А под ней пришелец? Если бы ты сразу не отрубился, мы бы еще потрепыхались...

Приподнявшись на локтях, я огляделся, сел, спустив ноги на пол. Видимо, это была каюта — обычная каюта на Плюшке, необжитая, но с кое-какой мебелью — койка, два стула, стол. Больше ничего — стерильная пустота и чистота. Лампочка под потолком была без абажура, матовая и яркая. Дверь в маленькую ванную комнату отсутствовала.

— Сейчас сменю компресс... — сказала Лена, отправляясь в ванную. Зашумела вода. — Нет, я не понимаю, зачем ты ляпнул, с кем говорил?

— Я думал... — потрогав лоб, я скривился. — Не знаю, ничего я не думал. Почему-то решил, что Вадиму Эдуардовичу можно доверять... Ну не могут же все они, администраторы, быть чужими...

— Почему? — удивилась Лена, возвращаясь с мокрым платком. — Почему бы и нет?

— Но они ведь все равно знали, что мы с кем-то общались...

— Они не знали главного: с кем именно. Подозревали, что мы связаны с Ищущими. Тоже не сахар... но теперь мы для них смертельно опасны. — Лена приложила платок к моему лбу, я прижал его ладонью. Сказал:

— По крайней мере они сделали ошибку. Посадили нас вместе.

— Не думаю, что это ошибка. Наверняка все записывается и просматривается.

— А выйти нельзя? — глупо спросил я.

— Нет, — серьезно ответила Лена. — Понимаешь, достоинство любой космической станции в том, что любая каюта легко и просто превращается в герметичную тюрьму.

— По воздуховодам выбраться...

— Ты явно увлекался голливудскими боевиками, — сказала Лена. — Они шириной сантиметров десять, не больше.

— А... — печально сказал я. — Слушай, чем этот хмырь меня приложил?

— Рукой, Валечка. Рукой.

Я встал и обошел каюту. Ничего утешительного. Есть вода в кране. Есть сортир... правда, без туалетной бумаги. Есть дверь — закрыта. Есть закрытый иллюминатор — или экран, кто его знает. Все равно не поможет.

- У тебя пистолет отобрали? — спросил я.
- Конечно. Сигареты оставили... курить хочешь?
- Курить... А здесь есть датчики дыма?
- Наверняка. В любом воздуховоде есть.
- Можно слегка намочить и поджечь одежду, тогда пойдет дым...

Лена кивнула:

— Как затейливо. При возникновении пожара отсек полностью изолируется и в него подается углекислый газ. Очень затейливый способ самоубийства. На... покури, успокойся.

Мы уселись рядом на кровать и закурили. Сделав пару затяжек Лена сказала:

— Можно сексом заняться.

— У меня голова болит, — мрачно ответил я.

— Ух ты! — восхитилась Лена. — Сто раз сама так отвечала, а от мужика еще никогда не слышала. Ну давай тогда анекдоты рассказывать. Или песни петь.

— Слушай, а ведь нашим... нам, то есть на Земле плохо придется.

— Теперь-то конечно.

Я покачал гудящей головой, глубоко затынулся.

Прости, Валентин. Помощи не будет...

Дверь внезапно открылась. Мы с Леной вскочили, будто подростки, к которым вошли родители в не самый подходящий момент. Я едва подавил желание спрятать сигарету за спину.

— Выходите, ребята! — дружелюбно сказал Вадим Эдуардович. — Катран, прошу прощения... сильно я тебя приложил, да?

— Чего-то я не понимаю, — произнесла Лена настороженно.

— Как говорится в известном анекдоте, — весело сказал Вадим Эдуардович, — у вас перспектива появилась. Скажите за это спасибо... самим себе.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ, в которой Валентин и Лена переходят в наступление

Поздно ночью, лежа в обнимку с Леной на узенькой кровати Олега (программист деликатно ушел спать на кухню, на надувной матрас), Валентин тихо спросил:

— Ты не спишь?

Было абсолютно тихо — стоял тот час ночи, когда на время затихает даже вечный гул мегаполиса, только далеко-далеко, надсадно ревя самопальным прямоточным глушителем, неся на «Самаре» очередной двадцатилетний камикадзе.

И Лена дышала ровно и спокойно, будто давно уже спала. Но что-то — то ли едва уловимое движение, то ли давно не менявшаяся поза, то ли слишком легкое, не сонное давление ее головы на плечо — подсказывало Валентину, что женщина не спит.

— Нет, конечно.

— Зря мы у них просили помощи, — сказал Валентин.

— Согласна. А почему *ты* так считаешь?

— Им и так несладко, это раз. Если они начнут спешить, то могут вляпаться в большие неприятности, это два.

— Есть еще и три. Когда начинаешь на кого-то полагаться, то сам расслабляешься.

— Верить нельзя никому? — усмехнулся Валентин. — Даже себе?

— Верить нужно. Полагаться нельзя.

— А что мы можем?

— Ну... кое что... — Лена помолчала. — К примеру, приехать в «Звездный час». Приставить пушку ко лбу того, кто там сидит. И задать пару вопросов.

— Откуда у тебя оружие?

— Это не боевое, — неохотно сказала Лена. — Травматический... Резиновые пули. Но если стрелять в упор и в голову — то он убьет. Сам понимаешь, женщине-водителю такая штука полезна.

— Она и мужчине не помешает, — согласился Валентин. — И что... ты готова на такое?

— Да. Не хочется Олежку подставлять — хороший парень. И вообще,

чем дольше мы сидим на одном месте, тем легче нас найти. Я всегда любила прятки, в которых разрешались перепряталки.

Валентин улыбнулся в темноте.

— Двадцать лет не слышал этого слова...

— Ну так что, встаем?

— Так ты серьезно?

— Абсолютно. Встаем и двигаемся на Огородный проезд.

— Олега разбудим?

— Записку напишем.

Лена выскользнула из-под одеяла и принялась одеваться — быстро, будто ей не мешала темнота. Валентин секунду размышлял, где бы найти ручку и листок бумаги, потом открыл ноутбук — экран слабо засветился. В окошечке «Ворда» он набрал короткую записку — спасибо, не хотим впутывать в свои проблемы, надеемся встретиться, и оставил редактор открытым. Увидит, что их нет — догадается заглянуть в компьютер.

Он заканчивал одеваться, когда Лена, выглянув в окно, придирчиво осмотрела двор и пробормотала:

— Вроде как чисто... Пошли.

На выезде из Строгино Лена притормозила у круглосуточного магазинчика. Вернулась с парой пачек сигарет и двумя банками энерготоника.

— Потребляешь? — поинтересовался Валентин.

— Иногда. Этот можно, я его в Европе повсюду видела, значит, безопасный.

Валентин с сомнением покрутил в руках банку — лучше бы кофе выпить, конечно... Открыл и сделал глоток.

Ничего так. Кисленько, сладенько. Лимонад.

— Ты будто подросток, впервые пьющий пиво.

— Не люблю химию.

— А как же в фантастике? Герои обязательно перед боем пьют всякие стимуляторы, транквилизаторы...

— Вот в фантастике пусть и пьют... — буркнул Валентин, дохлебивая напиток.

Но сон действительно прогнало полностью. По пустым ночным дорогам, мимо мигающих желтым светофоров, по третьему кольцу — Лена вела быстро, но аккуратно, ничего не нарушая, даже и скорость превышая лишь на чуть-чуть.

— Не хватало только напороться на скользящих гайцов в поисках

пятихатки, — прокомментировала она. — От безделья, они кого хочешь останавливают...

То ли вела машину Лена образцово-показательно, то ли гаишников сморил сон и им лениво было вылезать из патрульных машин на холодную осеннюю улицу, но доехали они без всяких приключений. Лена остановила машину метров за двести до здания агентства, припарковалась на обочине. Помедлила секунду, потом достала телефон:

— А давай-ка наберем... есть там вообще кто.

Валентин пожал плечами. Лена набрала номер и включила громкую связь.

В трубке коротко пикнуло. Потом приятный, хорошо поставленный женский голос, вызывающий ассоциации с профессиональными дикторшами, произнес:

— Доброго времени суток! Вы дозвонились до агентства по найму персонала «Звездный час». Нам требуются пилоты космических истребителей, орбитальных бомбардировщиков, кораблей технической поддержки. Высокая оплата, медицинское обслуживание, страхование жизни. Гарантированы увлекательные приключения и необычные путешествия. Оставайтесь на линии, ваш звонок очень важен для нас...

В трубке заиграла какая-то тревожная электронная музыка.

— «Спейс», — сказала Лена. «Сикрет дримс».

— «Спейс медиа», — поправил ее Валентин.

Лена с уважением поглядела на него. Потом пожала плечами:

— Да у него все песни похожи, если честно...

Музыка прекратилась, тот же приятный голос произнес:

— К сожалению, в настоящий момент все операторы заняты. Перезвоните позже.

Лена спрятала телефон. Сказала:

— Ну что, пошли? Либо там никого нет, либо им не до такой мелочи, как вербовка новых рекрутов...

— Пошли...

Они выбрались из машины. Лена со вздохом похлопала по вмятой крыше, потом достала из-за пояса пистолет, переложила его в карман куртки.

— Может, мне дашь? — спросил Валентин.

— А ты хорошо стреляешь?

Валентин пожал плечами.

— Я в тир ходила, — сказала Лена, и вопрос о том, кто будет вооружен, больше не поднимался. В ночной тишине они пошли к двери

«Звездного часа».

— Все это напоминает мне какой-то дурацкий боевик... — тихо сказал Валентин. — Но я не Арнольд Шварценеггер, а ты не Сигурни Уивер...

— Тихо! — прошипела Лена.

На дверях была та же табличка, что запомнилась Валентину, когда он уходил:

Агентство по найму персонала

«Звездный час»

Открыто с 10.00 до 19.30, перерыв с 13.00 до 14.15

— А вначале там было написано, что работают круглосуточно, — шепнул Валентин. Лена посмотрела на него, потом достала из кармана швейцарский нож. Вытащила лезвие, подцепила краешек таблички, нажала.

Табличка снизу слегка отошла от двери — будто держалась на оси посередине.

— Перекидная, — сказала Лена. — Там моторчик или просто рычажок. Потянул — табличка перевернулась, вот текст и другой...

— Тут над дверью камера есть, — заметил Валентин.

— Ничего не поделаешь. Если они нас видят... — Лена пожала плечами. — Значит, видят.

Она легонько подергала дверь. Та, разумеется, не открывалась.

— Умеешь замки вскрывать?

— Я не взломщик, — почему-то обиделся Валентин.

— Ну так пусти меня... Я умею.

— Дай нож, — попросил Валентин. Присел у двери, уставился на металлическую накладку с замочной скважиной, закрепленную на старой, разболтанной двери.

Как вскрывают замки? Чем-то там крутят внутри, отмычками, скрепками, булавками... А что еще? Вот здесь, вероятно, проходит язычок замка...

Валентин просунул лезвие в щель и действительно наткнулся на металлическую полоску. Поцарапал ее лезвием. Потом, чувствуя себя хорохорящимся перед женщиной самцом, попытался запустить лезвие глубже и подцепить язычок, отжать его вглубь...

Хрустнуло — и от косяка двери отломилась длинная щепка. Валентин оторопело посмотрел на нее. Потом воткнул лезвие в деревяшку и отщепил еще кусок. И еще. И еще.

Пока не высвободил язычок полностью.

— А говорил — не умеешь, — сказала Лена. — Круто.

Валентин потянул дверь — но она по-прежнему не поддавалась.

Но его уже охватил азарт.

— Есть чем подсветить? — спросил он.

Лена достала из кармана ключи с болтающимся на них брелоком — крошечным светодиодным фонариком.

Через минуту Валентин, чертыхаясь, пытался лезвием сдвинуть задвижку — простую железную задвижку, которая и держала эту дверь. Как ни удивительно, но она поддавалась. По миллиметру, раз за разом, он сдвигал стальную полосу — пока дверь не скрипнула, отворяясь.

Лена мгновенно выхватила пистолет, нацелила в щель — в темноту.

Было тихо и темно.

Только откуда-то из глубины коридора, издалека, доносились неразборчивые голоса.

— Радио? — предположила Лена с надеждой.

Валентин осторожно открыл дверь пошире. Лена вошла первой, Валентин за ней — и закрыл дверь за собой. Темнота сгустилась — только там, где по его воспоминаниям стоял стол охранника, помаргивал крошечный зеленый огонек.

— Подсвети... — прошептал Валентин.

Маленький лучик уперся в пол, поднялся, скользнул по стене, по выключенному экрану системы видеонаблюдения. Слетел с экрана вниз, уперся в стол, пробежал по столешнице — густо залитой чем-то черным, блестящим, будто лаковым...

— Меня сейчас стошнит... — тихо сказала Лена. Луч крошечного фонарика заплескал, выхватывая из темноты то бритый затылок охранника, то застывшее лицо, то маленькую дырочку от пули над правым глазом. Левый глаз был закрыт, правый мертво смотрел на Валентина. Охранник сидел, весь согнувшись, скрутившись в кресле, уронив голову на стол, как-то очень нелепо ее вывернув — будто бился перед смертью в агонии. Одна рука лежала на столе, сжимая пистолет. Другая была закинута за спину. Весь он был как-то скручен, исковеркан, изломан — у здорового крепкого мужика это выглядело особенно чудовищно.

— Мы вляпались в какое-то говно, — сказал Валентин.

Луч фонарика будто с облегчением опустился, пробежал по ногам.

— Я в переносном смысле, — сказал Валентин. Сердце гулко бухало, пальцы на руках стали холодными. — Свети! На него свети... на руку...

Лена послушно посветила. Валентин сделал шаг к столу, осторожно разжал мертвые пальцы — к счастью, кровь до ладони не дошла. Покачал

головой — рука была теплая, мягкая, совсем как живая. Охранника убили даже не часы — минуты назад... Валентин взял пистолет.

— Ты уверен? — жалобно спросила Лена. — Это же...

— Что это? — спросил Валентин, показывая ей пистолет.

Лена замолчала. Потом сказала:

— Не знаю. На игрушечный похоже... да?

На первый взгляд пистолет был похож на настоящий. На обычный пистолет. Ствол, рукоять, курок... Но если чуть-чуть присмотреться...

В стволе не было дульного отверстия. Вместо него — несколько тонких, будто иглой процарапанных, окружностей. Валентин пожал плечами, отвел ствол в сторону.

— Пошли. Надо посмотреть, что здесь... или кто здесь.

— Слушай, я, наверное, сглупила, — зашептала Лена. — Зря мы сюда... брось этот пистолет, отпечатки сотри и брось... или с собой забирай и уйдем... Пошли, Валя?

— Нет, — тихо ответил Валентин. — Мне надоело. Если хочешь, жди в машине... только фонарик отдай.

Лена сглотнула. Потом сказала:

— Ладно. Раз пришли... У него может быть фонарик получше.

Фонарик у убитого охранника нашелся — пристегнутый к поясу. Тяжелый фонарик в металлическом корпусе, узаконенная дубинка. Валентин взял его в руки, включил, с облегчением осмотрелся — и в предбаннике у входа, и в коридоре действительно было пусто, никто не ждал в темноте, насмешливо взирая на их испуг.

— Охранника убили из обычного пистолета, — сказал Валентин. — А вот то, что он пытался достать, на пистолет не очень-то похоже. Это, скорее, из другой оперы.

— Из космической, — кивнула Лена. — Ну... идем. Послушаем радио?

— Это не радио, — твердо сказал Валентин. На прощание еще раз осветил мощным фонариком труп охранника — и вздрогнул.

Кровь на столе была темно-зеленой. Нет, даже не зеленой, а сине-зеленой, того густого ультрамаринового цвета, каким бывает море. Это только в темноте она казалась багровой...

— Что там? — спросила Лена, оборачиваясь. Валентин быстро отвел луч света от стола. Сказал:

— Да все то же... Пошли.

Как он и подозревал, голоса доносились из «третьей двери налево». Из той самой, куда он заходил.

А есть ли что-то вообще за остальными дверями?

Они с Леной встали у двери, переглянулись. Теперь уже можно было разобрать слова. Говорили двое. Не говорили — спорили, ругались, все накручивая и накручивая эмоциональный градус.

— Да, мы идиоты! Мы влезли в чужие игры и теперь стоим по колено в дерьме! — резко, пронзительно произнес женский голос.

Валентин усмехнулся. Как приятно слышать — не только они находились в таком некомфортном положении!

— Инна, тебе не идет ругаться... Хотя насчет идиотизма я частично согласен. В той части, которая относится к тебе, — отвечал мужчина.

— Вадим, оставь свою иронию, нет времени на пикировку... Ты это видел? Я тебя спрашиваю — ты это видел?

— Ты начинаешь напоминать мою первую жену... Нет, я не видел, ты же знаешь.

— А я видела! Когда ему всадили пулю в лоб, он еще два раза выстрелил! Потом его стало... корчить его стало.

— Еще скажи, что из него черти выходили.

— Черти там, внутри! Он не человек, понимаешь?

— Мы это знали!

— Но он совсем не человек! У него кровь зеленая!

— Ну и что? Бывают люди с разным цветом кожи, бывают люди с разным цветом...

— Вадим! Не валяй дурака! Одно дело — работать на людей... другое дело — на монстров...

Валентин с Леной переглянулись.

— А ты, оказывается, шовинистка, — грустно сказал тот, кого Инна называла Вадимом.

— Раз не хочу отправлять людей к этим... зеленокровым? Да, я шовинистка, мне люди больше нравятся. Может, их там едят, тех, кого мы отправляем?

— Не мели чушь! Никто их не ест.

— Ты-то откуда знаешь?

После короткой паузы Вадим сказал:

— Давай успокоимся, Инна. Что мы имеем? Два трупа на руках... Поверь, мы не первые люди в этом городе, кто столкнулся с такой проблемой... и справился. Причем мы никого не убивали. У меня вообще алиби!

— У тебя-то алиби! А я здесь была... пока ты рыскал за этой парочкой...

— Инна, успокойся. Наслоилось — бывает. Двое съехали с катушек... с Еленой это не в первый раз. Журналиста мы недооценили... ну, случается. Этот парень, возможно, тоже с ними связан. Поверь, он теперь волнует меня меньше, чем Катран с подругой...

— У него был пистолет... и стрелял он... профессионально.

— Может быть, мент. Может быть, гэбэшник. Кто его знает? В любом случае его визит — частная инициатива. Иначе тут все было бы оцеплено, а дом штурмовал бы спецназ... поверь специалисту. Давай думать, как избавляться от тел. Кого вызовем? Майора или Батю?

— Майора. Не люблю я твою бригаду уголовников...

— Они не уголовники. Уже давно как. Люди решают деликатные проблемы... Хорошо, я позвоню Майору. Можно все это оформить как автокатастрофу... а можно и с концами. Знаешь, сколько людей каждый день бесследно пропадает в Москве?

— Звони, — уже спокойнее ответила Инна. — И если можно, я бы ушла домой.

— Подождешь...

Валентин тронул Лену за плечо. Она кивнула.

Взяв чужой пистолет на изготовку, Валентин сильно пнул дверь — и ввалился в комнату.

Инна — заплаканная, растрепанная, с потеками туши под глазами, сидела за столом. Перед ней стояла бутылка коньяка, из которой было отпито граммов сто. Снимала стресс, очевидно.

На столе, вполоборота к ней, сидел сухощавый мужчина средних лет. Занятая им позиция, при всей ее экзотичности, была очень удобна — в ней сочеталась и небрежность — шел мимо, без церемоний опустил задницу на стол, и подсознательное давление на Инну — он четко показывал, кто здесь хозяин.

— Не пугайтесь, не гости, — нацеливая пистолет ему в затылок, сказал Валентин. Лена уже целилась в Инну.

Больше в комнате никого не было — это радовало. Точнее, не было никого живого — в углу, за пустыми столами, лежало что-то, завернутое в штору. Из-под шторы торчал ботинок.

— Катран и Водила, — не оборачиваясь, сказал мужчина. — Черт, как не вовремя...

— Очень приятно это слышать, — признался Валентин. И, не удержавшись, добавил: — И не надо делать глупостей. Не старые еще люди, вам жить да жить...

Мужчина медленно повернулся, приподнимая руки. Сказал:

— Вижу, что узнали... Не знаю, как долго вы стояли под дверью... что успели понять. Но сразу информирую — мы не вооружены. Да и если были бы вооружены — у нас нет желания драться. Мы открыты для диалога.

— Вот и хорошо, — сказала Лена. — Ты подходишь вон к тому стулу, садишься на него задом наперед, лицом к спинке. Ноги засовываешь глубоко под стул и держишь там. Руки складываешь за голову. Потом то же самое сделает Инна, стараясь при этом не заслонять тебя. Очень стараясь.

— Вам не надо ничего опасаться, — повторил мужчина. — Диалог в наших общих интересах.

— Шевели копытами, — сказала Лена.

Мужчина послушно выполнил все ее приказания. Сел, запустил ноги под стол, сложил руки за головой. Произнес:

— Меня зовут Вадим Эдуардович. Вас я, конечно же, знаю...

— Говорить будешь, когда разрешат! — Лена вдруг сделал к нему два быстрых шага. И наотмашь ударила по лицу свободной рукой. — Это тебе за лазерный прицел, сволочь... и за помятую крышу.

— Какую крышу?

Лена засмеялась и скомандовала Инне, которая пока так и не проронила ни слова:

— А тебе что, дважды надо повторять? Садись рядом с ним, живо!

Когда оба пленника оказались у стены, Лена как-то резко потеряла свой запал. Негромко сказала:

— Давай теперь ты, Катран... допрашивай. Не женское это дело.

Валентин откашлялся. Как только враги оказались беспомощными, орать или угрожать сразу стало труднее.

Он подтянул к себе крутящееся офисное кресло, еще теплое от сидевшей на нем Инны, уселся — по-прежнему держа пистолет наготове, и сказал:

— Нам надо получить ответы на вопросы. На все вопросы.

— Сорок два, — сказал Вадим Эдуардович, неожиданно улыбнувшись.

— Что? — растерялся Валентин.

— Если надо ответ на все вопросы, то ответ — сорок два. Извините, это шутка такая. Из одной книжки.

— Ответ не принят, — сказал Валентин. — Потому что вопросы еще не заданы. Вопрос первый — кто ты такой?

— Вадим Эдуардович Решетов. Сорок два года... извините, но действительно — сорок два. Разведен, взрослая дочь живет отдельно.

— Хочешь сказать, что ты — человек?

— Конечно.

— А если я слегка тебя порежу? Какого цвета будет кровь?

— В столе у Инны должен быть ножик, царапай, — предложил Решетов. — Только не глубоко, ладно? Кровь у меня красная, и ее не больше, чем у любого другого человека.

— Кто ты?

— Вам полную биографию? — странно, но Решетов, похоже, ничуть не был испуган. Или очень хорошо это скрывал. — Ладно, ладно, не буду паясничать. Служил государству... не важно, где и как. Вышел на пенсию. Открыл агентство «Звездный час».

— Он не врет, агентство открыто на его имя, — подтвердила Лена. — Но я полагала, что он подставное лицо.

— О нет. Ничуть. — Решетов покачал головой. — Вы все время все усложняете, Елена. А жизнь в общем-то простая штука... Я открыл агентство. Занимались чем попало... у нас спектр деятельности большой: и подбор персонала, и его проверка, и частые расследования... Все шло ни шатко ни валко. Инночка у меня работала с первого дня. Было еще шесть человек... и десяток на договорах. А потом пришел клиент — тот, который сейчас остывает в коридоре. И за двадцать секунд доказал мне, что он — инопланетянин. Смешно, да? Никаких проблем контакта не возникло. Входит громила, говорит, что у него ко мне дело. Я полагал, что хочет устроиться охранником... А он раз-два и начинает менять внешность. Был мужик — стала баба. Была баба — стал пацан. Был пацан — стал старик. Будто из киселя — перетекает из формы в форму, только одежда то по швам трещит, то сползает. Я глазами похлопал, а он возвращается в начальный облик и мило так сообщает, что прибыл из другого, далекого мира. Что его не надо бояться, он не агрессивнее обычного человека, что никакого зла Земле не желает... и вообще Земля от них так далеко, и настолько отстала, что интерес к нам у них исключительно философский и культурный... Я, дурак, начал лепетать про контакт, про ту честь, которая мне оказана, что сейчас же позвоню старым друзьям и свяжу его с компетентными органами... Он улыбается — не надо, мол. Не нужен ему контакт. Не нужны ему правительства и спецслужбы. Он хочет вести на Земле маленький бизнес в рамках земного законодательства. А мне предлагает стать партнером. Только бизнес — и ничего более.

— Бизнес? — Валентин саркастически улыбнулся. — Похищать людей — бизнес?

— Кого похищать? — Вадим Эдуардович приподнял бровь. — Простите, Валентин... или как вас лучше звать — Катран? Кого похитили?

— Меня. Лену.

— Позвольте-позвольте! — Вадим Эдуардович попытался было красноречиво махнуть рукой, но Лена приподняла пистолет, и он послушно заложил руку обратно за голову. — И вы, и Елена, и все остальные игроки сами пришли в агентство. Им было честно сказано, что речь идет о реальном перемещении в реальный космос их копии. Все пилоты, заметьте, совершеннолетние люди, находящиеся в здравом уме и трезвой памяти...

— Лично я был подвыпивший, — заметил Валентин.

— Серьезный довод, — кивнул Решетов. — Вы были неадекватны? Не понимали, что происходит?

— Нет, но я легкомысленно отнесся... — Валентин запнулся, сообразив, что уже не задает вопросы, а отвечает на них. — Не отвлекайтесь. Итак, вы утверждаете, что не делали ничего противозаконного?

— Назовите закон, который я нарушил.

— Наем в иностранную армию.

— Честно говоря, не знаю, есть ли у нас такой закон. — Решетов улыбнулся. — Но я в армию не нанимал. Я нанимал в игру. Если там люди решают воевать — при чем тут я? Хозяин турагентства, у которого купили путевку в Шри-Ланку, не отвечает за то, что турист решил присоединиться к каким-нибудь «Тиграм освобождения Тамил-Илама».

— Это казуистика.

— Отнюдь! — Вадим Эдуардович улыбнулся. — Это юриспруденция. Мы никого не обманываем. Мы никого не вербуем в армию. Мы предоставляем игрокам то, чего они как раз и хотят — настоящих приключений в настоящем космосе. Да, я вел дела с инопланетянином. Но это были именно дела.

— А как насчет стрельбы по моим окнам? Угроз другим игрокам, которые в чем-то начали разбираться? Погони за нами?

— Да, мы немного перестарались. — Решетов кивнул. — Признаю. Но ведь мы реально никого не убили, да и не пытались! Никто не пострадал! Мы всего лишь хотели обезопасить свой бизнес от шантажа.

— От шантажа?

— Ну да. Вы спросите свою подругу, о чем она в свое время договаривалась с другим пилотом! Потребовать с нас по миллиону фунтов каждому, угрожая в противном случае сообщить о нас в газеты. Да... мы приняли некоторые меры, намекнули, что с нами шантаж не пройдет... но и не более того!

Валентин посмотрел на Лену.

Та молчала.

И это было ответом.

— Но теперь у вас на руках труп, — сказал Валентин. — Верно?

— Верно. Кто-то из игроков, вероятно. Документов при нем не было, только оружие, но я почти не сомневаюсь. Вот только заметьте — этот человек пришел сюда, достал пистолет и выстрелил в охранника... в того, кого считал охранником. Убил. Не рассчитал только того, что его противник — не человек, что он выстрелит в ответ, даже будучи смертельно раненным. Кто в этой ситуации преступник? А кто жертва?

— Можно опустить руки? — внезапно спросила Инна. — Затекли... если хотите, можете их связать. Но я уже не могу так...

— Опустите, — разрешил Валентин.

Инна со вздохом опустила руки, стала их разминать. Решетов молчал. Лена крутила в руках пистолет.

— Как все устроено? — спросил Валентин. — Как вы их... нас... отправляете? И как им вернуться?

— В этом офисе почти все комнаты заполнены большими черными контейнерами, — любезно сказал Решетов. — Некоторые гудят, некоторые трещат, некоторые вибрируют. Часть связана между собой кабелями. Некоторые стоят сами по себе. Мы знаем, как запускать установку. Но как она работает — это вопросы... к покойному. Согласно контракту, по истечении трех лет желающие пилоты могут вернуться. Не в физическом теле, конечно, а пройдя через подобное устройство на станции. Их сознание после этого сольется с сознанием человека, оставшегося на Земле. Не знаю, правда, как все будет теперь. Включится ли устройство. Господин Богомоллов был единственным известным мне инопланетянином...

— Богомоллов? — Валентин поморщился. — Насколько я могу судить, покойный был весьма ироничен...

— Возможно, и так, — легко согласился Решетов. — Мне тоже приходило в голову, что его фамилия отражала не религиозную сторону жизни... а, скорее, указывала на сходство с этим любопытным насекомым.

— Жуки, — сказала вдруг Лена. — Тьфу... да они же и построили Плюшку! И вербовали на нее людей. И сражались с ними. Но зачем?

— Не могу знать, — сказал Решетов. — Богомоллов никогда не отвечал на эти вопросы. Либо отшучивался, либо просто уводил разговор в сторону. Но я согласен, скорее всего эти самые жуки и построили станцию. Вначале я полагал, что людей и впрямь вербуют в качестве наемников — обороняться от кого-то. Потом заподозрил, что жуки стоят за всем этим, а мы для них — некие спарринг-партнеры, с которыми удобно воевать, оттачивая мастерство. Но вся беда в том, что мы неровня. Зазывать людей

на станцию и сражаться с ними — все равно что вызвать группу малышей на бой подушками. Наша реальная ценность как наемников или спарринг-партнеров ничтожна... А можно и мне опустить руки?

— Нет, тебе нельзя, — ответил Валентин. — Ничего личного, но нельзя... Что еще ты знаешь?

— Реально — больше ничего. Кстати, я и сам нахожусь на станции... точнее — мой двойник. Мы с ним регулярно общаемся. Помимо деталей местного быта, которые вас вряд ли интересуют, ничего интересного он рассказать не может. Все именно так, как в игре. Люди летают, строят, добывают, воюют. Обычно между собой. Иногда — с жуками. Все довольно интересно, но совершенно непонятно.

— И ты на станции? — спросил Валентин Инну. Та кивнула.

— Весь наш персонал там. Они составили администрацию станции, — сказал Решетов. — Нельзя же было отправлять туда совершенно неподготовленных людей.

Лена неожиданно рассмеялась:

— Какая прелесть! Как все, оказывается, просто! Мы ломаем себе головы — кто и зачем все это делает. А вы ничуть не обеспокоены глупыми вопросами. Вы делаете бизнес! Зарабатываете деньги!

— Да, — спокойно ответил Решетов. — Зарабатываем деньги. Предоставляя взамен людям ценнейший в мире товар — азарт, приключения, радость жизни. Но если уж вам так хочется найти некий высший смысл... Знаете, чем мне платил господин Богомоллов?

— Золотом? — предположила Лена. — Драгоценными камнями?

— Фу, как банально! Информацией, Елена. Идеями. Техническими решениями, не имеющими аналогов на Земле. Есть у нас в конторе паренек, в игре его зовут Бледный Лис. Хороший умный мальчик. Так вот, с точки зрения патентного бюро, он — разносторонний технический гений. У него уже сорок патентов... якобы им придуманных. Половина — ерунда, но это специально, для маскировки. Но восемь этих патентов закрыты, потому что их можно использовать... скажем так — не только в мирных целях. Я одного боюсь: парня все настойчивее зовут в секретные лаборатории.

— Они еще остались? — фыркнула Лена.

— Есть маленько. Да ладно, что там военные разработки... мы уже специально такие вещи не патентуем, чтобы внимания не привлекать. Как вам застежка, которая удобнее молнии, дешевле пуговиц и проще «репейника»? Жалко, что завод строят у себя японцы, потом у них же и станем покупать... А мыльные пузыри, которые настолько прочны, что ими

можно пару часов в футбол играть? А устройство, которое делает обычную воду черной, сохраняя все ее физические, химические, органолептические качества неизменными? Знаете, сколько за такую установку готовы отдать производители алкоголя? А дизайнеры? А оптики? Кстати, про оптику... технология прозрачного металла — интересно? Но это мы и озвучить боимся, нас всех под замок посадят... не пришло еще время.

— Выходит, вы ко всему еще и патриоты, — сказал Валентин. — Пытаетесь Родину вперед планеты всей вывести.

— Что вы, Валентин. Если бы! Вы что же, думаете, только мы в контакте с цивилизацией господина Богомолова? Вы думаете, аналогичные игры в США, в Германии, в Японии, в Китае — это просто игры? У них больше двадцати вербовочных пунктов на Земле!

— Но ведь там, на Плюшке, нет никого... — пробормотала Лена.

— Вселенная большая. Есть другие игры. Другие станции. Другие корабли. Другие противники. Но суть — та же самая.

— Но зачем? Неужели вам не интересно? — выпалил Валентин.

— Что, играет профессиональное любопытство? А вот сейчас я вам сделаю предложение, от которого вы не сможете отказаться. — Решетов широко улыбнулся. — Сами понимаете, для нас крайне опасно, если вы будете распространять информацию налево и направо. И это может нас вынудить... на очень нежелательные меры. В то же время вы убедились, надеюсь, что мы не злодеи, не обманщики, даже не беспринципные... не совсем уж беспринципные бизнесмены. Так присоединяйтесь к нам!

Лена присвистнула.

— Я оформляю вас на работу, — сказал Решетов. — Аппаратура со смертью Богомолова работать не перестала, я проверял. Значит, и мы продолжим работать. Надеюсь, к нам приедет другой эмиссар... они довольно спокойно относятся к смерти, их гибель одного посланца не шокирует. Будем работать! Будем удовлетворять желания игроков. Будем способствовать прогрессу человечества в целом и нашей страны в частности. Возможно, сумеем понять, что все-таки движет этими существами. А там начнут возвращаться наши посланники... все расскажут лично.

— Это очень неожиданно, — сказал Валентин. — И довольно заманчиво, не скрою. Но какие у нас основания вам доверять?

— А вот такие. — Решетов внезапно резко выбросил вперед руку, которую до сих пор послушно держал за головой.

В руке был пистолет. Такой же, как тот, что держал — давно уже отведя ствол в сторону — Валентин.

— Это вибробластер, — сказал Решетов. — Он настроен на широкий луч и с такого расстояния мгновенно раздробит вам кости и перемешает все внутренние органы в кашу. И не пытайтесь меня опередить. Вы не профессионалы. В отличие от меня.

Несколько секунд все молчали.

Инна закрыла глаза, сильно, до морщин, сжав веки. Валентин вяло подумал, что ей не хочется еще раз наблюдать, как убивает вибробластер.

— А теперь, — сказал Решетов, — внимание. Самая неожиданная часть программы. Я опускаю свой бластер и аккуратно кладу его на пол.

Валентин и Лена как зачарованные следили за его движениями. Положив пистолет, Решетов снова демонстративно заложил руки за голову. И спросил:

— Вам достаточно такой демонстрации добрых намерений?

— Знаешь, Катран, — тихо сказала Лена, — мне кажется, что он нас переиграл. Ты как хочешь, а я... я принимаю его предложение. Не сердись.

Она заткнула свой пистолет за пояс.

Валентин глубоко вздохнул. Встал. Положил вибробластер мертвого чужого на стол. Развел руками.

— Ну и слава Богу, — сказал Решетов. — Будем считать, что вы в штате. Кстати, глянули бы на паренька... может, это ваш знакомый?

Валентин и Лена обменялись взглядами. У обоих мгновенно мелькнула одна и та же мысль.

— Не мог Олег нас опередить, никак! — воскликнула Лена.

— А он вообще был на кухне, когда мы уходили? — спросил Валентин.

— Но зачем ему... — начала Лена. Бросилась к неподвижному свертку, развернула штору, всмотрелась в бледное, слегка одутловатое лицо. Покачала головой: — Нет... не знаю. Молодой парнишка. Интеллигентный такой... ботаник типичный.

Валентин глянул — и тоже покачал головой.

— Значит, кто-то из игроков, — вздохнул Решетов. — Жаль парня.

Валентин кивнул и отвел глаза. Почему-то ему показалось, что этот юноша должен уметь играть на скрипке.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ, в которой нас отпускают — и мы узнаем для чего

— Это было самое мудрое решение, к которому только могли прийти ваши двойники, — сказал Вадим Эдуардович.

Мы снова были в зале под прозрачным куполом. Тем же составом, только Бледный Лис отсутствовал. Вадим Эдуардович только что закончил долгий рассказ — про то, как на Земле мы пришли к взаимопониманию, «можно сказать — добились консенсуса», и теперь будем работать вместе.

— Сами понимаете, что и на Плюшке вы теперь не рядовые пилоты, а члены администрации. Те, кто знает чуть больше остальных... чуть — потому что всей правды, к сожалению, не знает никто из нас. Можете оставаться на станции. Можете присоединиться к группе Бледного Лиса — их всего трое, а нам нужны оперативные агенты для улаживания кризисных ситуаций с кланами.

— Заманчиво, — сказала Лена, то ли насмешливо, то ли всерьез. — Нет, правда, очень заманчиво. А на спецснабжение поставите?

— Ты о чем? — мрачно спросила Инна. Нижняя губа у нее была заклеена широкой полоской пластыря. Кажется, ее не особо радовало, что из категории врагов и заключенных мы вдруг переместились в разряд союзников и друзей.

— Ну, сигареты... бухло иногда нормальное... вина хочется выпить. А еще я хочу котенка!

— Да нет никакого особого снабжения для администрации! — резко ответила Инна. — Это все пилотские бредни! Корабль — дадим получше. Зарплата будет хорошая. Но...

— Инна... — Вадим Эдуардович положил руку ей на плечо. — Не заводись. Спецпайков у нас нет, конечно. Любая система начинает разлагаться, когда вводит необоснованные нефинансовые блага для руководства. Но Катран с Водилой и впрямь много чего хорошего сделали для всех нас. Опять же на Земле они теперь с нами... Посылки мы с тобой получаем... от самих себя?

— Получаем, — призналась Инна.

— Ну так? Будет Водиле котенок. И с табаком улучшим ситуацию. Мы, конечно, специально это все ограничиваем, нечего пилотский состав травить. Передать груз с Земли — невелика проблема.

— Еще надо решать проблемы с половой диспропорцией, — сказала

Лена. — Женщин надо больше. И ученых на Эдеме поддержать, вдруг чего-то у них получится.

— Тут, боюсь, все не так просто, — сказал Вадим Эдуардович. — Чужие нас предупредили сразу, что возможности размножаться не будет. Не запретили, а поставили перед фактом. Может быть, не хотят конкурентов под боком разводить...

— Да какие мы им конкуренты! — махнула рукой Инна. — Давно понятно, что они стерилизовали эту часть галактики. Каким-то своим методом. Именно, чтобы конкуренты не мешали. Вот им и пришлось за нами переть через триста с лишним парсеков.

— Так зачем мы им? — спросил я.

— Спроси чего полегче, — ответила Инна. — Из того хмыря на Земле это вытянуть не удалось. А здесь и спросить некого. На Плюшке их либо нет, либо таятся.

— Вряд ли, — поморщился Вадим Эдуардович. — Анализы крови берутся у каждого. Уж отличить человеческую кровь от жучиной мы бы смогли. Другой вопрос, что внутри Плюшки до сих пор куча мест, куда мы не заходили. Какие-то технические отсеки, ходы между ними... можно роту спрятать.

Я сидел, смотрел на этого человека — действительно приятного, неглупого, вроде как и не злого... при этом вырубившего меня одним ударом. И, наверное, без колебаний выбросившего бы в открытый космос — если бы на Земле мы с ним не столкнулись.

Злюсь я на него?

Да нет, пожалуй. Вроде как логика в его словах есть. Насильно никого никуда не волок, всех честно предупреждал... да и сам отправился в тот же самый космос. Сказать, чтобы тирания на Плюшке была — так нет ее. И этот рассказ про внеземные технологии, которые они потихоньку внедряют на Земле, тоже ведь благое дело.

То, что правду пилотам не говорят?

А какую именно? Не так уж и много они скрывают. По сути — лишь свою принадлежность к агентству «Звездный час». По поводу пришельцев, их планов — сами ничего не знают.

И все-таки мне что-то не нравилось. То ли его готовность следовать чужим правилам игры. То ли то, как легко он перешел от мудрого примирителя к злейшему врагу, а от злейшего врага — к доброму другу. Когда человек так легко меняет маски — это всегда настораживает. Кто знает, сколько их еще у него в запасе?

— Переселитесь в административную зону? — поинтересовался

Вадим Эдуардович, проницательно глядя на меня.

— Давайте не сразу, — ответил я. — Как-то все... чересчур быстро. Скажите, а экспедицию к Земле мы организуем?

— Вот это больной вопрос. — Вадим Эдуардович поморщился. — Это хорошо, что мы теперь знаем, где Земля. Лишний козырь в рукаве не помешает. Но как отреагируют сородичи господина Богомолова на такой поступок? Они четко объяснили, что им нужно. Прямой контакт, тем более переход Земли в разряд космических цивилизаций их вряд ли порадует. А существа, способные оставить... или даже забыть на подаренной нам станции чертежи гасильника, что для них Земля? Пусть даже Земля вместе с Плюшкой и всем нашим флотом.

Это было правильно. Это было логично. Я кивнул, всем своим видом показывая, что смиряюсь, хоть и огорчен.

На руке Вадима Эдуардовича пискнул комм. И тут же ему откликнулся комм Инны.

— Прошу прощения, вы еще не в списках администрации, — улыбнулся Вадим Эдуардович. Поднял руку. — Да?

— Вадим, у нас тут... проблема нарисовалась. — Голос был смутно знакомым, опять кто-то из администрации.

— Жуки?

— Если бы... «Прайм» Ищущих в сопровождении десятка мелких кораблей вышел на орбиту вокруг солнца.

— Какого солнца?

— Да не Земного, конечно, нашего...

— Близкая орбита?

— Меньше трети астрономической единицы. Порхает над фотосферой, можно так сказать...

— Почему пропустили?! — заорал Вадим Эдуардович. — Как?

— Они вышли из четвертой зоны гиперперехода. Причем в тот момент, когда от Плюшки ее закрывало солнце. Нам надо было загнать пару кораблей над плоскостью эклиптики, тогда бы мы все контролировали. Вот... не хватило мозгов. Виноваты.

— Что они хотят? — уже спокойнее спросил Вадим Эдуардович.

— Переговоров. Причем вести их готовы только с Катраном и Водилой.

— Ясно. Потяни чуток. — Вадим Эдуардович опустил руку. Посмотрел на нас с тоскливой задумчивостью. Спросил: — Слушайте, мы вроде как уже этот этап миновали... но скажите честно, милые вы мои... Вы не Ищущие? Вы не их агенты?

— Когда бы я успел? — зло ответил я.

— А ты, Ленок?

— Что я, похожа на дурочку, которая считает весь этот мир виртуальностью? — вопросом ответила Лена.

— Да нет. — Он поморщился. — Нет, конечно. Но у них ведь, как оказалось, разные люди собрались. Кто на виртуальности помешался, а кто просто — хочет устроить большой «бабах» и всем показать, какие мы, люди, крутые...

— Вадим Эдуардович, я же одного из них пристрелила, когда они на Плюшку напали, — сказала Лена. — Понимаю, в какой-нибудь спецслужбе могли бы и на такое пойти. Но я, как по-вашему, способна шлепнуть человека только для того, чтобы запудрить всем мозги? А Ищущие с этим готовы были бы смириться? Их всего-то — пара сотен человек.

Вадим Эдуардович кивнул. Пожевал губами.

— Что ж, давайте рискнем. Отправитесь к Ищущим? Как парламентареры от лица всей Плюшки?

— Какова наша задача?

Вадим Эдуардович развел руками.

— Задача... да кто его знает? Если у них уже готов гасильник — то уговорить их не пускать его в ход. Наобещать чего угодно... желательно — того, что мы сможем выполнить. Чего-нибудь рассказать... можно и правду... дозированно. Правду всегда надо говорить дозированно, это плохо перевариваемый продукт, с непривычки человек и заболеть может...

— Про координаты Земли — не говорить? — явно на всякий случай спросила Лена.

— А вот хороший вопрос! — вдруг оживился Вадим Эдуардович. — Если никак иначе их отговорить не удастся — расскажи. Честно все расскажи. Пусть! Хотят — пусть летят к Земле. На свой страх и риск, конечно. Они же Землю любят, они Солнышко взрывать не станут. Зато на реакцию жуков можно будет посмотреть.

Лена хмыкнула:

— Да уж... Нет, я постараюсь обойтись.

— Ты, главное, объясни, что мы им не враги. Мы просто не сторонники резких и необратимых действий! — с чувством произнес Вадим Эдуардович. — И вообще, убеди их прилететь для переговоров на Плюшку. Или меня принять. Одного! Возьму старую «Сильвану», сниму с нее оружие и полечу к ним. Если вдруг у них ко мне какой старый счет... ну так долбанут, и все дела. Тут дело не в амбициях, не в отдельных наших жизнях — слишком многое на карту поставлено!

— Мы постараемся, — сказала Лена. Я почувствовал, что она тронута. Да и я, честно говоря, был слегка растроган.

— Инна, — Вадим Эдуардович бросил мимолетный взгляд на комм, — я думаю, полчаса ничего не решат... Отведи Катрана с Водилой в лабораторию. Пусть им поставят «Форсаж».

— Зачем? — явно удивилась Инна.

— Надо, — твердо сказал Вадим Эдуардович. — Имея дело с фанатиками, стоит использовать все козыри.

— Что такое «Форсаж»? — спросил я.

— Это биомодуль. — Лена поморщилась. — Личный биомодуль... его вводят в организм, и он там живет некоторое время. Потом растворяется. Технология не отработана до конца... пока...

— Вполне отработана. Вы сможете в случае необходимости выжать из кораблей гораздо больше, чем от вас ожидают, — пояснил Вадим Эдуардович. — Ускорение корабля ограничивается не столько мощностью двигателя, сколько гравикомпенсатором. С введенным в тело «Форсажем» вы сможете жить и пилотировать при перегрузках до тридцати g.

— Ох и напилотирую я, когда меня начнет кидать от стены к стене, — сказал я.

— Хорошо, что напомнил, — кивнул Вадим Эдуардович. — Я немедленно пошлю техников, чтобы на ваши кресла установили ремни безопасности. Без них, разумеется, «Форсаж» не имеет смысла.

Я пожал плечами. Мне вовсе не улыбалась перспектива стать подопытным кроликом, но спорить я не стал.

Вслед за Инной мы прошли несколько коридоров и оказались в лаборатории. Довольно обычно выглядывшее помещение, в любом захудалом научном институте таких десятки. Лабораторные столы, микроскопы, компьютеры, контейнеры и шкафы с непонятными устройствами... Людей не было.

— Здесь работают экзобиологи, — пояснила Инна. — «Форсаж» создан на основе жучиных технологий...

— У меня не будет на него аллергии? — попытался я пошутить.

— Главное, чтобы у *него* на тебя аллергии не было, — серьезно ответила Инна.

Она открыла контейнер, из которого повалили клубы белого пара. Длинными щипцами достала оттуда что-то...

— Только не говори, что эта дрянь залезет мне в пупок, — взмолился я.

Модуль «Форсаж» походил на какое-то скорпионообразное насекомое,

длиной сантиметров десять, отлитое из сверкающего как хром и пластичного как ртуть металла.

— И не надейся, — усмехнулась Инна. — «Форсаж» садится тебе на загривок и пускает щупы в позвоночный столб.

«Форсаж» слегка изогнулся в пинцете.

— Снимай рубашку, — велела Инна. — Он оттаивает, ему нужен носитель.

— Какой-то дурной фильм ужасов, — пробормотал я, снимая рубашку. — Лена, а эту штуку и впрямь уже использовали? Она не превратит меня в жука? Не высосет мой мозг? Не заставит кусаться и ползать по потолку?

— Да нет, это именно он и есть, — сказала Лена с несчастным видом. — Только защита от перегрузок... но выглядит омерзительно!

Но по крайней мере больно действительно не было. Только чуть-чуть щекотно.

Я дождался, пока Инна пошла за вторым «скорпионом», после чего поднял руки, оскалился и громким басом воскликнул:

— Жалкие людишки! Теперь у меня есть тело — и я вас всех сожру!

Инна взвизгнула и уронила пинцет.

— Что, страшно? — злорадно спросил я. — А ты представь, как мне было страшно!

«Прайм» был укутан коконом силовых полей. Огромный корабль больше всего напоминал звездолеты из фантастических фильмов и книг — длинный, вытянутый, обтекаемый корпус с массивными опорами впереди и сзади, с двумя мощными двигателями в хвостовой части — одновременно они служили дополнительными опорами. И все равно вес корабля был таким, что на обычный грунт его сажать было нельзя, только на скальные породы.

Вокруг «Прайма» барражировали корабли поменьше. Впрочем, обтекаемый, похожий на металлическую рыбину «Гиперион» немногим ему уступал. Как глупо, что в каждом таком корабле, с просторными жилыми отсеками, летает всего лишь один пилот...

Мы пристыковались к «Прайму» одновременно — у самого большого человеческого корабля было два стыковочных узла. При нашем приближении силовые поля на миг отключились — и снова вспыхнули, когда корабли соединились. Ищущие явно опасались атаки.

Я отстегнул ремни, потрогал спину — между лопатками едва угадывался «Форсаж». Устройство было теплым и на ощупь почти не

отличалось от кожи. Для чего все-таки нам его подсадили? Как-то не верилось мне в версию Вадима Эдуардовича. Но Ленка уверена, что это модуль защиты от перегрузок и ничего более...

Неожиданность ждала меня, едва я вышел в шлюзовой отсек «Прайма».

Там стоял широко улыбающийся Зяма. А рядом с ним — старичок Генерал и белобрысый парень по прозвищу Хорь.

— Ого, — сказал я. — А как же принцип «один корабль — один пилот»?

— А ну его, этот принцип, — весело сказал Зяма.

— Мы же не в игры играем, — хихикнул Генерал.

Открылся второй люк и вошла Лена. А ведь пристыковалась раньше меня! Женщины всегда запаздывают.

— Надеюсь, вы с собой группу вооруженных десантников не прихватили? — поинтересовался Генерал.

— Нет, — сказала Лена. — Мы парламентареры, прибыли на переговоры. Все, как договаривались.

— Хорь, проверь, — велел Зяма. — Отсеки «Мурены» и «Феникса» знаешь?

— Да уж летал... — буркнул Хорь. — Пусть снимут идентификацию, а то меня корабль не пустит...

— Каспер, снимаю идентификацию, — громко сказала Лена.

— Чего? — засмеялся Зяма.

— Я зову свой корабль Каспером, — четко ответила Лена. — Понятно? Я же не иронизирую, что кое-кто летает с плюшевым мишкой на пульте!

Зяма мгновенно заткнулся.

— Корабль, снимаю идентификацию, — неловко сказал я. Мне почему-то стало неловко, что я так и не назвал свой корабль. — Этого хватит?

— Хватит, он тебя услышал, — успокоила Лена. Хорь, не таясь, достал вибробластер и нырнул в люк, ведущий к Ленкиной «Мурене».

— Вы извините, — сказал Зяма. — Но для порядка...

— Никаких проблем, — ответила Лена.

Мы терпеливо ждали, пока Хорь вернулся и отправился обследовать мой корабль.

— Хорь обожает лазить по чужим курятникам, — неуклюже пошутил Зяма.

Я натужно улыбнулся.

— Порядок. — Хорь вернулся из моего «Феникса».

— Что так долго? — поинтересовался Генерал.

— Да отлить потребовалось, — ухмыльнулся парень.

Зяма неодобрительно покачал головой.

— Пошли в рубку, гаврики. Оружия-то не захватили?

— Пистолет у меня с собой, — ответила Лена.

— Ладно, я тебе доверяю, — великодушно разрешил Зяма.

Внутри «Прайм» казался еще просторнее — наверное, за счет грамотной планировки. Мы прошли по нижнему ярусу — мимо оружейных отсеков, где за решетчатыми стенами дремали в держателях сигары ракет и утыканные антеннами шары, карикатурно похожие на древние морские мины, мимо помещений с гудящими генераторами, по дугообразному коридору вокруг вырастающего из пола металлического конуса, диаметром метров пять у основания. Конус был покрыт изморозью, от него тянуло холодом.

— Главный калибр, — небрежно, явно рисуясь, бросил Зяма.

— А чего не в рабочем цикле? — так же небрежно поинтересовалась Лена.

Генерал хихикнул, Зяма смутился:

— Всю энергию дали на щиты.

Поднявшись по лесенке, мы вышли на ярус выше — тут, кажется, были жилые каюты. И они не пустовали. Из-за каких-то дверей слышался шум, голоса, из-за других тянуло запахами еды.

— Так вот как вы эвакуировались с Нигредо, — задумчиво сказала Лена. — Вы давно готовились сажать на корабль не одного пилота, а целую команду...

Генерал наставительно произнес:

— В военном деле, дорогая, самое главное — сломать стереотипы. Помнится, приехали американцы с инспекцией, осматривали наши ракеты. И говорят: «По нашему мнению, данная ракета может нести одну боеголовку мощностью до двадцати мегатонн». Мы-то, конечно, киваем, а про себя улыбаемся — там сорок мегатонн внутри...

— Тебя послушать, дед, так удивительно, что мы холодную войну проиграли, — буркнул Зяма.

— Потому и проиграли, что она холодная была, — обиделся Генерал.

— Конечно, дай вам волю, вы бы весь мир...

— Мы-то мир охраняли, а вот вы...

— О боже, даже здесь мужики умудряются говорить о политике! — простонала Лена. — Да вы в своем уме, вояки? Мы болтаемся в инопланетном корабле над хрен знает какой звездой, в трехстах тридцати

парсеках от Земли, а вы все о том же! Еще о футболе поговорите!

— Кстати, — оживился Зиновий. — Катран, я что-то в суматохе все забываю спросить, как «Зенит» с «Рубином» сыграли на прошлой неделе?

— Продул два—ноль, — злорадно сказал я.

— Черт...

— А вот ты невнимательный, Зяма, — неожиданно сказал Генерал. — И с какой стати тебя Мастером называть, если ее слова тебе в одно ухо влетели, просвистели в пустоте черепной коробки и в другое ухо вылетели?

— А чего? — насторожился Зяма, останавливаясь у двери в торце коридора.

— Триста тридцать парсеков. Тебя не удивляет, что Водила так точно знает расстояние до Земли?

Я укоризненно посмотрел на Лену. Та отвела глаза.

— Может, ты и направление знаешь? — поинтересовался Генерал.

— Может, и знаю, — буркнула Лена, явно переживающая свою оплошность. — Ну что, будем в коридоре стоять или войдем?

— Войдем, — задумчиво сказал Зяма. — Войдем...

Рубка «Прайма» вполне отвечала размерам самого корабля. Она была двухуровневой — возвышение с главным пультом и несколькими креслами перед ним (в одном сидел Роман, остальные были пусты), дальше четыре ступеньки вниз — и еще большее пространство перед экраном на всю стену. Изначально, видимо, это пространство было пустым. Но сейчас там стояли грубовато выглядящие пульта с экранами, перед ними кресла, в креслах — люди.

— Это еще что? — поразились Лена.

— А это, — довольным голосом сказал Генерал, — результаты наших доработок. Мы поставили пять пультов, на которые перенесли часть функций управления кораблем — силовые щиты, оружейные установки, связь... Пилот за главным пультом теперь только управляет кораблем. Ему не надо отвлекаться на стрельбу, на поддержание защиты, на координацию эскадры. Здорово?

— Не то слово, — растерянно ответила Лена. Похоже, она и впрямь не ожидала увидеть «Прайм», превращенный в настоящий, с экипажем, космический дредноут.

А я как зачарованный смотрел на главный экран.

Под нами плыла звезда — местное солнце. Я видел его уже много раз, но не на таком экране и не так близко. Желтое огненное море, бушующие оранжевые и белые вихри, протуберанцы — тысячекилометровыми

фонтанами взмывающие с поверхности. Изображение, конечно, фильтровалось, было «пригашено», иначе глаза бы не выдержали.

— Засмотрелся, Катран? — весело сказал Роман. — Жаль будет такую красоту гасить, а?

— А смысл? — спросил я, отрываясь от экрана. — Собрали гасильник, проверить не терпится?

— Катран, ну ты же знаешь, чего мы хотим, — укоризненно сказал Роман. — Поломать гадам все их планы. Вынудить выйти на контакт. Выпустить нас отсюда. Когда солнышко над Плюшкой погаснет, им поневоле придется это сделать.

— Или оставить всех нас умирать, а с Земли привезти новых пилотов на новую станцию у новой звезды! И уже не забывать чертежей гасильника.

— Но мы же им здесь зачем-то нужны?

— Роман, я не уверен, что слово «здесь» правильное, — сказал я. — Мы им нужны, и нужны «сейчас». А вот насчет «здесь» — возможны варианты.

Роман вздохнул.

— Катран, мы можем вести бесполезный спор. Но смысл? Мы позвали вас, чтобы вы передали на Плюшку... — Он заколебался.

— Ультиматум? — предположила Лена.

— Да нет, пожалуй... Не нужны нам никакие ультиматумы. Чтобы передали предупреждение. Звезда будет погашена нами через трое суток. Если чужие захотят связаться с нами — мы поговорим. Если какие-то корабли будут приближаться к нам — мы ударим по звезде раньше. Так что никаких...

— Рома, — Зиновий откашлялся, — тут такое дело... Водила, похоже, знает, где Земля.

Роман не удивился. Помолчал, пожевал губами. Потом сказал:

— Одно из двух. Либо на Плюшке придумали хитрый план, как нас отсюда удалить. Либо вы действительно знаете... Попробуй меня убедить? Допустим, я готов потратить на твой рассказ четверть часа...

— Слушай, Роман, — Лена подошла к нему и присела рядом в свободное кресло, — пока вы потрошили склад Ангелов Деймоса, из дальней точки гиперперехода вышел корабль. Он связался с Катраном по прямому лучу. Это был сам Катран — но только земной...

Лена уложилась в десять минут. К концу ее рассказа вокруг собрались все, кто был в рубке — и еще несколько человек подошло из других помещений. Лена рассказала все — и что администрация Плюшки с самого начала была в курсе, что игроков будут отправлять в космос. И что

инопланетяне, построившие Плюшку и наладившие переброску на нее пилотов, скорее всего и есть те самые жуки, с которыми мы временами воюем.

Роман внимательно слушал. Потом кивнул:

— Складно. Правдоподобно. Возможно. А теперь скажи, почему я должен тебе поверить?

Лена развела руками. Посмотрела на меня.

— Может, ты меня убедишь? — спросил Роман. — Катран?

— Знал бы как... — Я вдруг твердо понял, что одним словам Роман не поверит. И другим поверить не даст. Какая бы коллективная власть у них ни была, но сейчас Роман играет первую скрипку... — Скажи, можно ли превратить корабль типа «Мурена» или «Феникс» в брандер? Быстро превратить, за полчаса, а то и меньше?

— Во что, во что? — заволновался Зиновий. — В брандмауэр?

— Правильные книжки надо было в детстве читать, — сухо сказал ему Роман. — Катран, с чего такой вопрос?

— Администрация Плюшки задержала нас примерно на полчаса перед тем, как отправить к вам. И предлог... мне кажется надуманным.

Роман вскочил:

— Орда! Быстро в «Мурену», ты ее лучше знаешь! Проверь цепи «Крокера» на подключение дополнительных устройств! Хорь, ты в «Феникс», проверь его реактор!

Татарин и белобрысый парень пулей вылетели из рубки.

— Кто может вспомнить другой способ взорвать корабль? — спросил Роман. — Не вывести из строя, а взорвать? И такой, чтобы все можно было сделать за считанные минуты!

— Оружейные цепи. Перехватить управление, перегреть плазменные пушки и выстрелить при закрытых заслонках, — ответил кто-то. — Но это долго готовить.

— Нам нужны самые простые и быстрые пути, — повторил Роман.

— Тогда самое надежное — заряд взрывчатки на цепи охлаждения реактора. С часовым механизмом, — убежденно сказала невысокая полная женщина. — Там потребуется-то... сто граммов. Ну двести. И будильник. Если заранее собранного устройства нет, то я бы за четверть часа справилась, с гарантией... — Она закусила губу и тоскливо посмотрела на дверь рубки.

— Что будет, если взорвутся реакторы наших кораблей? — спросил я.

Роман посмотрел на меня как на идиота.

— Внутри включенных щитов «Прайма»? Ты даже ничего не

почувствуешь.

— Может, отключить щиты?

Роман засмеялся:

— Тогда все равно сдохнем, только успеем помучиться...

У него звякнул комм.

— Роман! — послышался голос Хоря. — В «Фениксе» к блоку охлаждения реактора эпоксидкой приклеена металлическая коробочка. На ней обратный отсчет... как в кино, ей-богу! — Он нервно засмеялся.

— В шлюз и отстреливай!

— Уже тащу. Пусть помогут... она не отклеивалась, я вместе с крышкой блока охлаждения ее пружина... тяжелая, сволочь... свинцовая, да? Сейчас выйду в шлюз... вы там не ссыте, пацаны, еще три с половиной минуты...

Несколько человек выбежало из рубки. Роман посмотрел на Генерала, спросил:

— Сколько он хватанул, дед?

— Ну, если не мешкал... — Генерал откашлялся. — Рентген сто, полагаю. Пока тащит, еще чуток хватанет. Ничего, жить будет, а дети нам так и так не светят...

Роман кивнул, поднес комм к лицу:

— Орда? Блок охлаждения реактора, ищи там!

— Я нашел, командир, — донеслось из комма. — Сними поля, пожалуйста. Стартовать буду.

— Орда!

— Командир, там меньше минуты на часиках. И снять нельзя, коробочка приклеена, я все ногти оборвал... Снимай поля, командир, не трать время.

— Снять щиты! — рявкнул Роман.

— Командир, скажи Машке, она дура, только я ее все равно люблю, — почти весело сказал Орда.

Корабль тряхнуло — это стартовала Ленкина «Мурена». Одновременно закричала пухленькая женщина, которая объясняла про взрывчатку. Ничего нельзя было разобрать, она просто голосила, лишь временами прорывалось «Анвар! Анвар!»

— Спасибо, командир. Встретимся... — донеслось уже не из комма, а по центральной связи.

А на экране стремительно удалялась от корабля «Мурена» — прямо к сияющему, плещущему плазменным океаном солнцу.

На фоне пылающей фотосферы звезды взрыв выглядел очень странно — будто развернулся и погас темный цветок. Потом — на мгновение —

защитные поля вокруг корабля набрали цвет, заискрились — и снова стали прозрачными.

— Если бы я раньше об этом подумал... — пробормотал я. — Если бы я раньше...

Роман медленно поднес ко рту комм. Спросил:

— Взрывчатку с «Феникса» отстрелили?

— Да, Роман, — ответили ему. — Дрейфует в сторону Плюшки... жаль, медленно... Что делать с «Фениксом»?

— Как «что»? У нас много лишних кораблей и пилотов? Проведите дезактивацию помещений, поставьте новую крышку на блок охлаждения... в каком порядке выполнять — сами догадаетесь!

Роман обвел всех тяжелым недобрый взглядом. Плачущую Машу увела другая женщина. Остальные толпились вокруг своего командира, будто надеялись услышать что-то важное, мгновенно снимающее все проблемы.

— Хотите вернуться на Плюшку? — не глядя на нас с Леной, спросил Роман.

— После этого? — Лена горько засмеялась. — Они нам найдут применение, пожалуй... Нет, Роман. Если позволишь — останусь. Вторым пилотом.

— Вторым не возьму, возьму третьим, — коротко ответил Роман. — Лучше иди к Катрану. Как-нибудь поделите «Феникс».

— Роман, — глядя на безучастно полыхающую звезду, сказал я, — Роман, долбани по ней. Потуши ее... пусть попляшут, гады... Роман, нельзя же так оставлять!

— Что, журналист, решил перо поменять на штык? — Роман тоже посмотрел на экран. Минуту размышлял. Потом вздохнул, пожал плечами. — Нет, Катран. Наверное, я был не прав. Наверное, это ничего не изменит. Пострадают те, кто просто живет... выживает здесь. Те, кто ни при чем. А эти... — Он снова дернул плечами. — Показывай карту! Где Солнце? Где наше Солнце?

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ, в которой мы все-таки делаем то, чего все ждали

Мы снялись с орбиты через три часа — ровно столько времени ушло на ремонт и дезактивацию моего «Феникса».

Все это время на связь с нами пыталась выйти Плюшка. И с «Праймом», и с моим «Фениксом», и с другими кораблями Ищущих. Они явно видели, что произошло, и теперь пытались понять, что именно нам известно.

Вначале на связь выходил кто-то незнакомый, явно из мелких сошек. Потом Инна. Потом Вадим Эдуардович. Тон менялся от вежливого до угрожающего. Ищущим предлагали переговоры. Интересовались судьбой парламентаров и требовали пригласить нас к передатчику. В какой-то момент даже тревожно поинтересовались причиной взрыва, который «засекли радары станции». После этого Роман долго и смачно, «в три этажа», выматерился.

Но на связь с Плюшкой мы так и не вышли.

В рубке «Прайма» мы стояли перед главным экраном (изображение звезды сменили на спокойную картину звездного неба) и прокладывали путь.

— Прыгнем сюда, к Голубому Щенку, — сказал Роман. — Огромная звезда... я однажды долетал до нее. Целый день болтался вокруг, любовался. Совершенно немыслимая, Солнце рядом с ней болталось бы как горошина... Там делать нечего, даже астероидов нет. Но — красиво... Потом прыгаем вот сюда. Назовем эту желтую звезду... пускай будет — Привал. Бог весть что за звездочка, но судя по спектральному классу — что-то солнцеподобное. Наверняка найдем планеты, ну или какой-нибудь мусор... диггерам все равно, в чем ковыряться. Нароботаем топлива...

— А если там не будет планет? — спросил Зиновий. — Рома, ты не забывай — нам встречались и солнцеподобные звезды без планет!

— Еще на один гиперпрыжок топлива хватит. В крайнем случае снарядим остатками топлива один корабль с диггером и синтезатором, отправим его еще в прыжок, и еще... — Роман отмахнулся. — Да не может нам так не повезти. Законы природы везде одинаковы, лишь у одной из десяти нормальных звезд нет планет... Потом двинемся так... и вот так... Где-то здесь надо будет разбить базу на более длительный срок. Где найдем кислородную планету — там и разобьем лагерь... пополним запасы

органики для синтезаторов пищи. На пути к Земле эту операцию придется повторить еще раза два-три. Думаю, весь путь займет несколько месяцев. Ну, если даже закладываться на аварии, на ремонт, на отдых, на стычки с жуками... или еще с кем... Полгода — край! И мы у Земли.

— Очень у тебя все гладко, — пробормотал Зяма. — Нет, хорошо бы так... А может... прихлопнем все-таки звездочку? Уходя — тушите свет!

— Не надо, Зиновий, — мягко сказал Роман. — Не надо. Ты же знаешь, мы все равно не собирались этого делать взаправду.

— Серьезно? — удивилась Лена.

— Абсолютно. Пытались взять чужих на испуг. К тому же и гасильник у нас всего один.

— Он что, одноразовый?

— Это ракета. Или бомба, как угодно. Она сбрасывается на звезду и взрывается в верхних слоях фотосферы. А вы думали, что гасильник — это такой луч смерти для звезды?

— Ничего мы не думали... — махнула рукой Лена. — Думать вообще вредно, от этого морщины на лбу...

Я-то понимал, о чем она сейчас думает. О своей «Мурене». Нельзя не тосковать по кораблю, когда он гибнет, а ты остаешься. Но гибель Орды лишила ее возможности хотя бы посокрушаться вслух, получить чье-то сочувствие — трудно ожидать, что твою маленькую трагедию примут всерьез, когда одновременно погиб человек, спасая всех нас.

Роман ответил на вызовы с Плюшки только один раз, когда тон Вадима Эдуардовича стал совсем уж просительным, а нам сообщили, что «Феникс» пригоден для полета. Роман нагнулся к пульту, что-то нажал и негромко произнес:

— Счастливо оставаться. Мы тут повесим у вашего солнышка бакен... вы к нему не приближайтесь, а то мало ли что.

И, прервав связь, сказал Зиновию:

— Прикажи запустить на орбиту вокруг звезды какую-нибудь бандуру. Бак с отходами вполне подойдет.

Зяма улыбнулся:

— А ребята уже изготовили. Сварили вместе два пустых баллона, со всех сторон натыкали стальных прутиков и радиопередатчик поставили, с питанием от солнечной батареи.

— И что он передает? — поинтересовался Роман.

— Тик-так, тик-так. — Зяма помахал рукой. — Мои часы записали.

— Красиво, — согласился Роман. — Ну что, по машинам? Встреча у Голубого Щенка.

И мы с Леной отправились в наш корабль. Теперь — один на двоих.

— А я сюда не долетала, — печально сказала Лена. — Надо же... совсем рядом, один прыжок, а я что-то так и не собралась. Думала: ну что тут делать? Звезда-гигант, ничего ценного, только море плазмы...

— Океан, — сказал я. — Море... это как-то скромно. Впрочем...

Мы стояли у обзорного экрана. Стояли, как-то непроизвольно обнявшись и молча глядя на бушующее... море? Океан? Да нет, все мелко, любой океан испарится как капля воды в пекле лесного пожара. Чистое голубое пламя — от горизонта и до горизонта, а ведь мы далеко от звезды, почти на том расстоянии, на котором Земля от Солнца, а все равно — нет ничего, кроме голубого огня, бурлящего, плещущего, облачками отрывающегося от поверхности и рассеивающегося в пространстве...

Лена вздохнула.

— Мне жаль твой корабль, — сказал я. — Очень жаль.

На миг ее плечо напряглось, потом она спросила:

— Я не очень большая сволочь, как думаешь? Что грущу о корабле?

— Нет, — твердо сказал я. — То, что Орда совершил подвиг, твоей грусти не отменяет.

— Угу... — Лена вздохнула. — На газовую горелку похоже. Хочешь поесть?

Я засмеялся — только женщина способна задать такой вопрос, глядя на звезду, внутрь которой влезла бы вся Солнечная система до орбиты Сатурна...

А потом с удивлением понял, что хочу.

— Давай. Я даже холодный борщ сожру. Мне на это смотреть жарко.

Лена пошла к синтезатору пищи. Я вернулся за пульт.

— Внимание эскадре, — послышался голос Романа. — Все корабли прошли через гиперпереход, все в порядке. Расчетное время старта к следующей точке — через двадцать минут. Идем в том же порядке. Первым «Гиперион», потом «Саламандры» и далее в порядке понижения класса. Я ухожу последним. Рекомендую проверить системы и минутку-другую полюбоваться звездой. — Он откашлялся и неожиданно сказал: — Я иногда специально сюда прилетаю, посмотреть... помолчать...

— Надо же, а Роман — романтик, — засмеялась Лена. — Так что, серьезно будешь ледяной борщ? Может, разогреть?

— Лена, а у нас точно девятнадцать кораблей? — спросил я, уставившись в экран. — Там из зоны гиперперехода...

— Жуки! — громко выкрикнул Роман. — Всем пилотам занять места! Приготовиться к бою!

Я увеличил изображение на экране. Ленка уже бросила возню с едой и пристегивалась в соседнем кресле.

Да, из точки гиперперехода вылезал жук. Точнее — мегажук. Вылезал неторопливо, по-хозяйски... отошел едва ли на пару километров, как следом за ним стали выскакивать мелкие корабли. Один за другим.

— Пять... восемь... двенадцать... — считала вслух Лена. — Ой, плохо дело.

— Совсем плохо, — сказал я, когда вслед за мелочью из точки гиперперехода полез еще один мегажук. — Тут есть еще где войти в гиперпространство?

— Судя по навигационному экрану... еще одна точка. Далеко. На другом конце системы, придется огибать Голубого Щенка. — Ленка покачала головой. — Боюсь, догонят. У нас есть медленные корабли.

— Оставить в заслон, — предложил я.

— Роман никогда на это не пойдет... Кто же их навел?

— А ты сомневаешься? — удивился я. — Наши несостоявшиеся друзья с Плюшки. Администрация.

— Думаешь, они — чужие?

— Да зачем? Предатель — категория человеческая. Немало найдется таких, кто ради личного удобства или амбиций продастся хоть жукам, хоть медузам...

Лена глянула на обзорный экран — и снова охнула.

— У нас большие проблемы, — сообщил Роман. — Из гипера лезет третий мегажук. Дураков нет? Надеюсь, нет. Всем — делай как я!

— А это значит, — вдавливая газ и дергая штурвал, произнес я, — делай ноги!

Нам повезло в том, что жуки не принялись наваливаться на нас сразу, по мере появления из гиперпространства. Они дождались, пока вылез третий мегажук, а за ним еще десяток мелких — и только после этого, разворачиваясь на ходу в боевой порядок, рванулись за нами. К тому моменту мы уже успели удалиться тысяч на двадцать километров и разрыв пока увеличивался.

Пока.

У нас были тяжелые и медленные корабли младших моделей. Гравитационные двигатели не тратили топлива на перелеты внутри системы, топливо нужно было только для гипердвигателей, но вот способности кораблей выводить избыточное тепло были ограниченными. Двигаясь на максимальной скорости, некоторые корабли поджаривались на ходу. А если еще учитывать жар голубого гиганта, над которым мы

скользили, то через полчаса ряд пилотов встанет перед выбором — сгореть заживо или заглушить двигатели и достаться жукам.

А Роман, словно обезумев, вел корабли прямо к Голубому Щенку!

— Что он делает? — воскликнула Лена. — Роман, что ты творишь? Мы сгорим!

— Делай как я! — рявкнул Роман.

Он все наращивал и наращивал ускорение. А за нами неслись, уже начиная сокращать дистанцию, корабли жуков.

— Сгорим, — убежденно сказала Лена. — Хотя... какая разница, в чем гореть?

— А мы можем... ну... теоретически... пройти сквозь звезду? — спросил я.

Голубой огонь, казалось, был везде. Очень хотелось отвернуть.

Очень.

— Делай как я! — повторил Роман. — Эй, Викинг, держись! Что ты отстаешь?

— Сгорим! — резанул уши панический крик. И стих — похоже, Роман отключил испугавшегося пилота от общей трансляции.

На экране я видел, как один из мелких кораблей тормозит, разворачивается — и движется навстречу жукам.

Не стреляя.

Наверное даже, он им что-то говорил. Пытался убедить, что его не надо трогать, что он хороший и послушный.

Даже не замедляя хода, два мегажука на миг скрестили на нем лазерные лучи.

И все. Корабль исчез. Испарился, облаком атомов закружился на орбите звезды...

Уж лучше в голубое огненное море...

— Делай как я! — снова сказал Роман. — Я не псих... доверьтесь мне...

Не знаю, поверил ли ему кто-то. Или просто решили, как и я, что смерть в лучах жуковых лазеров ничуть не лучше огня звезды.

— Жуки тормозят, — сказала Лена. — Испугались, гады...

— Я бы на их месте тоже затормозил, — сказал я. — Я тоже испугался бы. Да я и так боюсь.

На самом деле я уже и не боялся. Все как-то потеряло смысл.

Жизнь на Земле? Работа, беготня по редакциям, пьянки и недолгие интрижки?

Это все было смешным и ничего не значащим, перед надвигающейся

на нас огненной бесконечностью. Мы уже не шли по касательной, мы падали на звезду, все ускоряясь и ускоряясь, отвесно вниз...

— Внимание! — снова произнес Роман. — Всем сбросить ускорение. Держать курс. У кого есть чем пристегнуться — пристегнитесь. Я не знаю точно, как все это будет... но в рамках базовой модели...

— Он что-то выстрелил, — сказала Лена. — Катран! Он запустил в звезду гасильник!

— И что, мы врежемся в погасшее водородное облако? — спросил я. — Чудесно!

На ракете-гасильнике явно стояли хорошие двигатели. Она неслась все быстрее и быстрее, развивая какое-то немыслимое ускорение — все ближе и ближе к голубому пламени...

Потом на голубом вспыхнула алая точка. Вспыхнула и пропала.

— Не сработала, — сказал я.

Мы по-прежнему падали на звезду. Интересно, спасут ли нас модули «Форсаж», если мы попытаемся все-таки остановиться и уйти? Мы ведь уже почти у верхних слоев фотосферы, на передних щитах начинает ползти индикатор расхода энергии...

И в этот момент в той точке, куда вошел гасильник, возникла воронка. Ее можно было бы назвать водоворотом, если бы эта раскаленная плазма была водой... а так, наверное, это был плазмоворот.

Он расширялся с такой чудовищной скоростью, словно где-то в недрах звезды выдернули огромную, размером с наше солнце, пробку — и вся плазма стала куда-то сливаться. Поверхность звезды заколебалась, вздыбилась — разбегаясь чудовищными волнами вокруг увеличивающегося плазмоворота, сбрасывая в пространство лепестки огня размером с континенты, бурлящие шары размером с планеты, дробящиеся протуберанцы диаметром больше иной звезды.

— Хана жучкам... — сказала Лена, и я понял, что разваливающаяся звезда нашла-таки себе жертву.

А мы все стремительнее и стремительнее погружались в плазменную воронку, мы были уже глубоко внутри бывшей звезды, внутри пронзающего ее и расширяющегося туннеля, в вакууме, внезапно образовавшемся там, где только что шел термоядерный синтез, во внутренностях, в потрохах убитой звезды.

Щиты сейчас сжигали всю энергию, которую мог дать корабль. Стало душно — нам было некуда отводить собственное тепло, мы поджаривались на звездном гриле.

Но мы уже были где-то у самого центра звезды.

И в этот миг она развалилась окончательно.

Во все стороны брызнули голубые, стремительно темнеющие пласты плазмы. Они гасли — почти мгновенно, будто был повернут какой-то выключатель, превращались в бурлящие, сжимающиеся в шары — и тут же разваливающиеся, будто злобное проклятие мешало им превратиться в гроздь мелких звезд, остыть и стать мертвыми планетами посреди космической мглы, будто единственным возможным исходом было распасться до молекул, до атомов, разойтись во Вселенной причудливыми завитками туманностей...

— Голубое ухо, голубое брюхо... — сказала Лена. — Мы убили Голубого Щенка. Катран, ущипни меня. Мы взорвали звезду и пронзили ее труп. Мы прошли насквозь. И она погасла. Будто лампочку выключили... Ой! Катран!

— Ты же сказала — ущипни, — обиделся я.

— Эскадра, перекличка! — слышался голос Романа.

Я коснулся кнопки связи, сказал:

— Катран... Катран и Водила. Живы.

Перекличка длилась почти десять минут. Кое с кем случилась истерика. На одном корабле вышла из строя связь — пилот догадался подлететь к «Прайму» и «отметиться» визуально.

Мы потеряли всего пять кораблей, в основном мелких. Но, как ни странно, уцелели даже два слабеньких «Арлона».

В темноте, где даже звезд не было видно — их заслоняла сброшенная Голубым Щенком материя, мы летели ко второй точке гиперперехода.

— Всем кораблям, — устало говорил Роман. — Мы не задерживаемся. Мы не останавливаемся. Сейчас в этой зоне — как в центре тайфуна. Почти тихо и пусто. Но сейчас все будет приходить в равновесие. Здесь будет облако разреженного газа... на наших скоростях он сожжет щиты за несколько минут. Так что не задерживаемся. Выстраиваемся цепочкой. Нырять в гиперпереход один за другим. По выходу — тут же уходим в сторону, освобождаем место для следующих.

— Рома, а ты был уверен, что все случится именно так? — спросил я.

Роман помедлил, потом ответил:

— Разве можно в чем-то быть до конца уверенным?

— Понятно, — сказал я.

— Вот если бы мы попытались схватиться с тремя мегажуками — вот тут я был бы уверен в итоге.

Спорить я не стал.

Первым в гиперпереход нырнул «Прайм». Мы были шестыми.

И первым, что я увидел, когда мы вышли в пространство свеженареченной звезды Привал, был мегажук.

Один-одинешенек.

Он висел недалеко от зоны гиперперехода. С выключенными защитными полями. Без эскорта мелких кораблей.

И не стрелял.

Он нас ждал.

ЭПИЛОГ — ЗЕМЛЯ

Вадим Эдуардович развел руками.

— Я знаю не больше вашего. Ищущие — группировка, которая сложилась на основании идеи, что мир вокруг них виртуален, добыли чертежи гасильника, оружия, способного тушить звезды. В виртуальность они вроде как верить перестали. Но гасильник решили использовать. Вышли на орбиты вокруг солнца Плюшки, потребовали переговоров... к ним отправились ваши двойники. Потом... потом что-то произошло. Один корабль, «Мурена», отстыковался от флагмана Ищущих, на предельной скорости ушел в сторону — и взорвался. Второй тоже отделился — и вместе с Ищущими ушел в гиперпрыжок.

— Я жива, — сказала Лена. — Я это чувствую. Иначе мир стал бы другим... Почему взорвался мой корабль?

Вадим Эдуардович развел руками:

— А я знаю? Я, простите, тут, перед вами... вся информация — та, что мне рассказал мой двойник... и то, что вы видите на экранах. Вы сами вызвались быть парламентарями... там, в космосе. Возможно, был конфликт. Кто-то пытался бежать, его корабль сбили.

— Я бы тоже почувствовал, — сказал Валентин. — Лена жива. И я жив. Мы где-то, пусть и лишились корабля.

Вадим Эдуардович пожал плечами:

— Надеюсь. Кстати, на близкой солнечной орбите оставлен то ли гасильник, то ли просто мина... а может быть, и обманка, нервы потрепать. Возможно, вас взяли в плен?

— На фиг? — грубо спросила Лена.

— Не знаю. А может быть, каким-то умным головам пришла идея заминировать ваши корабли, чтобы взрыв уничтожил флагман Ищущих. Затея раскрылась, заминированный корабль отстыковали и уничтожили, а вы... обиделись. Ушли вместе с бунтарями.

Лена прищурилась:

— А что, вы бы могли так поступить?

— Вот только не надо, а? — вспыхнул Вадим Эдуардович. — Я — не он. Я бы так делать не стал, это не в моих правилах. Но мысль такая мне в голову пришла? Пришла! Значит, и ему могла прийти. А как он сейчас думает, на какие поступки способен — этого я не знаю. Мы слишком долго живем сами по себе.

Валентин подумал, что в какой-то мере Вадим Эдуардович демонстрирует честную игру. Ему самому и в голову не пришло, что их двойников могли так бесцеремонно подставить, отправить в путь на бочке с порохом.

А потом он подумал, что это очень удобно — иметь такое альтер эго, самостоятельное, берущее на себя всю грязную работу. «Живем сами по себе» — и все тут.

— Нас надо найти, — сказал Валентин. — Слышите?

— Я это себе сказал, — хмуро произнес Вадим Эдуардович. — Он пообещал. Сказал, что будут искать, непременно. Ищущие для них очень опасны, вы же понимаете...

— А спросить... жуков? — поинтересовалась Лена.

— Вот появится у нас новый их представитель, спросим, — кивнул Вадим Эдуардович. — А пока... вы не слишком устали?

Валентин и Лена переглянулись.

— Инна уехала отсыпаться. Мне предстоит решить вопрос с... упокоением чужого и этого нервного паренька. А игроки-то идут. Процесс движется. Мы не можем закрываться, Плюшке нужны пилоты... все время нужны.

— Поработать? — воскликнула Лена.

— Конечно. Хотя бы до обеда. Я настрою на вас механизмы портала, срабатывает он автоматически. Ну?

— Я буду отговаривать, — сказал Валентин. — Всех.

— Ну... я тоже, пожалуй, — сказала Лена. — Без фанатизма, но буду.

— Ваше право, — легко согласился Вадим Эдуардович. — Только пинками не гоните, хорошо? А так — отговаривайте, убеждайте. Говорите правду, и только правду... мы же теперь в одной команде.

На компьютерного игрока мужчина никак не походил. Вполне серьезной наружности, хорошо одетый, очень рассудительный, возрастом «за сорок». Впрочем... Валентин подумал, что совершенно не представляет себе, каков он — средний компьютерный игрок. Только ли подросток, жаждущий адреналина? Только ли застенчивый юноша, не имеющий подруги? Только ли фанат компьютеров, сетей и нарисованных сражений?

— Вы пытаетесь меня уверить, что все это всерьез, — сказал мужчина.

— Да, Александр Александрович, — на миг скосив глаза в анкету, сказал Валентин. — Это все совершенно серьезно. Разумеется, вы останетесь на Земле, но ваша точная копия окажется где-то там... среди звезд. В мире, где игроки пилотируют космические корабли на самом деле.

Где по-настоящему стреляют и убивают друг друга. Где живут инопланетные монстры. Только если вы продержитесь там три года, сознание вашего двойника вольется в ваше тело.

— Очень заманчиво, — сказал мужчина. — И рыбку съел, и сел с комфортом.

— Вы мне не верите? — спросил Валентин. — Думаете, это реклама? Маркетинговый ход? Я тоже так думал. А потом... — Он махнул рукой.

— Да нет же. — Мужчина улыбнулся. — Я верю. Точнее, допускаю вероятность того, что ваши слова — правда. Но мне это подходит.

— Почему?

— Да потому, что всегда интересно прожить две жизни вместо одной. — Мужчина усмехнулся. — Пусть даже одна будет опасной и короткой.

— Это вы сейчас так говорите, — пробормотал Валентин. — Сидя здесь, считая, что вы-то на Земле и останетесь. А когда попадете туда... поздно будет.

— Да жить вообще опасно, — серьезно сказал мужчина. — Знали бы вы, какие переделки у меня бывали в девяностые... Нет, нет. Не отговаривайте. Я согласен.

— Хорошо, — начиная злиться, сказал Валентин. — Согласие выражено в явной и ясной форме, вы находитесь в здравом уме и трезвой памяти. Пройдемте.

— Прямо сейчас? — поразился Александр. — Господи, хоть одно место в Москве нашлось, где нет бюрократии!

Они вышли в коридор. Валентин крутил на пальце связку ключей, повторяя про себя: «Я ему объяснял. Я его отговаривал. Он сам решил».

Когда они были в конце коридора, из соседней комнаты вышла Лена со своей клиенткой — некрасивой молодой женщиной. Женщина заметно нервничала. Можно сказать, была на грани истерики.

— Представляешь, Катран, — окликнула его Лена. — У нее там жених. По переписке. Она играла, а он там всерьез... вот, договорились, что она завербует. Попробуешь переубедить?

Валентин посмотрел на девушку и пожал плечами.

— А смысл? Пускай летит...

И отпирая дверь во Вселенную, добавил:

— Только после моего клиента. Очередь есть очередь.

ЭПИЛОГ-КОСМОС

— На вызовы не отвечает, — сказал Роман. — Не атакует. Но он живой, энергию излучает, какие-то приборы работают... черт знает что, нет нормальных устройств, чтобы его изучить дистанционно! Сколько летаем, воюем, а о каких-нибудь сканерах не задумались.

Я его понимал. Роман нервничал совершенно обоснованно. Атаковать жука первым не стоило. Быть может, мы и смогли бы победить, но потеряли бы огромное количество кораблей. Да и надежда — пусть слабая — на контакт перевешивала всю нашу агрессивность.

В то же время нам надо было приземлиться на какой-то планете или найти крупный астероид — чтобы развернуть синтезаторы, «наковырять» нужных минералов и выработать запас топлива. «Прайм» и еще три-четыре корабля были, пожалуй, способны уйти в новый прыжок. А вот мы, например, нет. Что уж говорить об уцелевшей мелочи...

Но уходить от точки гиперперехода и заниматься добычей ископаемых, оставляя за спиной огромный боевой корабль, было нелепо.

Вот мы и висели в сторонке боевым порядком и ждали. Чего? Никто не знал.

— Подождем еще час, — решил Роман. — Если... если так и будет висеть, то... То решим, что делать.

— Я все-таки приготовлю борщ, — решила Лена. — Пусть его рецепт придумал какой-то идиот, но куриные котлеты мне надоели еще больше.

Но, видимо, тот местный божок, который отвечал за кулинарию, был решительно против употребления в пищу ледяного борща. Едва Лена подошла к синтезатору, как главный экран засветился ровным белым светом, затмевая космос и звезды.

А потом в молочном свечении появился человек.

За ним, вне фокуса, шевелились и двигались какие-то мутные тени. Неприятные. Вроде и похожие на человеческие... но другие.

Ленка вскрикнула, глядя на экран.

— Я же его знаю! — воскликнул я. — Знаю я его! Это охранник из «Звездного часа»!

Человек на белом экране медленно поворачивал голову — это создавало неприятное ощущение, что он видит все, происходящее в корабле. Впрочем... почему бы и нет? Очень многое мы в своих кораблях не знали...

— Меня видят и слышат все ваши тринадцать кораблей, — сказал наконец человек. — Но разговаривать я буду только с вашим предводителем. У меня создалось ощущение, что де-факто им является Роман?

Пауза. И голос Романа:

— Де-факто — да. Мои ответы будут слышны на кораблях?

— Да. Тебя это устраивает?

— Вполне.

— Очень хорошо. — Человек кивнул. И широко, во всю квадратную челюсть, улыбнулся. — Я восхищен тем представлением, которое вы устроили со звездой, которую вы называете... называли Ригель.

— Мамочка, мы Ригель потушили, — сказала Лена. — Космонавты нас убьют. По Ригелю корабли ориентируются...

— Они не скоро узнают, — утешил я ее.

— Через тысячу с небольшим лет, — будто отвечая на мои слова, произнес человек на белом экране, — ваше усердие станет известно и на Земле. Но не раньше. Мы не рекомендуем вам лететь к Солнцу.

— Почему? — спросил Роман самым обыденным тоном.

— Потому что появление у людей межзвездных кораблей не входит в наши планы. Мы оплачиваем услуги своих партнеров-людей определенными видами новых технологий. Но не такими.

— Мы хотим вернуться на Землю, — резко сказал Роман.

— Вы все подписали контракт, хочу об этом напомнить, — сказал бывший охранник. Впрочем, он ли это был? Или просто один из удобных для жуков человеческих образов? Скорее все-таки второе. Я подумал, что буду считать его жуком. — Вы будете возвращены на Землю — при вашем желании, по истечении контракта. Возвращены не в физическом теле, а путем слияния вашего сознания с сознанием оставшегося на Земле оригинала. Все, как написано в контракте. Исключений не будет.

— А если мы все-таки полетим? — спросил Роман.

— Задавая глупый вопрос, вы вынуждаете меня давать вам глупый ответ, — сказал жук. — У вас был один гасильник. У нас их много. Дальше требуется что-то объяснять?

— Нет, — сказал Роман.

— Прекрасно. Мы поняли друг друга, дальше вы сами сделаете свой выбор. Мы окажем некоторое давление на администрацию Плюшки... чтобы вас не объявили всеобщими врагами и вели с вами торговлю. Вряд ли вы вольетесь в ряды обычных кланов и альянсов, но вы можете попробовать существовать автономно. Это дружеский жест с нашей

стороны.

— Удивительно, — сказал Роман. — Дружеские жесты — учитывая те корабли, что мы сожгли у... у Ригеля?

— А вы затем здесь и находитесь, чтобы сжигать время от времени наши корабли, — с иронией сказал жук.

— Вы могли бы объяснить? — попросил Роман. — В качестве... еще одного доброго жеста? Это какие-то внутренние враги вашей цивилизации? Или преступники? Или...

— Это наши дети. Это всего лишь наши дети. — Охранник снова оскалился.

— Тогда я ничего не понимаю, — сказал Роман.

— Хорошо. Я поясню... — Жук подпер рукой подбородок, будто задумался. Но я был уверен — он просто имитирует человеческие жесты. — Большинство цивилизаций, к их числу относится и ваша, имеют конечный и четко вычисляемый срок жизни. Нет, не войны и не экологические катастрофы. Даже не научные эксперименты... большей частью. Всего лишь рост комфорта и качества жизни. Как только цивилизация развивается настолько, что продолжительность жизни начинает стремиться к бесконечности — вы дойдете до этого довольно скоро, а тяжелый труд уходит в прошлое — и этого вы тоже успеете добиться, у нее теряется смысл в возобновлении своего существования. Для гуманоидов это наиболее характерно, они просто перестают рожать детей — и медленно, плавно, как правило, очень красиво вымирают. Мы любим посещать такие планеты и изучать то огромное творческое наследие, которое остается после гуманоидных рас.

— Я не верю, — сказал Роман, помолчав.

— Ваше право. Но это истина. Нас ничуть не беспокоит ваша цивилизация, находящаяся очень далеко — и финиширующая, по нашим прогнозам, через полторы-две тысячи лет. Вы нам не враги. Мы желаем вам жить счастливо и сполна насладиться золотым веком вашей расы. Ближайшие к нам районы галактики мы, конечно, были вынуждены стерилизовать. Молодые цивилизации бывают очень агрессивны, вы это знаете по себе.

— А вы?

— Мы? Ничуть. У нас обратная проблема, нехарактерная для гуманоидов. Процесс нашего воспроизводства прост, молодь не нуждается в воспитании и социализируется сама собой. Нас не пугает рост населения, планет много. Но было бы глупо устранить все эволюционные факторы, которые помогали нашим детям расти, отбраковывали глупых,

медлительных, трусливых, неудачливых. Заселять мир за миром выродившимися представителями своей расы? Глупо. Нам нужен был эволюционный фактор. Что-то или кто-то отбраковывающий генетический мусор. Молодые и агрессивные цивилизации для этого подходят идеально. И заметьте, мы не натравливаем свою молодежь на ваши миры. Не забираем вас насильно. Не ставим в невыгодные условия, заставляя сражаться врукопашную... тут шансов у вас немного. Мы даем и своим детям, и вам практически одинаковые корабли. Позволяем жить, веселиться, воевать. И даже возвращаться назад — самым лучшим из вас. В чем же наша агрессивность? Ее нет. Вы получили приключения. Мы получили отбраковку.

— Это чудовищно, — тихо сказал Роман. — Мы убиваем ваших детей... а почему мы лишены возможности завести своих? Вы боитесь конкуренции?

— Что вы! — Жук возмущенно посмотрел вперед. — Что вы говорите! Вы нам не конкуренты. Это было бы жестокостью — позволить вам иметь детей в этом мире, созданном для войны! Считайте это защитой прав ваших детей, которые здесь, конечно же, не должны появляться на свет.

Вот этой тирадой он Романа, похоже, добил. Наш предводитель молчал.

— Я рад, что мы поняли друг друга, — сказал жук. — До свидания. Или вернее будет сказать «прощайте»? Желаю вам всем доиграть до конца и благополучно вернуться на вашу родную планету.

Экран погас.

А мегажук медленно поплыл в сторону гиперперехода.

— Это значит, что у нас нет даже надежды... — тихо сказала Лена.

— Это значит только то, что мы ее еще не нашли, — ответил я.

Мегажук плавно, вальяжно вошел в гиперпереход — и исчез.

В эфире царила тишина.

А потом заговорил Роман:

— Внимание. Все всё слышали? Я... я хочу узнать ваше мнение.

Я посмотрел на Лену. И подался вперед, к пульту, будто от этого мой голос должен был стать громче.

— Это Катран. Разрешите сказать?

— Разрешаю, — ответил Роман. И я вдруг понял, что безалаберная компания мечтателей и игроков сама собой начала превращаться во что-то другое. В какую-то военную организацию. Во что-то, способное работать...

Если она уцелеет, конечно.

— Я не знаю, врет он или нет, — сказал я. — Никто из нас не знает...

да, может, и не узнает никогда. Но, наверное, что-то в его словах есть. Люди только тогда способны развиваться, когда они борются. Если... если двигаются. Обживают новые земли. Сражаются. Если все дается с трудом. А если бананы сами падают в рот, то остается только лежать под пальмой и жевать. Мы все... ну, почти все, сюда попали потому, что играли в игру. В компьютерную игру, где надо было сражаться и побеждать. Скажите, почему вы в нее играли? Вы же не дети. Вы все по большей части не бедствовали и не скучали на Земле. Так чего вам не хватало в жизни? Что заставляло вас днями и ночами сидеть за компьютером, дергать мышкой по столу?

Меня слушали. Меня слушали так же внимательно, как и жука. И я понимал — предельно ясно, что если не смогу, не сумею их убедить, переломить, опровергнуть сказанное Чужим — нам всем конец.

— Может быть, Земля и умрет, — сказал я. — Но не потому, что у человечества кончится завод, люди — не игрушка на пружинке. А потому, что некуда будет приложить силы, азарт, ярость! Потому что исчезли белые пятна на глобусе, а другого глобуса нет и не предвидится! И остается... остается уходить в ненастоящие миры. На Земле всегда были те, кто предпочитал оставаться дома, и те, кто хотел идти дальше. Кто плыл через океан, покорял Сибирь, шел к полюсу, летал в космос. И вот из-за них... из-за нас, тех, кому чего-то не хватает дома, в тепле и сытости, человечество и живет. Живет по-настоящему. Да, если некуда идти, если мы погрузимся в виртуальные миры — нам конец. Жук сказал, что мы ему не конкуренты? Он лукавил. Земля — да, она им не конкурент. А вот мы — мы можем ими стать. Если не сдадимся. Не опустим руки. Не потеряем надежды. Мы ведь хотели приключений? Спасибо жукам, мы их получили. Но теперь наш черед выбирать, какие приключения нам интересны. Вокруг слишком много белых пятен — я хочу посмотреть, какого они цвета.

Я замолчал. Несколько секунд царила тишина. Потом кто-то сказал:

— А я и не рвался на Землю, если честно. Там теща и начальник фирмы. Пусть с ними мой двойник разбирается.

Кто-то хихикнул. Кто-то выругался — но не обреченно, а с вызовом. В эфире загомонили. Потом заговорил Роман:

— Спасибо, Катран. Не скажу, будто я так уж счастлив, что именно нам выпало «идти дальше». Но раз уж выпало... Эскадра! Мы возвращаемся на базу. Здесь становится все веселее и веселее. А Земля... Земля подождет.

— Они сделали ошибку, — негромко сказала Лена. — Большую ошибку, когда сказали, что мы им не конкуренты, что люди обречены.

— Да, — согласился я. — Мы такого не любим.

— Вот это меня и смущает, — продолжила Лена. — Они вроде как неплохо в людях разбираются. И не поняли, что их речь нас только разозлит?

— Ты не веришь жуку?

— Не очень, — призналась Лена. — Не во всем.

— Что ж, — сказал я, разворачивая корабль вслед за флагманом. — Тогда у нас еще будет время разобраться.